

Doctor
WHO

DECALOG

3

CONSEQUENCES

**TEN
STORIES**

**SEVEN
DOCTORS**

**ONE
CHAIN OF
EVENTS**

PETER ANGHELIDES, STEVE BOWKETT, COLIN BRAKE,
GUY CLAPPERTON, KEITH R. A. DECANDIDO, CRAIG
HINTON, BEN JEAPES, JACKIE MARSHALL, STEVEN
MOFFAT & GARETH ROBERTS

EDITED BY

ANDY LANE & JUSTIN RICHARDS

Доктор Кто

Декалог 3: Последствия

Десять рассказов
Семь Докторов
Одна цепь событий

Под редакцией
Энди Лэйна
и Джастина Ричардса.

Перевод осуществлён ssv310
на сайте [Notabenoid](http://Notabenoid.com)

«Последствия того, что Доктор разгуливает по нашей Вселенной, могут быть колоссальными... Доктор путешествует во времени. Никогда не забывайте об этом, это ключ к пониманию того, почему он так опасен. Большинство из нас в меру наших возможностей вовлечены в написание истории. Но Доктор её переписывает».

Но даже Доктор может не видеть те нити, которые связывают нашу вселенную воедино.

Возможно, он просто режет их. Кто знает, каким событиям он даёт старт, даже не осознавая этого? Кто знает, какие последствия могут настигнуть его в будущем (или в прошлом)?

Десять новых историй из вселенной Доктора Кто. Семь жизней Доктора неумолимо связаны захватывающей цепью последствий.

Как обычно, редакторы собрали блестящую команду мастеров пера, знаменитых телесценаристов и заслуженных авторов серии New Adventures. И, как обычно, есть рассказы от новых талантливых авторов.

...И ВЕЧНОСТЬ ЗА ЧАС

Стивен Баукетт

Он спал уже три дня. Это был тот странный и даже немного страшный сон, в который Доктор иногда погружался, когда ему нужно было собрать все ресурсы своего существа; нечеловеческий сон, хотя Джо и понимала, что для него это было абсолютно естественно. Всё равно она не могла привыкнуть ни к полной неподвижности его тела — и веко ни капельки не дёрнется, и пальцы не шелохнутся — к сильному падению температуры его тела, к мертвенной бледности его кожи.

Она заглядывала к нему каждые несколько часов, день и ночь проводила в ТАРДИС, высматривала какие-нибудь изменения в неестественном постоянстве, прижимала ухо к его груди, чтобы услышать обнадеживающий двойной ритм его сердец — единственный признак того, что жизнь его ещё не покинула. Она набросила на него одеяло, говорила с ним, когда уже не могла сдерживать своё беспокойство, и регулярно заваривала ему чай, который через несколько часов выливала, когда жидкость становилась такой же холодной, как ледяная кожа Доктора.

Три дня. А на четвёртый день она обнаружила, что он проснулся и улыбается, что его взгляд такой же ясный и озорной, каким она его всегда знала. От облегчения у неё в глазах выступили слёзы.

— О, Доктор... Ты... — она чуть было не сказала «снова живой», но успела остановиться и смущённо засмеялась: — Ты проснулся.

— Этот чай остыл, Джо.

Он улыбнулся ей, аккуратно поставил чашку с блюдцем на столик у кровати, и попытался убрать ворс, запутавшийся в красном бархате его пиджака: его притворная привычка, которая свидетельствовала о том, что его мысли чем-то заняты.

Джо знала его достаточно хорошо, чтобы понимать это. Радость на её лице пропала.

— Доктор, случилось что-то плохое, да?

Его улыбка не пропала; Доктору нравились невинность, простота и открытость, с которыми Джо формулировала мысли. Иногда Вселенная дрожала, сотрясалась под ударами сил зла, грозивших расколоть её, и тогда Джо так отчаянно, так искренне пыталась понять и помочь. Этим она ему очень нравилась, хотя он никогда и не говорил об этом.

Доктор встал, потянулся, снова попытался очистить пиджак и подумал, что лучше бы он его повесил перед тем, как впадать в состояние гипер-медитации. Бархат сильно мнётся.

— Если честно, Джо, то да. Думаю, случилось что-то ужасное.

— Что? Ты можешь мне объяснить?

Он уставился мимо неё вдаль, размышляя как лучше объяснить идею, для понимания которой обычный человеческий ум не был предназначен.

— Думаю, что смогу. Но вначале мне нужны чашка чая — горячего в этот раз, пожалуйста — и как минимум пятьсот костяшек домино.

Объяснение состоялось несколько часов спустя. Доктор был занят подготовкой ТАРДИС к тому, что Джо называла «долгий перелёт», прекрасно понимая, что любое описание этого путешествия окажется абсолютно неадекватным. Затем,

на огромном столе в одной боковых кают, в которых бывал редко, он выстроил рядами костяшки домино.

Кости домино, стоя на торцах, формировали похожую на дерево структуру, «ствол» которой разделялся надвое, каждая из веток потом тоже делилась, и так далее, пока домино не закончилось.

— Если бы ты выступал с этим номером на улице, ты бы хорошо зарабатывал, — прокомментировала Джо, пытаясь скрыть своё беспокойство.

Она знала, что произойдёт, когда Доктор толкнёт первую кость, и не могла понять, зачем он так старается, если она легко могла представить себе это.

— Предположим, — начал Доктор, и его назидательная интонация заставила Джо улыбнуться, — предположим, что это игра в причины и следствия. Если я толкну первую кость...

— Она толкнёт вторую, та толкнёт третью, и так далее.

— Отлично, Джо! — сказал он с искренней радостью.

— Я вообще-то в школе успешно сдала экзамены!

Доктор поднял указательный палец:

— Но не по пан-мерной объединённой метафизике.

— Вообще-то, — призналась она, — лучшая оценка у меня была по домоводству.

— А теперь предположим, что мы знаем о том, что домино падают, лишь потому, что мы смотрим на две или три кости сквозь маленькое окошко. То есть мы не знаем, откуда началось обрушение и где оно закончится.

— И закончится ли вообще, — добавила Джо, вздрогнув от того, что внутри у неё похолодело.

— И закончится ли вообще... Но мы знаем, что если мы устраним одну стратегически важную кость, то сможем

ограничить ущерб, а может быть, даже полностью остановить цепную реакцию.

— Ты говоришь о временном разломе! — перебила его Джо от внезапного прозрения и от шока от того, что в её представлении кости домино стали населёнными планетами. Он немного говорил ей об этом перед тем, как впасть в это непостижимое состояние, которое он называл «сон обучения».

— О, Доктор, ты имеешь в виду...

Он мрачно кивнул.

— С этим не вполне умеют справляться даже повелители времени... — он усмехнулся на слове «даже».

Снова парадоксальные отношения между ним и его народом заставили их просить его о помощи, и вынудили его эту помощь предложить; хотя в глубине своих сердец Доктор сомневался в том, что даже ему удастся в этот раз что-нибудь сделать.

Временные разломы были многомерными эквивалентами землетрясений: огромные блуждающие выбросы хронотронной энергии, несущиеся как сейсмические волны по хрупкой паутине космического пространства-времени. И разлом, о котором ему сообщил Верховный Совет Галлифрея, был очень сильным: 8+ по галактической шкале Рихтера.

Поэтому Доктор старался не рассуждать об общей картине, об этом жутком сценарии, который обрисовали ему галлифрейские хронологи, а вместо этого сосредоточился на своём фокусе с домино и на том слабом призраке надежды, которую он давал.

— Проблема в том, как, не видя полной картины, решить какую из костей нужно убрать. На какую планету лететь? В какой период её истории направиться?

Доктор говорил энергично, и на самом деле обращался не к ней. И Джо подумала, не обращается ли он с мольбой к ядру своего сознания, в которое погружался во сне, или к духу великого Рассилонна, или к другому богу, которому он и его народ когда-то поклонялись.

— И что, есть ответ? — почти грубо спросила она.

Он улыбнулся ей. Но почему-то её это не убеждало.

— Джо, ответ есть всегда! Давай, я покажу тебе ещё кое-что. Пойдём!

Доктор толкнул первую костяшку и отвернулся. Джо нахмурилась, наклонилась над столом, выхватила одну из костяшек на пути падения, и с удовлетворением убедилась, что падение прекратилось.

Она пошла догонять Доктора с костяшкой в руках, слегка нахмурившись тому, что эта костяшка, несомненно случайно, оказалась «пусто-пусто».

Утверждение Доктора о том, что ТАРДИС большая, как дом, Джо раньше считала сомнительной сказкой. Но теперь она уже была не так уверена в этом. Они шли двадцать минут, пока добрались до затемнённого помещения непонятного размера. Доктор отступил в сторону, чтобы пропустить её, и Джо оказалась посреди необъятных просторов, созвездий и сгустков межзвёздного газа, которые были не только со всех сторон, но и сверху, и снизу. Она ахнула от такой красоты и блеска.

— Доктор, это планетарий!

Он поцокал языком. Его голос был такой же бархатный, как его пиджак:

— Эх ты, Джо. Это голографическое представление галактики...

— Конечно... Пан-размерное, разумеется.

— Разумеется. И оно соединено со сложной нейронной сетью, образующей часть схемы нечёткой логики искусственного интеллекта ТАРДИС, позволяющей металогическим алгоритмам работать совместно с обычными логическими программами.

— Я так и знала.

— Я называю её «контур интуиции».

— И, — она обрадовалась, как ребёнок, — она выдаёт ответы, не разобравшись в вопросах! Доктор... ты хочешь сказать, что ТАРДИС полагается на интуицию!

Он пожал плечами. Стоя к нему плечом к плечу, Джо почувствовала его движение.

— А как, по-твоему, я так часто оказываюсь в нужном месте в нужное время?

— И она нам скажет, как остановить разрушение, вызванное временным разломом?

— Хм. Может быть, это будет в новых моделях. Цепь интуиции может указать, куда и когда нам нужно отправиться, но что там нужно сделать, нам придётся разбираться самим.

Поскольку вся подготовительная работа была сделана загодя, Доктор смог включить главный двигатель ТАРДИС с крохотной консоли, стоявшей прямо в комнате с проектором. Джо даже вскрикнула от восторга, когда алмазная панорама галактического пространства понеслась мимо неё, звёзды пролетали миллионами, сливаясь в светящиеся радужные дуги.

— На самом деле мы сейчас не движемся сквозь ткань пространства-времени, — объяснял Доктор, — а, скорее, используем зазоры между нитями физической реальности.

Джо его почти не слушала, и Доктор улыбнулся тому, как ей нравится яркая театральность его небольшой иллюзии.

Они стояли в этой комнате, стояли в месте, которое было всеми местами сразу, пока одно из созвездий не ринулось издалека к ним, а затем остановилось, приблизившись. Одна жёлтая звезда стала ярче других, увеличиваясь, словно раскрывающийся цветок, и, в конце концов, заняла почти всё поле зрения Джо. Она смогла даже различить маленькие точки вращающихся вокруг этой звезды планет.

— Йота Змееносца, — смакуя слова, сказал Доктор. — А вон та фиолетовая планета, вон там, Джо, это Алракис, место нашего назначения...

— Откуда ты знаешь?

В свете звёзд он не мог увидеть, что она хмурится, но удивление и даже лёгкое разочарование были слышны в её голосе.

— Я узнаю созвездия, — сказал он. — К тому же...

Доктор коснулся локтя Джо и указал в направлении одного из углов помещения. Там загорались и угасали похожие на буквы значки и символы — небесные координаты, по которым Доктор сразу же точно понимал где и когда они приземлились.

Отображение галактики начало угасать, и его сменяло колышущееся мягкое свечение.

— Давай вернёмся к главной консоли и посмотрим на сканеры.

Джо кивнула и пошла за ним, хотя ей было грустно покидать этот красивый кокон; и было страшно снова возвращаться в реальную вселенную, где были с жизнь и смерть, ужасы, кошмары, отчаяние...

Базы данных ТАРДИС предоставили имевшуюся в них информацию — исторические сведения и данные, собранные сенсорами — демонстрируя всё на экране гораздо быстрее, чем

Джо успевала воспринимать. Осознав масштабы темпорального ущерба, Доктор тяжело вздохнул.

— Что, так плохо? — спросила она, хотя по помрачевшему лицу и так знала ответ.

— Боюсь, что да, Джо. Хотя по местному времени эффекты рассыпания разлома достигли Алракиса всего несколько месяцев назад, из-за того, что планета подверглась облучению немодифицированной хронотронной энергией, произойдут сильнейшие искажения пространства-времени, и...

— Хм, Доктор... Обычным языком, пожалуйста.

Вначале он раздражённо поджал губы — признак беспокойства — но затем расслабился, поняв, что переносит свои опасения на счёт на Алракиса на Джо.

— Проще говоря, время сошло с катушек. В некоторых участках этой планеты время будет ускоряться, много лет пролетят за секунды. А в других местах возникнут состояния замедленного времени, или даже полная его остановка. Представь себе, Джо, качающегося на качели ребёнка, который навечно завис в высшей точке. Или пчелу, зависшую над цветком, и вечно предвкушающую вкус его нектара. Или солнце, навеки скрытое набежавшей тучкой, которая никуда не улетает...

— Доктор, это ужасно!

— Даже ещё хуже. Потому что «шальное время», вытекающее из разлома, будет прорываться неожиданно, и обращать и без того сумасшедшую обстановку в полный хаос. Последствия из-за этого абсолютно непредсказуемы, и для любого, кто ещё остался живым и не сошёл с ума, просто ужасающими, — он неуверенно посмотрел на неё. — Иными словами, там очень опасно, Джо. И я думаю, что тебе лучше остаться и...

— Э, нет, в этот раз ты так со мной не поступишь! — в её голосе был смех, но она сердилась на него за то, что он до сих пор хотел, чтобы она оставалась в безопасности ТАРДИС. Она перестала смеяться. — Я серьёзно, Доктор. Может быть, я не всегда полезна в кризисе, но и нянчиться со мной не надо.

Он знал, что это правда, и, чтобы скрыть своё беспокойство о её безопасности, он кивнул и улыбнулся.

Джо сказала:

— Но я не понимаю, почему ТАРДИС доставила нас сюда сейчас? Не было бы логичнее, если бы мы прибыли на Алракис до того, как до него добралась энергия разлома?

— Здравый смысл подсказывает, что да, — Доктор отключил сканеры и открыл большие двери. — Но решения цепи интуиции загадочны. Всё, что я могу сказать — эти пространственно-временные координаты были выбраны не случайно, — он печально улыбнулся: — Хотя, когда причины выбора остаются непонятными логическому уму, это очень сбивает с толку...

Джо плотнее завернулась в плащ и задрожала на ветру, дувшему по залитым дождём переулкам Алмаракка — города, в котором они материализовались. Доктор вкратце объяснил ей, что доминирующая раса Алракиса — тонска — были гуманоидами, чьи технологические возможности сильно превосходили их способности к заботе о своей планете.

— Похожи на нас, — сказала Джо.

— Вы, по крайней мере, будучи сгустком противоречий, всё-таки производите на свет души, способные ценить красоту, заботиться о слабом, взглянуть в ночь и спросить «Зачем?». Но тонска стали серые и механические, как и их машины. Они — грустная глава в истории, которая рассказана по всему

Космосу, Джо. Но, что бы я о них ни думал, им всё равно нужна наша помощь.

— И как мы будем им помогать?

— Они освоили космические путешествия, высоко развиты, и знают о существовании повелителей времени. Нам нужно обратиться к верховной власти Алракиса — человеку, известному как Йед-Приор — представиться, и объяснить, что может быть надежда обратить вспять расширение разлома.

Они дошли до конца грязного переулочка и вышли на более широкую, оживлённую улицу, спускавшуюся к эспланаде, протянувшейся к огромным внешним бастионам вавилонской башни, гранитные пики которой терялись среди туч. Джо провела глазами по её обводам вверх, затем посмотрела ещё выше, на пурпурное небо, в котором висела огромная, покрытая кратерами луна. Даже отсюда Джо могла разглядеть шрамы и оспины, оставленные на её поверхности добычей полезных ископаемых; она внезапно почувствовала сильную антипатию к алракианам, которые день за днём, без остановки, поедали магию небес.

— Цитадель Йед-Приора, — объяснил Доктор, кивая в сторону огромного здания, доминирующего на горизонте. — Нам нужно идти туда.

— Как ты думаешь, тут есть такси?

Доктор рассмеялся:

— Боюсь, придётся добираться на своих двоих. Но, если постараемся, то за пару часов должны дойти!

Джо посмотрела на него, чтобы понять, не шутит ли он. На сильном холодном ветру белая шевелюра Доктора развевалась, как пламя. Джо была чрезвычайно рада, что он рядом.

Но затем он задрожал, как будто она его видела сквозь волны воды. Он пошатнулся, наклонился к ней и его голос словно донёлся издалека:

— Джо... Искажение вре-ме-ни... Не полу-чит-ся...

Она тряхнула головой, чтобы освежить свой слух и показать, что не понимает, что он говорит.

— Доктор, что происходит?

Она почти пропищала эти слова, хотя сама восприняла их нормально. Но вот мощные сирены зазвучали в воздухе среди смятения, криков, бегущих людей. Впервые Джо увидела алкариан и, несмотря на критическую ситуацию, её тронуло выражение трагедии и потери, отпечатанное на лицах людей, красота и надежда терялись под серым налётом избытка ужаса.

Она снова повернулась к Доктору, который, казалось, тянулся к ней откуда-то издалека. В его глазах был страх, который она раньше никогда не видела. Позади его и вокруг однообразно одетые алкариане бегали в панике и толкались; стадо безмолвных существ, разбегающихся от великого хищника — Времени.

Один мужчина резко обернулся, как будто что-то было у его плеча. Он посмотрел на это, и складки и морщины на его лице, появившиеся после полу-вековой жизни в нищете, расплавились, как горячий воск, и растеклись в лицо невинного ребёнка. А затем, когда темпоральный разрушитель нанёс удар в полную силу, даже ребёнок пропал, и лишь капля крови и плазмы упала на землю, и её затоптала не заметившая этого толпа.

Кто-то сильно толкнул Джо в левый бок, когда из её горла вырывался крик. Она споткнулась, кто-то ударил локтем по её правому виску, и она беспомощно растянулась на земле.

От этого её охватил ещё больший ужас, толкнувший её действовать, сломив парализующее отвращение, вызванное видом регрессировавшего мужчины. Джо понимала, что если она не встанет на ноги, её затопчут в считанные секунды. Она словно оказалась в лесу из движущихся ног и развивающихся пол верхней одежды; с решительным криком она вцепилась в них, чтобы вскарабкаться выше.

Женщина, примерно её ровесница, остановилась и протянула ей руку. Джо вскрикнула, схватила за руку, и посмотрела вверх, на свою спасительницу... Но у той лицо уже разваливалось, плоть отрывалась от костей и падала на дорогу. Женщина пыталась что-то сказать, но слова не вырвались из её горла, мгновенно прожившего годы, в её глазах пропала искра жизни, и они стали непрозрачными, как камень.

Скелет упал россыпью костей, Джо отпрянула в сторону, повернувшись, готовая позволить этому кошмару вести её куда угодно.

По небу пронеслась темнота, словно огромное чёрное крыло. Автоматически загорелись несколько фонарей, некоторые из них сразу перегорели, раздираемые более мощными силами; другие судорожно угасали в хаотической темноте, освещая перепуганные лица обречённых на смерть.

Джо включала себя в их число. В этот момент большая бронированная машина быстро проехала по улице от эспланады, раздвигая людей в стороны каким-то невидимым силовым полем. Похожая на стального броненосца, она двигалась прямо на Джо, а затем ловким манёвром повернулась и остановилась.

Открылась и упала дверь-помост, и в её сторону выбежали два человека, одетые в серые доспехи. Не успела она прийти в

себя, как её схватили, потащили к броневикам, и затолкнули вовнутрь.

А за окном в это время временной шторм ударил по улицам в полную силу, и живых существ в завывающем урагане будущего швыряло, как прогоревший пепел.

Ещё больше, чем мысли о смерти Джо, Доктора печалило то, что именно он и повёл её на верную смерть. Он знал об опасности, об ужасной опасности; а вот Джо полностью доверилась ему, уверенная в иллюзии того, что он о ней позаботится так же, как делал это всегда.

Когда предвестники темпорального возмущения проносились по городу, он почти не замечал умирающих вокруг него людей. Мужчины и женщины обращались в прах, или же сжимались до маленьких фрагментов зарождающейся жизни, и их уносило ветром.

Он почти не заметил, что толпа понесла его за собой, через большую дверь в огромное укрытие, которое уже кишело людьми... или кто там был на Алракисе вместо людей.

Большую металлическую дверь закрыли, и Доктор горько рассмеялся, поняв, что этот народ нашёл самый простой из возможных способов защитить себя: используя исключительную долговечность стали и гранита. За исключением особых и очень редких обстоятельств, энергия временного разлома не проникала сюда, в это помещение. Вместо этого, вихри веков бились о редут, изнашивали камень и металл, пока энергия времени не истощалась, и не возвращалось то, что смертные считали реальностью.

Устало опираясь на стену, Доктор морально приготовился к томительному ожиданию. Его усталость была не только от тяжести сложившейся ситуации, но также от отчаяния. Он

подумал, что Джо тоже могла найти укрытие и выжить. Но шансы на это были невелики, и скорее всего темпоральная буря поглотила её, как пламя поглощает мотылька.

Острая, как нож, боль пронзила его — Доктор корил себя; после всего того, через что он прошёл во время своих приключений, пора было бы уже и забыть о том, что надежда может пережить даже упрямство камня.

Воздух в броневице был затхлый и пропах какими-то химикатами, которые раздражали Джо. Её спасители, или похитители, выбрались из своих тяжёлых одежд, сняли с себя забрала и капюшоны, и опустились на металлические лавки. Они смотрели на Джо с открытой враждебностью. Джо была шокирована видом мужчины, у которого левая сторона лица была почти юная, а на правой стороне кожа свисала складками, как у восьмидесятилетнего старика.

— Смотрите внимательно, девушка, к чему привели ваши манипуляции. Вам нравится Аркаб таким, каким он должен быть, — мужчина повернул к ней юную часть лица, — или таким, каким его сделали повелители времени?

Джо подавила в себе шок, понимая, что нужно быть очень осторожной.

— А причём тут повелители времени? — спросила она.

Аркаб усмехнулся, его несимметричное лицо превратилось в ещё более гротескную гримасу. Джо увидела, что его челюсти и зубы с правой стороны были сильно реконструированы с использованием грубых металлических деталей и сверкающей микроэлектроники. Когда Аркаб разразился смехом, электроника поблёскивала.

— Хочешь сказать, у этой резни может быть другое объяснение? Может быть, когда твои соплеменники узнают, что мы...

Джо резко перебила его, её распирали обида, нетерпение, и внезапная жалость к его травме:

— Минуточку, Аркаб. Тебе нужно узнать несколько вещей... Нет, теперь ты меня выслушай!

Он хотел отмахнуться от её оправданий, но его застала врасплох эта худенькая, юная симпатичная девушка, за изначальной робостью которой скрывался сильный характер.

Он улыбнулся, его ярость немного спала. Его напарница, сидевшая рядом, тоже усмехнулась, увидев, как укротили гнев Аркаба.

— Во-первых, — сказала Джо, загибая палец, как строгая учительница, разъясняющая что-то школьнику, — я не повелительница времени...

— Но...

— Я путешествую с повелителем времени, Доктором. И мы прибыли сюда попытаться исправить ущерб, нанесённый временным разломом. Мы хотим вам помочь, Аркаб, поверь мне.

— Вера, доверие... Это сложные концепции в безумном мире.

— Это безумие не из-за повелителей времени, я уверена в этом. Они против вмешательства во временные дела других рас.

Аркаб не мог сдержать циничный хохот. Джо пожала плечами, пренебрегая его реакцией.

— И Доктор здесь не для того, чтобы вмешиваться. Мы вычислили, что сейчас, в Альмараке, тот момент, когда мы можем принести наибольшую пользу.

— Как? — спросила женщина.

Аркаб захихикал:

— Хороший вопрос, Саиф. Как, девушка? Расскажите нам.

— Я не знаю, — тихо сказала Джо. — Всё что я знаю, компьютеры нашего судна, ТАРДИС, выдали нам эти координаты.

— Но почему здесь, почему сейчас? — требовал Аркаб.

Джо вздохнула. Она устала, её истощили пережитые события, а ещё большую усталость вызывала перспектива долго что-то объяснять этим людям. Теперь, когда её жизнь не была в неминуемой опасности, ей хотелось только есть и спать, а затем отправиться на поиски Доктора. Если он выжил.

Она сказала об этом Саиф и Аркабу. Лицо женщины немного смягчилось, и она кивнула, повернувшись к напарнику:

— Мы ведём себя невежливо. Правду она говорит или нет, в этом состоянии она нам не поможет.

— Джо. Меня зовут Джо. И у меня к вам так же много вопросов, как и у вас ко мне. Но пожалуйста, всего часик отдыха...

Когда она говорила, её глаза уже слипались, серая внутренность броневи́ка угасала, и её сознание отключалось. Когда она качнулась вперёд, Саиф поймала её, опустила на жёсткую койку, и прикрыла грубым, колючим, вонючим одеялом — лучшей постели Джо не могла себе даже представить.

Временной шторм прошёл, унеся с неба дневной свет, и оставив ночь. Когда Доктор вышел из бункера и целеустремлённо направился сквозь толпу расходящихся

людей в сторону Цитадели, огромная луна этой планеты висела низко на западе, её нижний край был уже ниже горизонта.

На своём пути он не мог не замечать царившее вокруг опустошение: человеческие останки, разбросанные по тротуарам и дорогам, груды щебня, пыли и ржавого, состарившегося металла; детей, ползающих в остатках взрослой одежды, некоторые из них плакали, некоторые ползали молча... У всех в глазах были страх и непонимание...

Доктор отворачивался, заставляя разум работать над проблемами его миссии на Алракисе. Он не мог ничего сделать, кроме как спасти нескольких из этих несчастных людей, которых превратности шторма отправили обратно в младенчество, обрекая на медленную смерть в этом опустошённом обществе, где не заботились о своих ближних. Нет, любая помощь, которую мог предложить Доктор, должна была быть большего масштаба, нужно было воспользоваться его способностями манипулировать временем, чтобы или безвредно перенаправить ужасающие энергии разлома в какую-нибудь стерильную под-вселенную, или...

— Или же задействовать термоядерные электростанции Алракиса, создать бесшовную темпоральную петлю обратной связи, чтобы удерживать в ней утечки...

Он шёл дальше, его мозг был занят деталями стратегии, теперь он не замечал измазанные лица, глупо глазевшие на проходившего мимо странного, цветастого человека, а затем обращавшиеся снова к мерцающим в небе звёздам, которые казались им такими красивыми, и о которых они ничего не понимали.

По просьбе Аркаба Джо дала ему доминошку «пусто-пусто». Она вертела её в руках, когда они разговаривали.

Аркаб посмотрел на кость, а потом на Джо.

— Что это?

— Это... Это просто на удачу... Рассказывай дальше.

— Несмотря на всё это, — он развёл руками, имея в виду и город, и всё остальное, — мы считаем, что Вселенная изменяется так, как она должна. Что бы ни происходило, тому есть цель. Люди боятся неизвестного только потому, что не понимают его смысл. Но за тем, что кажется случайным, должна скрываться направляющая сила.

Аркаб подбросил кость домино; она упала на пол лицевой стороной вниз. Он поднял её, снова подбросил, и в этот раз пустые панели смотрели вверх.

— Невозможно предсказать, как упадёт этот амулет. Но разве ты не видишь, Джо: это всё заложено в базовую структуру Космоса!

Чтобы не пересекаться взглядом с Аркабом, Джо смотрела на домино. Ей доводилось слышать, как Доктор тоже говорил так о глубокой структуре пространства-времени; и в самом деле, само понятие «материя» подразумевало наличие ткача. Или же это, — думала она, — всего лишь наделение хаоса смыслом? Может быть, это просто самообман, иллюзия смысла в бессмысленной пустоте?

— Аркаб, — медленно сказала Джо, — я не знаю, как тебе ответить, — её пугало это евангелическое рвение этого мужчины, а также то, что, как ей становилось ясно, Аркаб, Саиф, и другие члены экипажа броневика представляли собой какую-то повстанческую группировку, анархическую силу, решительно настроенную скорее разрушать, чем философствовать. — Всё, что я понимаю — нужно найти Доктора. Он тот, кто сможет вам помочь.

— Нет проблем, — Саиф работала со сканирующими системами, и сейчас указывала Джо на мерцающие экраны, в большинстве которых Джо не могла ничего понять.

Но ей показали Цитадель, бывшую довольно близко, фасад которой был так огромен, что, казалось, закрывал всё небо.

— Как ты, возможно, догадываешься, мы научились обнаруживать темпоральные аномалии. Мы засекли прибытие вашего корабля (именно поэтому мы и смогли добраться до вас в тот момент, когда ударил временной шторм) и проследили за твоим другом Доктором по окружающей его остаточной хронотронной энергии, — Саиф постучала пальцем по стеклу экрана. — Он там, Джо, в Цитадели Йед-Приора... Наверное, сейчас он разговаривает с ней.

— С ней?

— «Йед-приор» означает «первейший». Сейчас Йед-Приор — женщина по имени Зания, — сказал Аркаб. — Злобная сука, каких ещё поискать! Ходят слухи, что Зания пришла к власти за счёт того, что уничтожила оппозицию. Во всяком случае, о её противниках уже несколько месяцев ничего не слышно... если на Алракисе вообще можно говорить о месяцах!

— У нее, несомненно, мания величия, — продолжала Саиф. — И она чрезвычайно умна. Ей удалось воспользоваться паникой, вызванной открытием разлома, объединить слабых членов Сената, победить сильных, и получить полный контроль над правительством, запустив пропагандистскую кампанию, чтобы привлечь народ на свою сторону.

Джо подумала, что при таких обстоятельствах Зания поступила разумно. По крайней мере, город продолжал как-то существовать, и хотя люди гибли сотнями из-за утечки из разлома, большинство выжило благодаря строительству бункеров, о которых Саиф рассказывала раньше. И, наверное,

Саиф поняла по глазам Джо, о чём та думала, потому что она наклонилась ближе и сказала:

— Джо, ты не понимаешь намерения Зании, истинный ужас её плана. Мы обвиняли повелителей времени в том, что они вмешиваются в нашу жизнь, но замысел Зании гораздо хуже. Она хочет обуздать энергию разлома ради своих целей. Она пообещала народу, что сможет обеспечить им полноценную и комфортную жизнь; жизнь, которая будет длиться всего около часа по реальному времени. Алракиане будут рождаться, размножаться, и умирать в течение шестидесяти минут. Но для себя Зания планирует противоположное — продлить свою собственную жизнь до бесконечности, защитив себя от временных штормов Цитаделью. Говоря проще, она будет править Алракисом вечно.

— Вот почему мы должны её остановить, — объяснил Аркаб. — И мы это сделаем, Джо, независимо от того, поможет нам Доктор или нет.

Увидев на лице Джо непонимание, Саиф сказала:

— На борту этого бронетранспортёра есть ядерное устройство. Наша цель — ворваться в Цитадель и взорвать его. Мы подумали, что можем одним махом и положить конец ужасному правлению Зании, и отомстить повелителям времени за их вмешательство в наши жизни...

— Взяв с собой в Цитадель меня и Доктора?

Саиф медленно кивнула:

— Такой был и остаётся наш план... Хотя мы и признаём то, что ты говоришь, и верим, что Доктор явился, чтобы помочь нам.

— Но у него не выйдет, — уверенно добавил Аркаб. — Как только Зания поймёт кто он такой, она заставит его работать на

неё. У него не будет выбора, никто не может выдержать её пыток.

— И поэтому, Джо, — продолжала Саиф, — пойдёшь ты с нами или нет, мы выполним свою миссию. Мы собираемся пробить внешние барьеры Цитадели и взорвать ядерное устройство. Если нам повезёт, Зания и её зло разнесёт на атомы!

Аркаб взял в руку костяшку домино и легко бросил её Джо.

— Потому что, — сказал он, — Вселенная всегда меняется так, как должна.

Она холодна и красива, как мраморная скульптура, — подумал Доктор, созерцая её красоту скорее интеллектуально, считая, что эта красота запятнана её устремлённостью к своей цели. Зания, Йед-Приор Алракиса, стремилась доминировать над своим народом, мало с ним общалась, и стала для него практически чужой.

Она наклонилась и наполнила высокий бокал Доктора красновато-пурпурным вином, которое, если честно, он находил довольно приторным.

Она обольстительно улыбнулась и позволила своим густым каштановым волосам упасть на плечо, играя на свету.

— Это лучшее вино на этой планете, — сказала ему Зания, довольно высокомерно. — Нетронутое временным загрязнением, выдержанное естественным путём. Что скажете?

Доктор слегка прополоскал вином нёбо и язык, и проглотил его с нейтральным выражением лица.

— Сардоническое, — сказал он, — но при этом не наглое.

Он, возможно, описывал своё отношение к этой находящейся на грани психоза женщине, чья неуклюжая ложь о незнании того, откуда он, противоречила её хорошей

осведомлённости о повелителях времени с Галлифрея и о природе энергии, которой она пыталась манипулировать.

У Доктора не было трудностей с тем, чтобы пройти в Цитадель, в самый её центр, произнося на каждом блокпосте что-то о наличии допуска, пока его не привели в покои Йед-Приора, где представили его женщине, перед которой он сейчас сидел. Мысленно он горько улыбнулся. Обмен любезностями в то время, когда и эта планета, и многие другие превращаются в прах!

— У вас очень необычная манера оценивать вино, Доктор, — засмеялась Зания так, словно сама она уже выпила немного лишнего. — Но ваша оценка элегантная и стильная. Мне это нравится.

Она подняла графин, предлагая ещё. Доктор поднял руку, опережая её:

— Спасибо, но нет, Йед-Приор. Хорошее вино, как и время, лучше употреблять умеренно.

И его улыбка была такая же широкая и фальшивая, как и её.

Они разговаривали уже целый час, каждый пытался вывести что-то у другого, не желая при этом сильно раскрываться. Словесное фехтование, прикрытое фасадом вежливости и этикета. За это время Доктор составил впечатление не только о вине этой женщины. Она была явно неуравновешенная, возможно из-за энергии шального времени, которую ей удалось частично контролировать; а может быть, по каким-то другим причинам. Это было не существенно. От тех фрагментов плана Зании, которые ему удалось узнать, просто кровь стыла в жилах. Эта идея об изменении сроков жизни таким образом, чтобы поколения сменялись каждый час, была безумием, и не просто безумием тирании. Она и её

физики ухватились за такую возможность, не отдавая себе отчёта в том, что из неё следует. Они что, не понимают, что фундаментальные силы природы являются не отдельными компонентами, а неделимым Целым, в ни один из компонентов не мог быть изменён без изменения остальных? Время, Пространство, Гравитация, Жизнь: измените что-то одно, и изменится всё остальное.

Зания не переставала улыбаться, хотя в глазах у неё что-то изменилось, словно прозрачная льдинка изменилась в лучах заката.

— Вы говорите о времени так, словно его можно растратить, Доктор.

— Его можно растратить, Йед-Приор.

— Ваше формальное обращение мне льстит, но оно не обязательно. Если мы будем работать вместе, я бы предпочла, чтобы вы называли меня Зания.

Доктор вежливо кивнул, но внутри постепенно закипал от необходимости заниматься этой пустой дипломатией.

С бархатной безжалостностью она продолжала:

— Как вы видели, Доктор, тут у нас, на Алракисе, слишком много времени. Разлом уже нанёс большое опустошение, и конца этому хаосу пока не видно. Я считаю необходимым сделать так, чтобы у каждого из моих сограждан был шанс прожить жизнь, как можно более нормальную... настолько полноценную, насколько мне удастся обеспечить.

— Да, но мне кажется, что вы не понимаете... — он запнулся, мысленно выругав себя.

Какая грубая ошибка. Жало его слов уже достигло женщины, её глаза вспыхнули гневом. Вокруг неё, в большом зале, вооружённые представители личной гвардии Йед-Приора замерли в ожидании её реакции.

— Мне казалось, что я предложила вам гостеприимство, объяснение, и возможность спасти население, находящееся на грани забвения. И тем не менее, Доктор, — она слегка нахмурилась, изображая удивление, — вы, похоже, отвергаете моё предложение.

— Я сделаю всё, что смогу, для вашего народа, Йед-Приор, — ответил Доктор, устав от любезностей, — но вынужден сказать, что считаю ваш план изменения морфогенетических шаблонов жизни непродуманным и исключительно опасным.

Он ожидал от неё выпада, какого-то резкого ответа на его критику. Но вместо этого женщина откинулась назад, на шёлковую спинку дивана, взяла со стола бокал, и аккуратно надпила вино.

— Вы производите впечатление человека, который наслаждается опасностями, Доктор, — сказала Зания. — И я полагаю, что также вы способны свести эти опасности к минимуму, поэтому я настаиваю на том, чтобы вы познакомились с моими учёными и...

— Йед-Приор, я должен сказать вам, что...

— И помогли им довести мою программу до завершения.

Доктор вздохнул. Он терял терпение, и чувствовал обречённость. Маска вежливой утончённости, которую не снимала Йед-Приор, ему уже надоела. Поняв, что терять ему уже нечего, он позволил себе не сдерживать гнев.

— Ваши учёные похожи на детей, играющих на минном поле. И вы, Зания, ничем не лучше. То, что вы настаиваете на успехе, хотя каждый мой инстинкт подсказывает, что вас может ждать исключительно неудача, говорит о гордости и фанатизме, которые я нахожу изумительными, но недопустимыми...

— Осторожнее, Доктор, — сказала она, с нотками угрозы в голосе.

— Нет, Йед-Приор, это вы будьте осторожнее. Потому что когда вы обрушите на свою планету катастрофу, которую я предвижу, силы тысяч других планет, более могущественных и ужасных, чем ваша, захотят отомстить. И это будет справедливая месть, после которой от Алракиса останется только обгорелый камень в космосе. И я не буду плакать о завершении этого безумия, — продолжал Доктор, в то время Зания побледнела от гнева. — А вот что весьма меня печалит, так это неразумное разрушение других планет и цивилизаций, к которому приведёт ваше необдуманное стремление к власти.

Доктор встал и поставил свой бокал на инкрустированный стол.

— Убейте меня, если хотите, Йед-Приор. Но я не стану помогать вам в этом. Это моё последнее слово.

Зания медленно кивнула и незаметным для Доктора движением вызвала стражу, которая тут же окружила его.

— Я восхищаюсь вашим упрямством, Доктор, хотя вы и считаете его чем-то другим. Благородством, возможно. Но вы не поняли того, что во владениях Йед-Приора последнее слово всегда остаётся за Йед-Приором, — Зания встала, нагло посмотрела на Доктора, и длинным ногтем, украшенным миллионами бриллиантовых пылинок, коснулась красного бархата его пиджака. — Вы бы пожертвовали собой ради того, чтобы помешать мне, я знаю. Но также я знаю, что ваша симпатичная спутница сейчас в городе, вместе с несколькими миллиардами алракианами, которые рано или поздно погибнут, если только вы не вмешаетесь. Вы правы, когда говорите о невежестве моих учёных. Но они всё равно продолжают работу, потому что я им приказала. Так что вам, Доктор, придётся

выбирать: позволить им потерпеть неудачу, что приведёт к невообразимым последствиям, или же помочь им, и спасти хоть что-нибудь. Охрана! Отведите Доктора в лабораторный комплекс.

Доктор позволил себя увести, но, подходя к двери, обернулся и указал пальцем на Йед-Приора.

— Ум и настойчивость всегда побеждают тиранию. Ваши амбиции останутся нереализованными.

Зания улыбнулась, и вместо ответа опрокинула оставшийся на столе бокал Доктора. Бокал разбился, проливая по столу красную жидкость.

Они были полны решимости. Джо пугал неистовый фанатизм, с которым Аркаб и Саиф излагали свой план. Она ни на секунду не сомневалась, что у этих террористов ничего не выйдет, потому что они пытались навести ужас на гораздо превосходящий их ужас, и страстно верили, что потеря жизни — это ничто по сравнению с их великим делом.

Когда броневик пробирался по плохо освещённым улицам, избегая редкие и довольно небрежные патрули милиции, Джо пыталась выпросить у них спасение Доктора. Саиф покачала головой и с человечностью, которая в этом суровом мире показалась Джо очень трогательной, объяснила, почему о спасении не может быть и речи.

— Как только мы окажемся в Цитадели, жить нам останется считанные минуты. Доктора отведут в лабораторный комплекс, где проводятся работы по модификации населения. Эта зона расположена в центре здания, она охраняется и надёжно защищена, как личное убежище Зании. Только грубая сила — грубая сила и ядерный взрыв — позволят нам добиться

своего. Мы не думаем, что кто-нибудь в пределах большого радиуса сможет выжить, если заранее не предпримет меры.

— Второе подразделение, — продолжил Аркаб, — сделает так, что незадолго до детонации устройства включатся сирены. Люди поспешат в бункеры, думая, что прячутся от временного шторма. Мы надеемся, что в этом случае потери среди населения будут минимальны.

— Но Доктор... — снова сказала Джо, с трудом заставляя слова прозвучать.

— Сожалею, — сказала Саиф, и чувствовалось, что она говорит это искренне.

— Но есть, — прошептала Джо, сама удивляясь храбрости и неожиданности своей мысли, — другой способ.

— Что ещё за способ? — Аркаб откинулся спиной на металлический люк, роясь в кармане своей грязной, мешковатой куртки в поисках сигареты.

Сердце Джо учащённо билось; она расстегнула на шее серебряную цепочку и, вынув её, показала всем висящий на ней ключ от ТАРДИС. Это был самый большой подарок Доктора, самое искреннее проявление доверия, какое только можно было представить.

Аркаб пренебрежительно фыркнул и продолжил искать сигареты. Саиф вопросительно подняла брови.

— С помощью этого, — сказала Джо, вкладывая в свой голос больше уверенности, чем она реально чувствовала, — я могу доставить вас в самое сердце Цитадели Зании...

Лаборатории были огромны: возвышающиеся металлические и кристаллические структуры были построены вокруг мерцающих ям, погружающихся глубоко в коренную породу под городом. Доктор с эскортом пришли на верхнюю

галерею, и на секунду или две у Докторахватило дух от масштаба открывшейся панорамы этой техники.

«Всем сердцем мы уповаем и страстно молимся», — подумал он, вспомнив знаменитую фразу Линкольна. Неулыбчивый охранник грубо толкнул его и указал в сторону лифта.

Его подвели к рабочему месту рядом с центральной ямой. Металлические перила окружали её на уровне груди и, несмотря на возражения конвоиров, Доктор задержался, чтобы заглянуть вниз. Его взгляд опускался всё ниже и ниже, на сотню метров, а там всё было затянуто дымкой, которую раз в несколько секунд освещали странные голубые вспышки огромного электрического напряжения.

Потрясённый Доктор отошёл от перил.

— Но это же чудовищно! Вам как-то удалось направить энергию разлома и попытаться удерживать её здесь. Что вы используете для удержания этих невообразимых сил? Не электромагнитные же поля?

Охранники в этом ничего не понимали.

— Спросите у Сабика, — сказал один из них.

Сотрудники расступались в стороны, пропуская маленького мужчину нервного вида, который направлялся к Доктору.

— Я Сабик, координатор этого проекта.

Он слегка поклонился, Доктор не ответил.

— Йед-Приор сообщила мне о ваших знаниях, Доктор... и предупредила о вашем нежелании сотрудничать.

— Вы хоть представляете себе... — вместо ответа сказал Доктор, повышая голос. — Вы хоть представляете невероятную глупость того, что вы пытаетесь сделать?

— То, что было глупо начинать, теперь было бы глупо прекращать, — почти извиняющимся тоном ответил ему Сабик. — Вы разве не видите? Возникновение на Алракисе временного разлома вынудило нас принимать отчаянные меры.

— Я вижу, что вы балуетесь с базовыми силами Мироздания! Вы «достигли» удержания очень малого количества, одной струйки хронотронной энергии из того, что хлещет из разлома. Вы что, всерьёз рассматриваете возможность манипулирования жизненными полями алкариан, чтобы сжать их существование в считанные минуты? Будете играть, как Бог, с жизнями миллионов существ?

Сабик попятился от такой вспышки возмущения и гнева. И хотя Доктор чувствовал нарастающий гнев на этого жалкого человечка, он также почувствовал жалость к превратностям судьбы, которые довели Сабика до этого состояния.

— Я всего лишь следую приказам Йед-Приора... — начал Сабик. В его глазах было ещё что-то, глубокая грусть о потере, которая заставила Доктора замолчать. — И, — признался он, — потому что отец всегда сделает всё возможное для своего сына...

Доктор раскрыл рот, чтобы потребовать объяснений, но Сабик отвернулся и подошёл к перилам, окружавшим центральную яму. Он вглядывался в глубину. Доктор подошёл ближе, у него появилось ужасное предчувствие, что программа экспериментов Йед-Приора зашла дальше, чем он думал.

— Менкиб был первым, и пока единственным добровольцем, согласившимся подвергнуться воздействию неочищенной энергии времени, — сказал Сабик, словно сам себе. — Я был уверен, так уверен, всего несколько месяцев назад... Управляемые компьютерами генераторы кварков, которые мы использовали, были верхом достижений нашей

технологии. Не было такой возможности, чтобы мы не смогли добраться до морфогенетических шаблонов и изменить полевые потоки, определявшие форму и протяжённость во времени Менкиба.

— Вы получили больше, чем рассчитывали, — сказал Доктор.

Он не сводил взгляда с ужасных молний внизу, которые, словно живые, возбуждённо подымались, будто что-то в глубине пугало их.

— Мы получили доступ к шаблонам жизни, — сказал Сабик, и его слова прервались неуверенным смехом. — О да, мы оголили схемы самой смертности... И как же мы были самодовольны, считая, что сможем изменить эти схемы... Менкиб! Менкиб! — внезапно закричал Сабик, перепугав Доктора. — Он всё ещё знает! Он всё ещё любит меня как отца!

Доктор посмотрел туда и ужаснулся бурлящему, трансформирующемуся существу, поднимавшемуся из глубин: аморфная масса, которая каждую секунду изменялась в отвратительном перетекающем движении, которое словно плавило форму... То в похожее на яйцо чудовище с множеством конечностей, то в существо с несколькими головами и конечностями, растущими из таких частей туловища, где конечностей быть не должно. Доктор отвернулся, рассмотрев одну из голов. Она была поразительно человеческая, но в глазах у неё была такая агония, и такой откровенный ужас, что от этого взгляда кровь стыла в жилах.

И, несмотря на изменяющееся множество форм, Доктор узнал в этом левиафане фокус тёмных архетипных кошмаров, преследовавших умы людей на тысячах цивилизованных планет. Мифологии всей галактики упоминали это чудовище, которое, должно быть, существовало ещё на Заре Времён, а

может быть, только в кошмарах. Несомненно, умов алкариан коснулись имя и природа этой твари, ещё до того, как они начали свои эксперименты. Но теперь, из первозданного хаоса, Сабик со своей командой вызвали Церанноса, с поразительной глупостью создав его заново.

Джо уже была без сил к тому времени, когда она, Аркаб, и Саиф подбегали к ТАРДИС, оставив остальных вести вездеход к его конечному пункту. Она не могла подобрать слова, которые могли бы заставить этих людей отказаться от плана; Цитадель должна была быть разрушена, и скоро. Всё, что могла сделать Джо — воспользоваться ТАРДИС, чтобы добраться до Доктора и спасти его до того, как ситуация разрешится сама собой.

Сияющий ключ, казалось, сам направился в замок ТАРДИС. Настроенный на мозговые волны и ауры, корабль быстро признал Джо, словно принимая в объятия старого друга. Саиф и Аркаб были, разумеется, впечатлены пространственными эффектами; они стояли, разинув рты, и оглядывали отсек с консолью.

Двойная дверь за ними закрылась и Саиф спросила:

— Что дальше?

С этим было неясно. Хотя Доктор предвидел возможность, что Джо нужно будет войти в ТАРДИС (наверное, в критические моменты, — предполагала она, — когда она бы «путалась под ногами»), он не показывал ей как управлять кораблём. Это беспокоило её с самого начала, как только она предложила эту альтернативу... Но затем она вспомнила, что раньше Доктор сказал, что он всегда оказывается в нужное время в нужном месте, и вспомнила контур интуиции, который так уверенно привёл их на Алракис.

— А дальше, — сказала Джо громко и чётко, обращаясь как к Саиф и Аркабу, так и к самой ТАРДИС, — дальше мы отправимся искать Доктора.

Скрежет двигателей, движение центральной светящейся колонны консоли удивили Джо не меньше, чем её попутчиков. Но она мгновенно успокоилась, словно её заверил какой-то внутренний голос, что каким-то образом ТАРДИС поняла её намерения, и перенесёт её туда, куда надо.

Она улыбнулась, подумав, что как для машины ТАРДИС очень умная. Иногда даже умнее своего хозяина.

Доктор был так поражён тем, что он увидел в яме, что не услышал глухой далёкий рокот, который прошёл по всему зданию. Вокруг него ряды мониторов регистрировали ударную волну. Далеко, в дальней части Цитадели, зазвучала сирена.

Сабик отходил проверить статус удерживающего сосуда, который держал энергии разлома в шатком равновесии. Он тут же бросился обратно и схватил Доктора за локоть.

— На Цитадель напали! Вы что, не почувствовали — внешние барьеры пробиты! Доктор, если сосуд повреждён...

— Хронотронная энергия вырвется из разлома. Вам удалось создать собственный искусственный временной шторм, Сабик... но один небольшой побочный эффект вы не смогли предвидеть.

— Но последствия...

— Будут ужасно разрушительными... Но, возможно, справедливыми.

На и без того перепуганном лице Сабика Доктор увидел зарождающуюся панику. Он не мог заставить себя почувствовать к сожаление к этому человеку, не мог его простить; но разглагольствовать теперь, когда всё уже

совершенно, было бессмысленно. И был ещё, он вспомнил, вопрос спасения собственной шкуры.

— Возможно, если мы иначе разместим фокусы потока и перепрограммируем программное обеспечение сосуда... — начал Доктор, обращаясь изначально к Сабику, а затем, по мере углубления в подробности, в основном к себе самому.

Он подошёл вместе с учёным к главному пульту, на котором были компьютеры, манипулирующие полем, мысленно отметив, что команда Сабика многого добилась: вначале обузда непостоянный поток шального времени в этом месте, затем удержала его на одном месте достаточно долго, чтобы переписать морфогенетические шаблоны, управляющие жизненными аспектами Менкиба...

Но, разумеется, существо в яме больше не было Менкибом. Оно не было ничем конкретным... вернее, оно было всем вообще. Цераннос — плоть, созданная безумием — обладал способностью принимать любые формы, и врождённой потребностью делать это. Избавившись от ограничений одной формы, он снова желал стабильности, и примыкал к любому проходившему рядом живому существу.

В мифах, а теперь и в реальности, Цераннос был идеальным паразитом живой плоти.

Когда Доктор продолжал работать на клавиатуре компьютеров, управляющих полем, по Цитадели разносились звуки новых взрывов. Вверху, на самых верхних галереях, большие окна и башни из хрусталя раскололись и посыпались вниз. Какофония сирен нарастала. Сабик зажал уши руками и застонал от отчаяния.

— Возьмите себя в руки! — рявкнул Доктор, вздрогнув от того, что между двумя соседними узлами поля вспыхнула молния.

Из ямы доносился всё более громкий и высокий рёв сотен бесформенных ртов Церанноса.

— Оно чувствует изменение в энергии потока! — рыдал Сабик. — Оно понимает, что может вырваться!

Было бы у Доктора больше времени, он бы с интересом подискутировал о том, мог ли Цераннос вообще «знать» что-нибудь. Но в одном Сабик был прав: энергии потока сейчас быстро смещались, причём в непредсказуемых направлениях. Тщательно сбалансированная решётка сил, удерживавших хронотронную энергию разлома, разваливалась. И хотя основные компьютеры были основаны на тахионных схемах, работавших со скоростью, превышающей световую, темпоральные искажения в системе приводили к замедлению, из-за чего Доктор ожидал неминуемое и катастрофическое разрушение.

— Сабик, вы можете подать бóльшую мощность в...

Раздался крик. Оглянувшись, Доктор успел увидеть, что один из техников упал на пол в брызгах собственной крови. Позади него появились одетые в чёрное охранники, идущие по бокам от спокойной, как лёд, самой Йед-Приора.

— Он пытался убежать, — прошептал Сабик. — Он просто пытался спастись.

— Я думаю, что и для того, и для другого уже слишком поздно, — прошептал Доктор.

Он убрал руки с клавиатуры и отошёл от пульта.

— Сделайте что-нибудь! — взвизгнула Зания, и её голос, как щелчок кнута, эхом пронёсся по галереям огромного комплекса.

Теперь уже все слышали нарастающий звук приближающегося разрушения, на фоне которого раздавались звуки повреждения удерживающего сосуда.

Зания перехватила взгляд Доктора и бросилась к нему, вцепилась в него, её напускная уверенность в своей власти исчезла.

— Вы должны что-нибудь сделать, Доктор, — быстро говорила она, дыша ему в лицо винными парами. — В Цитадель проникли террористы... Какая-то бомба... Они расставили свои броневики, и теперь... — она засмеялась, у неё начиналась истерика. — Вы должны что-нибудь сделать!

С большим достоинством Доктор отцепил руки Зании от своей одежды. У него было странное выражение лица. Он тихо сказал:

— Всю свою жизнь я думал именно так. На тысячах планет, от жаркого первобытного утра Космоса до его тёмных и одиноких сумерек, я путешествовал в поиске ответов. Я неизменно сталкивался с существами, которым угрожала опасность, с обществами, находившимися в кризисе... И всегда думал, что я должен что-нибудь сделать.

— Но вы обязаны! — прервала его она.

Доктор смотрел мимо неё, словно узревший откровение.

— Но кто я такой, чтобы решать что должно, а что не должно случиться? Я лишь одна личность, смертная, перепуганная, иногда проигрывающая. Быть может, нет никаких ответов; быть может, нельзя ничего сделать. Ибо Вселенная всегда меняется так, как должна, будь то по чьему-то замыслу или в результате случайных факторов. Ничто никогда не завершается, потому что всё всегда завершено...

Зания ещё какое-то время смотрела в его глаза, оценивая его безумие. Затем она скривила губы и замахнулась, чтобы ударить его.

Её остановил внезапный шквал автоматного огня. Несколько охранников заняли оборонительные позиции, но

большинство бежали: Цераннос поднялся над краем ямы и тянулся к ним множеством когтистых лап. Один человек, сжатый огромной, покрытой чешуёй лапой, лопнул, как мягкий фрукт. Другой запутался в красном отростке, который мог быть языком, и скрылся в безгубом, как у анемоны, ротовом отверстии, окружённом качающимися ресничками. Третий охранник выпустил в бок чудовища очередь высокоскоростных боеприпасов и из-за этого не успел увернуться — коготь существа рассёк его тело от подбородка до паха.

Зания вскрикнула, увидев результаты работы Сабика. Её голова начала раскачиваться, вверх-вниз, вверх-вниз, не в силах охватить громадность и гротескность представшего перед ней левиафана.

Через некоторое время она оторвала свой взгляд, словно уступая правде слов Доктора.

Затем она выхватила у одного из охранников оружие и начала стрелять по сторонам: по телу Церанноса, по разбегающимся учёным, по всем, кто ей попадался на глаза.

Доктор попытался удержать Сабика. Тот убежал, но не к Йед-Приору, а в объятия своего ребёнка. Он кричал «Менкиб! Менкиб!» — словно имя его сына было какой-то мантрой. Но Доктор знал, что Менкиб уже был мёртв; полностью поглощён, затерялся в матрице этого существа.

Цераннос заметил Сабика, эту приближающуюся частичку жизни, и не узнал его лицо. Он поднялся над учёным, как плащ, и упал, мгновенно накрыв его.

Доктор пригнулся, а затем, улучшив момент, поспешил обратно к компьютеру. Был ещё один шанс, одна возможность — не для него, но для множества планет в этой части галактики. Если он сможет отвести часть хронотронной энергии и использовать её для формирования замедляющего

время поля вокруг Цитадели, тогда можно будет запереть Церанноса, а может быть и ядерный взрыв, и весь этот хаос, заморозить всё навечно.

Он потянулся к пульту, но заметил, что Зания наводит оружие в его сторону. Раздался треск автоматного огня, и плечо Йед-Приора исчезло в брызгах разлетающейся плоти. Ударом пуль её развернуло и отбросило прямо в распахнутые конечности Церанноса.

Существо уже попало в приливное влияние темпорального поля, но его жизнь была долгой, и шальное время, протекавшее вокруг, почти не причиняло ему вреда. Однако Зания была простой смертной, и на глазах у ошеломлённого Доктора она состарилась, извиваясь в объятиях Всепоглотителя, в считанные секунды превратившись в кости и кровь, а затем в прах.

Он с отвращением отвернулся и увидел, что рядом с ним стоит Джо.

— Джо?.. Как?.. — по его лицу пробежал приятное удивление, а затем лицо снова стало мрачным.

— Некогда объяснять, Доктор, — сказала она ему, быстро оглядываясь. Лицо у неё было бледным от шока. — Тебе лучше быстрее навести тут порядок.

Саиф и Аркаб пронеслись мимо, вклиниваясь в сокращавшийся отряд охранников, которые, оставшись без командира, отступали с большими потерями.

Заметив краем глаза эти маленькие смерти, Цераннос взвыл и толчком вытолкнул себя из ямы ещё сильнее, оказавшись в нескольких метрах от того места, где стоял Доктор.

Доктор горько рассмеялся. Вот вам и контур интуиции... Он привёл их не в поворотную точку пространства и времени,

где от них могла быть какая-то польза, а прямо в момент катастрофы, где Цераннос был выпущен в физический мир.

Пока он стоял, Джо смотрела на него с непониманием. Встревоженная его взглядом, она дотронулась до его руки.

— Доктор?..

Аркаб повернулся к ним, временно отвлекаясь от бойни:

— Возвращайся в свою машину, Джо, и забирай своего друга. Ядерное устройство включено! Вы не можете больше ничего сделать! Мы прикроем ваше отступление.

Джо не нужно было повторять. Она поняла, что настал критический момент, и не осталось времени даже на прощание. Схватив Доктора, она потянула его в ТАРДИС, которая, повинаясь подсознательной воле, начала процесс дематериализации.

Со слезами на глазах Джо смотрела на мониторе, как Саиф и Аркаб упали под ответным огнём. Она увидела, как Цераннос создал множество глаз и искажённых голов, чтобы лучше рассмотреть исчезающую машину времени...

А затем всё исчезло в обжигающей вспышке света, и Вселенную не стало видно.

Стена пламени, невообразимо горячего и ослепительно-белого, понеслась на Церанноса... а затем замедлилась. Встретившись с расширяющимися волнами хронотронной энергии, ядерная ударная волна задержалась на достаточное время, чтобы существо успело вернуться в яму.

Но теперь невероятно сложное сплетение энергий там выглядело иначе: изорванное, драное, как старая сеть, а за ним был бескрайний океан Космоса. Были миллиарды путей, куда могло направиться существо, но один из них выделялся —

вдоль остаточного временного следа между планетой Алракис и планетой Земля...

— Тысячи лет, — бормотал Доктор, изучая показания консоли ТАРДИС. — Сила взрыва и последующий приливный всплеск энергии разлома швырнули нас на тысячи лет в будущее Алракиса...

Он открыл внешние двери, и они вышли в солнечный летний вечер.

Солнце висело близко к горизонту, похожее на кожуру апельсина; оно погружалось в дымку и дальше, за холмы. Большая луна этой планеты, притягиваемая её гравитацией, занимала половину южного неба. Необратимое снижение её орбиты и результирующее столкновение с Алракисом скорее всего приведёт к их взаимному уничтожению, через много-много лет.

Но пока что крохотные существа, похожие на сверкающих зелёных шмелей, зависали над соблазнительно раскрытыми чашами фиолетовых цветов. Высокие перистые травы янтарного цвета тихо покачивались под тёплым ветром. А ещё дальше, у подножия холмов была покрытая буйной растительностью долина реки. Не было никаких признаков людей. Мрачный мегаполис алкариан и громадина центральной Цитадели давным-давно стёрлись в прах.

Доктор сорвал один из красивых фиолетовых цветков и вставил его в петлицу своего пиджака. Затем улыбнулся:

— «На протяжении всей истории великая кисть никогда не останавливалась», — тихо сказал он, — «и краски не высыхали; но чьи глаза, глядя холодно, или как мы, сквозь линзы слёз, видели эту работу, и не считали её завершённой?»

Джо тоже улыбнулась ему и кивнула.

— Вселенная всегда меняется так, как должна, Доктор, — сказала она, и он удивлённо посмотрел на неё — она так быстро поняла урок, на который у него ушло много веков.

Они не стали задерживаться. Доктор пошёл к ТАРДИС, а Джо вынула из кармана джинс кость «пусто-пусто», и символически подбросила её высоко в воздух, а затем повернулась и пошла за Доктором.

Вращаясь, костяшка долетела до высшей точки своей траектории и начала падать... медленнее, медленнее, и, в конце концов, неподвижно зависла в абсолютно беззвучном небе.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Питер Энджилидис

ВЧЕРА она знала, что ненавидит Скотта Войзека. Она ненавидела его эгоизм, его дорогой автомобиль, ту простоту, с которой он пользовался новыми технологиями. Она ненавидела его фальшивую искренность и длинные обеды. Она ненавидела его лысину. А когда он погиб, попав под машину, и её чувства к нему не изменились, вины за это она не чувствовала. Поэтому, когда она увидела, что он идёт ей навстречу по улице Кенсингтон Хай, она сразу поняла, что с ней происходило последние восемь недель.

ДВА МЕСЯЦА НАЗАД она сидела в своём холодном кабинете и высматривала лица в узорах новых штор. Кофе у неё в чашке был холодный и продолжал остывать; с тех пор, как она налила его сорок минут назад, она так к нему и не притронулась.

— Отчего это у тебя такой довольный звук? — спросила она у своего ноутбука.

Она посмотрела на пластиковые часы на стене; на часах было 7:35. Она опять опоздает. Разочарованно вздохнув, она сгребла со стола распечатки, положила их в ящик, и задвинула его. Ящик со стуком закрылся.

Выйдя из кабинета, она аккуратно заперла за собой дверь.

— Ещё одна затрата понапрасну, — сказала она своей чашке, выливая кофе в раковину, и спуская его вместе с водой после того, как почистила зубы.

Нахмурившись, она посмотрела в зеркало, стирая с него выступивший из-за приёма душа конденсат. До того, как её

отражение снова запотело, она в беспощадном свете ванной комнаты успела разглядеть новые седые волосы, появившиеся среди коричневых. «Если есть сединка — не будет мужчинки», — говаривала её тётя. Её незамужняя тётя.

Когда она вышла в прихожую, зазвонил телефон.

— Кэйти? Сейчас такая рань... у тебя всё в порядке?

— Разумеется, — обиженно сказал голос Кэйти. — Просто у меня перерыв, и я решила узнать, не отменяется ли наш регулярный совместный обед.

— Кэйти, если бы мне дали по одному пенни за каждую твою проверку на этой неделе, я бы уже смогла заплатить за этот обед.

— Ты и так за него платишь. Мы обедаем в «Gens du Monde», как обычно? — пауза. — У тебя что-то случилось? У тебя голос расстроенный.

— Это из-за романа, над которым я работаю — «Неумолимый».

— Спрячь его в ящик и забудь о нём.

— Я так и сделала. Я настолько предсказуема?

— Первый признак старения, моя дорогая. Но хватит уже о тебе. Давай поговорим обо мне.

— Кэйти, я думала, что первый признак старения — говорить о себе.

— Разговаривать с самой собой, дорогая, а не говорить о себе. Не опаздывай, ладно? Нельзя заставлять Клода ждать.

— Откуда этот внезапный интерес к обслуживающему персоналу, Кэйти?

— У меня слабость к официантам. Увидимся в двенадцать.

Она положила трубку.

— А сама, наверное, минут на пятнадцать раньше явится,
— устало сказала она, причёсываясь в прихожей перед зеркалом.

Она была знакома с Кэйти ещё с тех пор, когда они обе были студентками, а последние полтора года Кэйти была ведущей «Проснись! С Томом и Кэйти». Иногда сложно было поверить, что неизменно радостная, до невозможности собранная, и безупречно одетая Кэйти с «Daybreak Television» и есть та самая рассеянная двадцатилетняя Кэйти, с которой она познакомилась на вечеринке в честь первоонок, и которая кланчила зажигалку, чтобы прикурить свой неумело скрученный косяк.

Саре, однако, пришлось привыкать к тому, что рано утром может позвонить Кэйти, чтобы что-то уточнить. Короткий роман со старшекурсником экономического факультета превратил робкую Катерину Смит-Пикеринг в собранную, синергичную Кэйти Пикеринг, первым шагом которой по лестнице в Вещательный Рай стало вычеркнуть из своей жизни ревнивого, склонного доминировать парня, и взять свои амбиции под свой контроль.

Одним из результатов этой реинкарнации стало фанатичное внимание Кэйти к деталям, в результате чего её друзей после звонка от Кэйти всегда мучили мысли о том, что в их жизни, доме, или в отношениях царил полный беспорядок. Вот и Сара, вздохнув, осмотрела свою гостиную, похожую на место взрыва бомбы, и неохотно начала расставлять по полкам книги и журналы.

Когда она складывала у стены за диваном подобие Пизанской башни из журналов, её ногу пронзила острая боль; вскрикнув, она подняла ступню. Опустившись на колени, она провела пальцами по ворсу ковра и нашла пурпурного

пластмассового динозавра с шипами на спине. Она узнала его сразу. Его принёс Джошуа, маленький сын её редактора, когда вместе с мамой приходил в гости на прошлых выходных. Она вспомнила довольное лицо Андреа, когда её двухлетний мальчик описывал им «Стегсуса» и «Рекса».

— Придётся завезти Стегсуса на работу, — сказала она, переступая через сумку с бельём и выходя в прихожую.

— Хозяйка?

— Ничего, К-9. Просто снова сама с собой разговариваю, — засовывая ноутбук в чехол, она смотрела как К-9, выезжая из столовой, неровно пересекает ковровую дорожку. — Первый признак старения.

— Старение, — услужливо сказал К-9. — Процесс, возрастные изменения, свойственные старым людям, сопровождается потерей способности рассуждать логически, умственной и физической дряхлостью...

— Спасибо, К-9, — сказала Сара, быстро закрывая входную дверь. — Кто бы ещё меня так ободрил, если не ты?

Хрустя гравием дорожки, Сара быстро подошла к своему жёлтому автомобилю. Отперев заднюю дверь, она положила на заднее сидение ноутбук. Затем открыла дверь водителя и швырнула пурпурного игрушечного динозавра на приборную панель, а сумочку — на сидение пассажира. Усевшись за руль, она увидела приклеенный к нему жёлтый квадрат бумаги. Она громко застонала; даже не читая текст, она знала, что там написано (её собственной рукой): «Войзек/Тонска, 8:45 (не опоздать!!)».

Она мрачно посмотрела на часы. Они показывали двадцать минут девятого. Ехать в редакцию «Метрополитэна» уже некогда, нужно мчаться во весь опор в офисы «Тонска».

Сара неловко возилась с автомобильным телефоном и тихо ругалась, пытаясь добиться гудка вызова. Когда Доктор вернул её на Землю, прошло всего несколько лет с тех пор, как она улетела с ним, но для Сары это было как десять лет. Для её друзей и коллег электронные приборы были неотъемлемой частью современной жизни. Для Сары же, пытавшейся втиснуться обратно в свою старую жизнь и карьеру журналистки «Метрополитэна», они представляли собой череду сложных тестов, постоянный источник возможности выставить себя душой. Она думала, что это будет так же легко, как обуть старые удобные туфли, но оказалось, что ноги уже приняли другую форму, а она забыла, как завязывать шнурки.

Какое-то время Сара полагалась на своего племянника Брендана, пока он не поступил в университет, а она не вернулась из своего загородного дома в Лондон. С той снисходительностью, с которой подростки разговаривают со взрослыми, он объяснял ей как пользоваться микроволновой печью, что такое штрих-код, тайны программирования видеомагнитофона. С миром, который был ей странным образом знаком, она никак не могла синхронизироваться. Как звуковая дорожка на плохо озвученном видео, которое она брала напрокат, её мысли, казалось, не попадали в такт с тем, что она видела. Это ей тоже Брендан объяснил.

Она позвонила в редакцию и оставила Белинде, секретарю редактора, короткое сообщение о том, что едет сразу в «Тонска». Пытаясь дозвониться до «Тонска Индастриз», она нечаянно нажала не ту кнопку, и оказалась снова на связи с Белиндой. Лишь с третьей попытки ей удалось набрать правильный номер.

— Спасибо, что позвонили в «Тонска Индастриз», — сказал спокойный женский голос.

— Алло, скажите пожа...

— Чтобы узнать о наших продуктах и услугах, — продолжала женщина, — нажмите 1.

— Я просто хотела...

— Чтобы поговорить с одним из сотрудников, — продолжал голос, не обращая внимания на недовольное цоканье Сары, — нажмите 2. Для других целей нажмите 3.

Сара раздражённо ткнула пальцем в двойку.

— Чтобы связаться с сотрудником, пожалуйста, наберите его фамилию на алфавитной клавиатуре своего телефона.

— На чём? — спросила Сара, осматривая трубку своего автомобильного телефона.

Сколько она не высматривала, букв там никаких не было. Она услышала, как возмутительно спокойный женский голос ещё раз сказал, что нужно сделать.

— Да просто соедините меня со Скоттом Войзеком, — процедила сквозь зубы Сара.

— Вы ждали слишком долго, — сказал женский голос с прежней интонацией. — До свидания.

И связь отключилась.

— Чёрт, — сказала Сара, и взялась за ручку переключения скоростей.

— Мой классный руководитель написал в моём последнем табеле об успеваемости: «Он в чём-то преуспеет. Но не в том, чему мы учим», — Скотт Войзек своими бегающими глазами смотрел на Сару из глубин своего вращающегося кресла. — И знаете, мисс Смит, он был абсолютно прав. За что у вас в школе были самые высокие отметки? Может быть, за посещение?

Она понимала, что ему видно, что она перестала делать в блокноте пометки карандашом, и что он понял, что его слова были услышаны. Она для видимости нарисовала что-то внизу страницы, а затем закрыла блокнот и посмотрела на Войзека, который нагнулся вперёд и положил свои толстые руки на твёрдый, педантично чистый стол, разделявший их.

— Не чувствуете ли вы себя уязвимым, мистер Войзек? — спросила она.

Он снова поправил на носу очки в тяжёлой чёрной оправе. Затем улыбнулся.

— Вы же видели, какие у нас системы безопасности, мисс Смит.

— Я не это имела в виду.

Когда Сара в конце концов нашла парковку «Тонска Индастриз», у неё было несколько унижительных моментов перед видео-камерами и с дверями с электронным замком, пока секретарша, наконец, не провела её на четвёртый этаж, в клинически чистый офис Войзека.

— Вы здесь, в Тонска, на вершине, но ваш бизнес основан на рискованных инновациях. Если проект не удастся, вы останетесь без работы.

— Мне нравится вид сверху, — сказал Войзек. — Когда я был рядовым учёным, я слишком часто наступал коллегам на ноги. Я так и не научился офисному вальсу.

Он так был доволен этой фразой, что даже повторил её для Сары. Сара сделала вид, что записала, а затем снова посмотрела на него. Ему слегка за тридцать, и он явно думает, что одеваться дорого значит одеваться со вкусом. Его костюм от Ральфа Лорена был серый в клеточку, с вплетением красной нити, он жутко контрастировал с зелёной рубашкой и с его пронзительными серо-голубыми глазами. Сейчас он потирал

указательным пальцем висок, как раз в том месте, где его тонкие светлые волосы начали отступать.

— Значит, дело не только в независимости? Вам нравится управлять людьми?

— Срут ли медведи в лесу?

Сара закашлялась, чтобы скрыть своё удивление таким ответом. Его развеселила такая реакция; ленивым движением левой руки он снова поправил свои тяжёлые очки.

Сара изо всех сил старалась не смотреть на часы. Она вспомнила о том, как писала для «Метрополитэна» биографию председателя Конфедерации Британской Промышленности, который заметил, что во время встреч один-на-один он сознательно никогда не смотрел на часы, потому что это невежливо, это создаёт впечатление, что ты предпочёл бы быть не здесь. Выделенные на интервью с Войзеком полчаса, должно быть, уже прошли, но он не проявлял ни малейшего желания завершать.

— А как же тогда амбиции? — спросила она наконец.

— О боже, журналистские клише, — сразу ответил Войзек. — Прозорливость. Женская интуиция. Безумные изобретатели с навязчивыми идеями управлять компанией. Заурядные секретарши, мечтающие выйти замуж за своих начальников, — он издал хрюкающий звук, который, видимо, должен был быть смехом. — Худые журналисты, из которых наружу рвутся толстые книги. Но они всегда должны оставаться внутри.

Сара положила блокнот и карандаш на колени.

— Но это ведь очень человеческие стремления, вы не находите? У вас не бывает ощущения, что работа в «Тонска» делает жизни людей менее человеческими? Вашу жизнь?

— Сентиментальная чушь.

— Взять, к примеру, вашу телефонную систему.

Войзек снова засмеялся и положил руки на стол перед собой, ладонями вверх.

— Мисс Смит, эта система не пропускает звонки из-за того, что нажимает не на ту кнопку, её голос не становится тоскливым в пасмурную погоду. И на сколько мне известно, она ни разу не брала больничный.

— И всем вашим клиентам удаётся дозвониться?

Войзек прижал друг к другу ладони и наклонился вперёд.

— Хочу ли я общаться с глупыми людьми? — его глаза бегали туда-сюда, изучая её лицо. — Хочу ли я себе дырку в голове?

Сара вспомнила свой разговор с Андреа, и подобрала слова:

— Но ведь есть разница между наивными пользователями, плохими технологиями, и плохо реализованными хорошими технологиями.

Войзек задумчиво изучал её. Внезапно он перевернул руку, чтобы посмотреть на часы, и Сара решила, что он решил её выпроводить. Но вместо этого он сказал:

— Думаю, нам нужно сходить посмотреть на технологии «Тонска», мисс Смит.

После вызывающих клаустрофобию рядов офисов на четвёртом этаже было неожиданно увидеть на этаж выше помещение с открытой планировкой. Пред Сарой открылось 90-метровое пространство, разбитое лишь колоннами-опорами и отдельными группами странного оборудования.

С одной стороны извивались кабели, протянувшиеся от штепселей к квадратной белой кабине высотой с телефонную будку. С другой стороны за пустым столом сидел манекен с голой грудью, на котором немного криво был надет парик в

стиле семидесятых. Вместо рук у него было подобие механических протезов, на конце которых было по пять пальцев; один из пальцев касался «запястья» другой руки, а в том месте, где конечность соединялась с туловищем, торчали пучки проводов, словно разноцветная растительность подмышками. Чуть дальше находился небольшой островок офисной мебели, а вокруг него макеты стен, двери, и окон, заканчивавшихся на половине высоты потолка.

Оглядевшись, Сара обратила внимание, что в этом огромном помещении не было ни одного окна наружу. Освещалось помещение жуткими люминесцентными лампами, и лишь местами были пятна света от ламп накаливания. Кроме Сары и Войзека там никого не было.

— Не хотите поиграть моими игрушками? — спросил Войзек.

Он потянул за пуговицу на левом рукаве, а затем поднял над собой руки, словно пухлая балерина. Зажужжав, руки манекена сформировали над его неподвижной головой такую же арку. Сара охнула, и Войзек елеин улыбунулся.

— Дистанционное управление, — сказал он, снова коснувшись пуговицы на манжете.

Руки манекена повторяли его движения до тех пор, пока пальцы правой руки не коснулись левого запястья, после чего машина выключилась.

Они перешли к модели офиса, и Войзек показал систему видеоконференции с миниатюрными камерами, которые отслеживали их движения вокруг столов. На другом столе набор лазеров создавал голограммы автомобильных двигателей, и Войзек взял со стола нож для бумаг, пользуясь им вместо указки. Саре не понравилось, когда он показал

голографическую видеозапись хирургической операции, продолжая пользоваться ножом как указкой.

Также она обратила внимание, что он следил за её реакцией, когда демонстрировал её собственное лицо, видимо, записанное во время её разговора с администратором в приёмной «Тонска». С напускным безразличием она обошла изображение вокруг, словно для того, чтобы посмотреть на себя сзади, и осталась недовольная тем, сколько седых волос видно с этого ракурса.

Её голограмма исчезла, её сменили пробегающие колонки текста, временами с обычными плоскими фотографиями, которые словно возникали из середины стола и исчезали в полуметре над его деревянной поверхностью. Ей не удавалось прочесть слова, и лишь через несколько секунд она поняла, что видит текст с обратной стороны — он отображается для Войзека, сидящего напротив. Она узнала перевёрнутый логотип «Метрополитэна», а затем свою фотографию. Затем их сменили колонки текста и фотография К-9. Она раскрыла рот, чтобы как-то прокомментировать, но остановилась, увидев ещё один знакомый логотип. Но Войзек уже ткнул толстым пальцем в угол стола, и изображение задрожало и погасло. Лазер выключился, и символ UNIT исчез.

— Просто поразительно, сколько информации можно собрать из публичных источников, правда? — довольным голосом сказал он. — База данных вашего издателя в интернете. Списки членов Британского Союза Журналистов. Хакеры, рыщущие в поисках информации и выкладывающие находки на всеобщее обозрение.

Она смотрела на него, пытаясь подобрать слова, которые бы согнали с его тонких губ улыбку.

— Эта технология, конечно, впечатляет, мистер Войзек. Но она лишь подтверждает мою мысль: её разработали для того, чтобы ограничить контакты между людьми, а не для того, чтобы облегчить реальное общение, — она уверенно смотрела в его бледно-голубые глаза. — Эти чудеса человеческой изобретательности созданы для того, чтобы обесчеловечить.

Он сложил пальцы домиком.

— Созданы для того, чтобы улучшить жизнь человека, — сказал он, словно поправляя школьницу. — Вы явно верите в то, что человеческие технологии практически невозможны. Хотите, я продемонстрирую вам практически возможное, мисс Смит?

Он повёл её к высокой белой будке, окружённой кабелями.

На дверь будки кто-то прилепил две бумажки. «Чтобы работать здесь, безумцем быть не обязательно, но желательно!» — гласила одна из них. А на другой было: «Внимание! Не заглядывайте оставшимся глазом в лазер!»

Сара потянулась к дверной ручке, не собираясь позволить этим глупостям запугать её.

— В мире много говорят о Виртуальной Реальности, — сказал Войзек, открывая перед ней дверь. — Много всякой ерунды, много обещаний, и нечего показать с точки зрения практического применения. Но пока эти красноречивые вруны из наших американских конкурентов только говорят о возможности реабилитации, «Тонска» уже произвела вот этот работающий продукт. На всей Земле нет больше ничего подобного, — подчеркнул он.

Сара вошла внутрь куба, удивляясь тому, как мало оборудования было в нём, и как светло было внутри.

— «Реабилитация» звучит просто как эффектное словцо. Стоит ли за ним хоть что-то?

Войзек напряжённо смотрел на неё:

— Представьте, что даёте паралитику ощущение, что он пробежал среднюю дистанцию на уровне спортсменов. Слепому — от созерцания его первого заката. Играете Шуберта глухому.

У Сары, видимо, на лице было непонимание.

— Эти американские новички до сих пор в Средневековье со своими шлемами, перчатками, и заботами о передаче вкуса и запаха, — он прикрыл дверь так, что осталась лишь щель. — Ваш любимый фильм — «Инопланетянин», — сказал он, как бы невзначай.

— Откуда?..

Дверь закрылась с глухим стуком. Она думала, что кабина звуконепроницаемая, но снаружи всё ещё доносился гнусавый голос Войзека:

— Из анкеты, опубликованной в «Media Weekly», кажется, в прошлом июне, — сказал он. — Наслаждайтесь.

Не успела Сара ответить, как услышала быстро нарастающий вокруг неё электрический гул. Она была одна и не знала, может ли Войзек её видеть; она почувствовала лёгкую нервозность, как перед собеседованием при приёме на работу. А затем...

...невозможное ощущение. Она летит. Прохладный ветер. Темнота. Под ней крутятся колёса велосипеда, а когда она перестаёт крутить педали, раздаётся звук трещотки. Слишком сильно сжимая руками руль, она осторожно наклоняется в сторону, чтобы посмотреть вниз. Велосипед мчится дальше в ночное небо, и у неё в животе снова возникает такое чувство, будто она на американских горках. Далеко-далеко внизу деревья похожи на зелёные лоскуты на модели железной дороги, яркий свет полной луны создаёт причудливую игру

света и тени. Она снова садится прямо, и велосипед головокружительным движением направляется в проносящийся мимо неё воздух, сквозь холодную ночь к судьбе. Она решается отпустить резиновую ручку руля и своей маленькой ручонкой снимает с головы капюшон детской курточки. В корзинке, висящей перед ней на руле, белая простыня сползла в сторону, и она скорее почувствовала, чем увидела, невероятное сочетание огромных голубых детских глаз и древнего сморщенного лица, и...

...качнувшись, она упала на стену белой кабины, и несколько секунд её глаза не могли сфокусироваться на этой белизне. Как только им это удалось, Сара почувствовала, что дверь позади неё открывается, а машинный гул стихает. Она почти что выпала в большой демонстрационный зал, в котором стояла и смотрела на неё с мрачным презрением секретарша Войзека.

— Вы уже нарушили расписание мистера Войзека, — с укором сказала секретарша и показала рукой в сторону выхода. — Позвольте, я провожу вас до приёмной.

Это явно не было просьбой. Сара посмотрела в сторону дверей главного входа, она всё ещё не пришла в себя. Когда её мысли начали приобретать обычный порядок, она узнала упитанную серую фигуру Войзека, выходящую сквозь дверь.

— Мисс Смит? — взяла её под локоть секретарша.

— С ним всё в порядке? — спросила Сара, аккуратно освобождая локоть.

— Сюда, пожалуйста.

Вначале Сара подумала, что её вопрос пропустили мимо ушей, но затем заметила, что лицо секретарши было неуверенным и обеспокоенным. Когда они вдвоём молча дошли до приёмной, лицо секретарши не изменилось.

Найдя свою машину, она начала выруливать из парковки «Тонска». К её радости, никто в это время по улице не проезжал и не увидел её неуклюжий манёвр с пятью разворотами. Она поехала по улице мимо рядов пустых мест для парковки, которые утром, когда она приехала, все были заняты. Когда они тебе нужны — ни одного свободного, размышляла она, — а теперь становись где хочешь.

Сворачивая за угол, она попыталась понять, что же такого изменилось в Войзеке, когда тот выходил из демонстрационного зала. А затем она поняла: самоуверенная свинья явно была не в своей тарелке; появилась нерешительность, когда он выходил из двери в коридор, он почти спотыкался.

Она ожидала, что к моменту её отъезда начнутся обеденные пробки, но, свернув на главную улицу, не увидела там ни одной машины. Вообще-то, даже не было слышно ни одной машины. Впереди, на перекрёстке, не работал светофор. Но не было никаких заторов, никто не устраивал сцен, не спорил о том, кто кого должен пропустить. И не было пешеходов. Переключившись на вторую передачу, она заглянула в боковую улицу. Ветер гонял по тротуарам и обочинам мусор, но не было ни единого признака присутствия людей. Она припарковала машину на двойной жёлтой линии и медленно вышла.

Двери магазинов на всей улице были заколочены фанерой. Сара затаила дыхание, словно пытаясь услышать хоть какой-то признак жизни. Где-то вдали едва слышался звук сработавшей сигнализации.

Когда она вставляла в дверь машины ключ, смеясь нелепости запираания замка посреди пустой улицы, позади неё

раздался громкий животный вой. Закричав, она обернулась и раскрыла от удивления рот, увидев выключенный светофор.

Существо возвышалось над светофором метров на десять. Голова рептилии раскачивалась туда-сюда, маленькие ноздри приплюсывались, а между рядами острых зубов в огромных челюстях свешивались густые слюни. Тираннозавр.

Подавив в себе ещё один крик, Сара спряталась за машиной. Динозавр, похоже, почувствовал движение и, шагнув своей огромной ногой, нечаянно сломал светофор, как соломинку.

— Эй, дамочка, тут нельзя парковаться!

Сара резко обернулась на недовольный мужской голос. Не веря своим глазам, она смотрела на работника муниципальной парковки, который авторучкой указывал на её машину.

— Вы что, серьёзно? — продолжал он, подходя ближе. — Вы что, разметку не видите?

Она словно вынырнула из-под воды: воздух вокруг неё внезапно наполнился шагами проходящих мимо пешеходов, рёвом двигателей, шорохом шин по асфальту, глухим гулом остального Лондона. Где-то в стороне завизжали шины, раздался хриплый клаксон.

А ещё она слышала стук своего сердца, которое стучало так, что почти заглушало уличный шум.

— Я сейчас уберу машину, — она вышла из-за своего укрытия и начала рыться в сумочке в поиске ключей, и вдруг заметила, что работник парковки уже потерял к ней интерес и ушёл в сторону собирающейся толпы.

В двухстах метрах от неё, на другой стороне улицы, прямо перед серым зданием «Тонска», толпа пешеходов собиралась вокруг красного двухэтажного автобуса, из которого пассажиры выходили прямо на проезжую часть. Саре был

знаком этот гул, характерный для большого скопления людей вокруг оригинальной витрины магазина, уличного продавца, или на месте несчастного случая.

Она тоже поспешила туда, отмечая по пути, что некоторые люди, сильно побледнев, пытались выбраться из толпы. Женщина в блестящем плаще уверенно тащила за руку пятилетнюю дочку, не обращая внимания на то, что та со слезами умоляла посмотреть, что случилось. Сара проскользнула в образовавшийся в толпе зазор и посмотрела в центр толпы, перед автобусом.

Это был Войзек. Она узнала его очки в толстой чёрной оправе, одна из треснувших линз до сих пор не выпала. Они были зажаты в кулаке лежащей на асфальте руки, а другая рука торчала из-под клетчатого костюма так, словно принадлежала кому-то другому. Нижняя часть полного тела Войзека была под колесом автобуса, и по грязной обочине медленно растекалась кровь.

— Он выпрыгнул из здания. Чуть, блин, не убил меня, — говорил продавец газет.

Голос у него был высокий, злостью он пытался скрыть шок. Пальцы его рук сжимали и разжимали выпуск газеты «Evening Standard». Вместе с остальными Сара посмотрела вверх: над ними, на четвёртом этаже, в открытом окне развивались белые гардины, словно флаг капитуляции.

Сара пошла обратно к своей машине. Толпа всё время менялась: теряя одних людей, она заманивала на их место других, чтобы тоже вызвать отвращение. Вдали всё громче звучал заунывный вой сирены скорой помощи. Она вынула из сумочки ключи и со второй попытки открыла дверь. Затем тяжело опустилась на сидение водителя и механически потянулась через плечо к ремню безопасности. Когда ремень

защёлкнулся, она заметила на приборной панели, среди старых квитанций за парковку и конфетных обёрток, что-то пурпурное. Забытый Джошуа стегозавр.

Она осторожно отпустила руль, и четырнадцать минут просто смотрела в грязное лобовое стекло, пока её руки не перестали дрожать.

МЕСЯЦ НАЗАД Сара боролась в подвале с предохранителями. Прежнего владельца дома посетила гениальная мысль заменить старые предохранители современными автоматическими, но расположить их он решил в самом тёмном углу сырого подвального помещения. И вот Сара стояла там и взирала на непонятные ряды разноцветных выключателей. Поверх джинс и футболки она накинула халат, надеясь защититься им от холода и запаха отсыревшей штукатурки

— «ТУАЛ.» — прочла она. — «ПРИХ.»... Ага! — она увидела опущенный вниз тумблер и щёлкнула его вверх. В тот же миг сверху, со стороны ведущей в подвал бетонной лестницы, покрытой сырой ковровой дорожкой, донёсся гул включившейся в подсобке стиральной машины. — «ОТКЛ.» — сказала она. — Ну конечно.

Вернувшись на кухню, она обвела взглядом шеренгу электроприборов на столе. Гадкий старый тостер; электрочайник; электрическая духовка, с подключением которой она возилась перед тем, как спуститься в подвал.

— Извиняюсь, хозяйка, — тихо сказал К-9. — Перемещение по лестницам и ступеням за пределами моих текущих функциональных возможностей.

Включая чайник, Сара задумчиво посмотрела на К-9.

— Текущих функциональных возможностей? — повторила она.

Она заметила, что в последнее время робот гораздо дольше перезаряжался, также он стал реже ходить за ней по дому. Ещё в самом начале ей быстро надоело грузить и выгружать его в свой маленький автомобиль, так что он был почти всё время дома. Но теперь он, похоже, предпочитал целыми днями оставаться на одном месте, а не преодолевать ворс ковров, покрывавших пол в комнатах первого этажа.

Как-то раз она несколько часов потратила на то, чтобы сменить в нём ленту для распечаток. В конце концов, после того, как она пробурчала о том, что не оставить инструкции — типично для Доктора, К-9 услужливо предоставил, по его словам, «интерактивную документацию и принципиальную схему», которые отобразились на мониторе у него на боку. Только тогда Сара поняла, в чём проблема технического обслуживания К-9: в то время как фирма, выпустившая её пылесос, уже давно перестала производить сменные мешки для пыли, фирма, которая занималась выпуском запчастей для этого робота, ещё даже не возникла. К-9 морально устаревал ещё до того, как его произвели.

Задвинув в кабинете шторы, Сара включила свой ноутбук и ждала, пока он загрузится. Когда знакомые ряды иконок на экране не появились, Сара, возмущённо вздохнув, оставила чашку с кофе. На экране ноутбука мигали, словно стробоскоп, линии: вначале вертикальные, потом горизонтальные, потом опять вертикальные. Она выключила компьютер и перезапустила его. Через минуту она с недовольным видом смотрела на то же самое. Захлопнув ноутбук, она пошла в гостиную, бормоча проклятия в адрес молодого стажёра

«Метрополитэна», установившего ей операционную систему и пообещавшего, что вирусов на машине нет.

Яркие солнечные лучи отбрасывали по всей комнате большие пятна, словно разлитая краска, и Сара задвинула тяжёлые шторы. Затем она поставила чашку с кофе на оставшийся после неё же кружок на журнальном столике, и опустилась в любимое кресло. Она взяла пульт дистанционного управления и включила телевизор. Пока трубка телевизионного экрана мигала, отбрасывая в тёмной комнате блики на мебели, Сара пробежала взглядом по программе телепередач. Снова посмотрев на экран, она возмущённо нахмурилась. На нём была та же самая помеха.

— К-9? — крикнула она в сторону кухни. — Ты не замечаешь каких-нибудь необычных трансляций поблизости, которые могли бы...

— Хозяйка? — выглянул из двери металлический нос робота.

Увидев на полированном корпусе К-9 немигающие отражения, Сара поняла, что телевизор уже прекратил это световое шоу. Сзади звучал австралийский телесериал. Когда она снова посмотрела на телевизор, изображение было нормальным.

— На 12:00 назначен обед с мисс Пикеринг, хозяйка, — сказал К-9. — Ты велела мне... мне... напомнить, хозяйка.

— Дорогая, ты ужасно выглядишь, — оживлённым голосом сказала Кэйти Пикеринг, плавным движением руки указав на свободное место рядом с ней. — Как разогретое дерьмо.

— Тебе тоже приятного аппетита, Кэйти, — Сара тяжело опустилась на стул и взяла в руки меню ресторана «Gens du

Monde». Прежде, чем приступить к изучению первых блюд, она посмотрела во мрак ресторана, чтобы её глаза отвыкли от солнечного света. — Уже целую неделю ложусь спать пораньше, и всё равно чувствую себя измученной.

— Это всё чёртов роман, Сара. Он из тебя последние соки выжимает. Я помню времена, когда мы весь вечер просиживали в баре колледжа, и всё равно ещё успевали подготовить к утру репортажи в газету.

Кэйти расправила складку на скатерти.

— Писательство меня не могло утомить. Я даже пяти страниц не написала. Хм, *cuisse de grenouilles*. Ты тут уже, наверное, минут двадцать сидишь.

Кэйти строго улыбнулась:

— Чтобы пересечься взглядом с Клодом. А как насчёт всего этого сказочного материала, который ты узнаёшь от меня? Моя жизнь для тебя — открытая книга. Всё, что тебе нужно, это превратить её в твою невозможно красивую прозу, за которую я тебя ненавижу.

Сара теребила руками серебряные столовые приборы.

— Тогда это тебе нужно написать «Неумолимого». Это ведь ты знаешь кучу неприличных историй об утреннем телевидении. Это ведь ты трахаешься с продюсером. И с коллегой-ведущим. Это твоя жизнь. А я лишь наблюдательница.

Кэйти шлёпнула Сару по руке:

— Хватит их теребить. Ты же все вилки перепутала. Я, может, скромностью и не отличаюсь, Сара, но в логике мне не откажешь. И ты пишешь гораздо лучше, чем я, я это поняла ещё когда мы стажёрами были. Поэтому я и пошла на телевидение. И поэтому рассталась с Борисом.

— Так все телевизионщики делают? — спросила Сара.

— С глаз долой, из сердца вон, — ответила Кэйти, захлопывая своё меню.

Для приёма их заказа Клод прислал худого меланхоличного восемнадцатилетнего парня. Кэйти разочарованно надула губы и заказала лобстера.

— Я — НБД, — чуть позже сказала Кэйти, наполняя большой бокал. — Незамужняя Без Детей. Мне нужны карьера и секс, а не отвозить детей в школу.

Принесли гаспачо.

— Вот посмотри на этих, — сказала она, указав на весь зал ресторана. По мере того, как её голос становился громче, Сара пыталась казаться ниже. — Лучший из них — максимум на семь баллов, и это официант у соседнего столика. Симпатичный в пуантилистском смысле.

Сара непонимающе посмотрела на неё.

— Если издали смотреть, — объяснила Кэйти.

— Определённо Сёра, — меланхолично сказала Сара. — Совсем не мой вкус, — она гоняла в тарелке кусок перца. — А тебе не хотелось бы кого-нибудь более взрослого в своём отношении к тебе? Кого-нибудь, с кем можно... поговорить?

— Кого-нибудь, с кем можно поспорить, — передразнила Кэйти. — Кого-нибудь интеллектуального. Кого-то, кому я могу доверять, кого-то экзотического... Того, кто присмо-отрит за мно-ой, — запела она. — Серьёзно, Сара, ты в таком случае можешь встречаться с одним из моих заморских дядюшек. Или со своим руководителем диплома, «иностранным корреспондентом». Кажется, тебе нравился тип «отца-исповедника».

— Это не то, что я имела в виду, — сказала Сара, покраснев, понимая, что в тихом ресторане смех Кэйти слышат люди за соседними столиками.

— Кроме того, — сказала Кэйти, — если бы я хотела встречаться с незаконным иммигрантом, я бы пошла работать в передачу о путешествиях.

Они уже пили по второй чашке кофе на квартире у Кэйти, когда Кэйти перестала говорить о своей новой телепередаче об искусстве.

— После третьего предложения, — завершила она, — я решила, что не могу отказаться.

— Как обычно, — сказала Сара, оглядывая гостиную с невообразимо чистой мебелью. — Ты долго крутишь носом, а потом получаешь сразу три предложения.

— Ха-ха, — иронично сказала Кэйти и нахмурилась, увидев на кофейном столике микроскопическое пятнышко. — Очень смешно. Ладно, если ты не можешь писать о моей жизни, то почему тогда о своей не напишешь? Ты же журналистка, дорогая. С тобой не случается ничего, достойного книги? Ничего странного?

Сара отсутствующим взглядом смотрела на большую репродукцию Тулуза-Лотрека на противоположной стене. Она хотела сказать «нет», но затем она вспомнила о своей вчерашней встрече.

— Знаешь, я познакомилась с семьёй Войзека.

— У этого технаря была семья? А я думала, что его на станке штамповали.

— Нет, — сказала Сара, с серьёзным лицом наклонившись вперёд. — Это было... тяжело. Я нашла их через Барни из «Mirror». Они прятались от лондонской прессы, но, узнав о

том, что я разговаривала с Войзеком перед самой его смертью, согласились встретиться. Барни, конечно, обиделся.

— Бедный Барни, — сказала Кэйти.

— Мать Скотта Войзека сказала мне, что его бизнес-партнёр, молодой человек по имени Кендрик, погиб тоже неожиданно и тоже странно. Их сын... они называли его Скотти...

— «Отправляй меня»...

— Нет, было не смешно.

Сара вспомнила старую женщину — мать Войзека. Когда та говорила о сыне, у неё от горя опустились плечи, руками она всё время теребила подлокотники кресла. На ней было чёрное платье с глухим воротом, волосы были завязаны лентой. Когда Сара спросила у неё о смерти Кендрика, она перестала дёргать обивку кресла, откинулась на спинку, и сложила пальцы домиком, словно статуя из гробницы.

— Скотти тогда сильно изменился, — шёпотом сказала она с сожалением. — Мы с отцом никогда не понимали работу Скотти, хотя он и хотел этого. Он хотел, чтобы мы разделяли его любовь к ней. Его заразительный энтузиазм. Его любопытство и амбиции. Он был исполнен всего этого, когда они вместе с Кендриком основали «Тонска».

Сара непроизвольно дёрнулась, когда муж пожилой женщины громко прокашлялся. Она посмотрела туда, где он, сгорбившись, сидел на выцветшем диване, и напрягла слух, чтобы разобрать его неуверенную речь с сильным акцентом.

— Скотт сказал нам, что Кендрик предоставил ему фантастические технологии, «передовые», как он их называл. «Передовые» — это всегда впечатляло Скотти, — отец словно выплёвывал слова с горькой насмешкой, его густые тёмные брови сдвинулись над сердитыми глазами. — Кендрик был

«передовым» по части роботов и чего-то, что называлось воображение... нет, изображение, технологии изображения. Жаль, что я не слушал его внимательнее. Иногда я думаю, не наше ли безразличие... — он опустил голову, уткнувшись подбородком в грудь, и последние слова не было слышно.

— Нет, отец, — у женщины голос был твёрже. — Всё дело в смерти Кендрика. С момента его самоубийства Скотти стал сам не свой. Он всё время проводил в офисе. Словно он боялся чего-то. Боялся, что потеряет всё это...

Пока она вынимала из рукава своего платья носовой платок с кружевными оборками, Сара слушала тиканье часов с маятником.

— Больше у него ни на что времени не было, — наконец, сказала женщина.

— После этого мы его не видели, — сказал её муж. — Чаще с его автоответчиком общались, чем с ним.

Сара аккуратно спросила:

— Кендрик тоже... тоже убил себя?

— Бросился под поезд метро, — хриплым голосом сказал старик. — «Инцидент с пассажиром», так это назвали.

Этот эвфемизм вызвал у него что-то вроде горького смеха, но скоро он закашлялся и замолчал.

— А Скотти... — миссис Войзек промокнула нос платком. — За три месяца мы с ним два раза по телефону разговаривали. Мы узнали о его... о несчастном случае от полиции.

В этот момент она начала тихо плакать, и Сара, не зная, как прореагировать, уставилась на свои руки.

— Всё это время он даже с друзьями не разговаривал.

— Работа меняет людей, — резко сказала Кэйти.

Сара резко вернулась из воспоминаний в реальность. Кэйти, нагнувшись над столом, собирала посуду и с подчёркнутой точностью расставляла её на подносе.

— Меня она изменила, Сара. Помнишь, когда мы учились в колледже, я каждые выходные домой ездила? А теперь я родителей по несколько месяцев не вижу.

Сара фыркнула:

— Помнится, в прошлый раз ты говорила, что всё время говоришь с мамой по телефону.

— Работа изменила и тебя, Сара, — всё равно настаивала Кэйти, выходя в кухню. Саре было слышно, как она перекладывает чашки в посудомойку. — Ты же никогда не рассказываешь о своём пребывании за границей. За исключением того, что возвращение домой было для тебя как свалиться с небес на землю. Хорошо же ты стукнулась, я тебе скажу. Ты несколько месяцев была словно выпотрошена.

Сара водила носком туфли по ворсу ковра.

— Ты преувеличиваешь, — ответила она.

— Нет, не преувеличиваю, — продолжала Кэйти, всё ещё на кухне. — Что ты там оставила? Чёрт, ты даже толком не рассказала, где это было. Ты убрала подносы?

Сара улыбнулась:

— Я тут перекладываю содержимое твоих ящиков, — и она потёрла ногой об ковёр, чтобы изобразить звуки, словно что-то происходит.

Кэйти тут же зашла, аккуратно вытирая руки маленьким полотенцем.

— Сара, я знаю, что ты пошутила. Я бы и сама над этим посмеялась, если бы не знала, что сразу после твоего ухода не смогу удержаться и начну проверять на всякий случай все шкафы.

— Тебе лечиться надо, — грубо сказала Сара, улыбнувшись. — Возможно, из тебя и правда выйдет хороший персонаж.

— А ты у нас, конечно, не одержимая. Никаких тёмных секретов в прошлом, — едко заметила Кэйти.

Взглянув на свои швейцарские часы, она многозначительно посмотрела на Сару.

— Пора идти, — поняла намёк Сара.

В коридоре Кэйти помогала ей надеть куртку и в какой-то момент остановилась, когда руки Сары были наполовину в рукавах.

— Быть может, ты всё-таки нашла своего иностранного наставника, когда тебя здесь не было, — предположила Кэйти. — И если так, то почему ты тогда тут, хм?

Сара извинилась и сказала, что ей нужно в туалет. Там она заметила висящую в рамке ещё одну картину Лотрека — афишу Аристиды Бруана из кабаре. Она сдвинула угол картины так, чтобы та висела не совсем ровно.

На обратном пути, чтобы не скучать в пробках, она слушала Classic FM. Остановившись перед домом, она выключила «Пять мелодий» Габриэля Форе.

Повесив в прихожей свою куртку, она вздрогнула и поняла, что центральное отопление ещё не включили. Сара сняла перчатки и потёрла ладони друг о друга, чтобы согреть их. Затем открыла дверь в гостиную.

— К-9. Собака, понимаешь? — хохотнул Брендан.

Стоя на коленях, он смотрел, нет ли в большой картонной коробке ещё чего-нибудь. Когда он шарил по её дну, наружу посыпались крошки упаковочного пенопласта.

— Не могу найти инструкцию, — не теряя надежды, он продолжал шарить.

К-9 был уже вынут, и на его полированной металлической поверхности мягко отражался мерцающий свет огня в камине. К нему прилипли наэлектризованные крошки пенопласта. Двумя лёгкими движениями он отъехал задом к искрящимся и шипящим горящим углям, а затем подъехал к ногам Сары. Его антенны немного задрожали.

— Хозяйка!

Сара присела, чтобы поздороваться с ним и, приложив руку к его боку, почувствовала, что он нагрелся, стоя рядом с огнём.

— Это просто фантастика, — восхищался Брендан, сидя на корточках и глядя на присевшую у порога Сару. — От кого это?

— Подарок на прощанье, — тихо сказала она. — На добрую память.

Или же расчёт, уведомление об увольнении. Она устало улыбнулась К-9 и смахнула перчатками с его морды крошки пенопласта. На душе у неё было тяжело, и она сглотнула, прежде чем снова смогла заговорить. Она закрыла рукой глаза, почувствовав внезапную усталость от пережитого за день.

— Я думала, что ты пошёл в колледж, — сказала она Брендану, посмотрев в сторону камина.

В очаге был холодный пепел. Сбоку стояла ваза с высохшими, запылившимися цветами, а рядом с ней — корзина с шитьём.

Перед Сарой неуверенно гудел К-9:

— Пошёл в колледж. Пошёл в университет. Профессиональное обучение. Отслужить срок. Изучить специальность, — последовала более долгая, чем обычно,

пауза, а затем что-то щёлкнуло. Его голова повисла: — Не вычисляется.

Сара плотнее завернулась в куртку.

— Извини, К-9. Мне просто сон наяву приснился.

Она обескураженно похлопала рукой по его серой морде, заметив, что металл на углах уже почти протёрся.

НА ПРОШЛОЙ НЕДЕЛЕ Сара сидела в автобусе аэропорта, который пробирался сквозь полуденные пробки к долговременной автостоянке. Она уставилась в пространство, думая о том, живы ли травы, которые она посадила в саду за домом две недели назад. Какой была британская погода, пока Сара была в Швейцарии?

Напротив неё сидела, раскачиваясь в такт движениям автобуса, женщина средних лет в тяжёлом зелёном пальто в клетку; прищурившись, она смотрела на Сару сквозь толстые линзы очков.

— Посмотрим, что тут изменилось за то время, пока нас не было, — заявила женщина, возвращая волнистую прядь седых волос обратно под вязаную шапочку. — Вы всего на несколько дней улетали?

— Простите? — переспросила Сара.

— У вас мало багажа, — женщина кивнула на небольшую дорожную сумку Сары, а затем на свои два больших чемодана. — Я уезжала на три недели. Меня зовут миссис Гудсон, — представилась она, протягивая руку в перчатке без пальцев.

Сара пожала руку и ответила:

— Я улетала на десять дней. Просто привыкла налегке путешествовать.

Женщину это озадачило.

— На моей... предыдущей работе, — запинаясь, добавила Сара.

Миссис Гудсон кивнула, словно это всё объясняло.

— Путешествуя в чужих краях, я люблю брать с собой много вещей, которые напоминают мне о доме. Иначе чувствуешь себя такой покинутой, — она по-заговорщицки нагнулась: — И всё равно, столько знакомых вещей кажутся после возвращения не такими, правда? — она высморкалась в бумажную салфетку. — Левостороннее движение. Нет гор на горизонте. На полисменах высокие шлемы. Красные телефонные будки...

Небо голубого цвета, — подумала Сара. — Всего одна луна.

Миссис Гудсон продолжала болтать, ничуть не смущаясь тем, что разговор превращался в монолог. Сара позволила себе отвлечься, и жизнерадостная болтовня попутчицы стала просто фоновым шумом. И как раз когда миссис Гудсон начала вынимать из своей сумочки фотографии, автобус начал замедляться перед остановкой. Сара посмотрела на парковочную квитанцию, с облегчением увидев, что это и есть её остановка. Она вышла в проход между сидениями, взяла с соседнего сидения свою сумку, и немного покачнулась, когда автобус затормозил.

Дверь автобуса со вздохом открылась. Держа сумку перед собой, Сара вышла.

Но вместо рядов припаркованных машин перед ней была пригородная улица. Растерявшись, она оглянулась на автобус. Вместо него она увидела, как в воздухе исчезают контуры высокой синей будки и узнала стихающий звук двигателя ТАРДИС.

У неё снова свело живот, снова то чувство, что её бросили, что она потерялась. У неё закружилась голова. Она не хотела уходить, ей просто нужно было внимание. Часто игнорируемая Доктором, в момент почти детской обиды, которая даже тогда была ей не совсем понятна, она просто собрала свои вещи и вышла к консоли, заявив, что уходит прямо сейчас. Она смотрела на него, обиженно выглядывая из-за своих поспешно собранных книг, одежды, игрушечной совы, и напуская на себя убедительное выражение негодования, на которое Доктор, похоже, не обращал внимание. А затем, так внезапно, что она даже не нашла, что сказать, он практически выставил её за дверь.

ТАРДИС исчезла, оставив Сару напротив высокой неаккуратно постриженной зелёной изгороди. Со смешанными чувствами она печально огляделась. На улицах никого не было, кроме золотистого лабрадора, который с безразличным видом перешёл дорогу в её сторону и обнюхивал стену из красного кирпича.

— Это не Хиллвью Роуд, — сказала она сама себе.

Затем присела, поставила старую коробку со своим имуществом на тротуар, и почесала собаку за ухом.

— Готова поспорить, что это даже не Южный Кройдон.

Собачья морда сморщилась во что-то неузнаваемое.

— Дамочка, это даже не Земля, — сказала она.

Сара вскочила на ноги, опрокинув коробку. Филин выпал, его большой тряпичный глаз слепо уставился в небо. Сара не сводила взгляда с собаки.

— Нет, — сказала она.

Собака моргнула.

— Если не верите мне, спросите у неё, — сказала она, качнув головой в сторону Сары.

— Простите? — сказал за спиной женский голос

На мгновение Сара посмотрела под ноги, подумав, что её рассыпавшиеся по тротуару вещи мешают кому-то пройти. Она развернулась, открыв рот, чтобы извиниться, но тут же отпрянула назад, узнав эту женщину. Это была миссис Гудсон, она стояла на автобусной остановке и с озадаченным видом взирала на Сару из-под шерстяной шапочки.

— А, вот вы где, дорогуша. А я уж думала, что потеряла вас.

ВЧЕРА Сара сидела у себя на кухне и рассматривала К-9. Робот стоял неподвижно у белой лицевой панели газовой плиты, прерывисто гудя. Сара подумала о Рэбе — лабрадоре, которого подарил ей отец, когда ей исполнилось четырнадцать лет. Рэба было легко понимать: покорми меня, побегай за мной, пощекочи меня — вот и всё, что он передавал своими стойкой, положением ушей, и тёмно-коричневыми глазами. Иногда она играла с ним, пытаясь пересмотреть его. Долго-долго она смотрела в выразительные тёмные глаза Рэба, стараясь не моргнуть первой, но всегда проигрывала. А теперь она смотрела на стекло на голове К-9, желая, чтобы робот первый отвёл морду в сторону.

Уже целую неделю она снова чувствовала себя усталой и измученной, несмотря на то, что каждую ночь крепко спала. Поэтому этим утром она приняла решение и удалила со своего ноутбука все файлы. Когда она тащила в сторону «корзины» последнюю иконку файла Word, по экрану пробежала знакомая помеха. Но в этот раз она увидела логическую связь: К-9. И, сделав себе капучино, чтобы продумать предстоящий разговор, она привела робота на кухню и долго смотрела ему в глаза.

— Что же ты мне раньше не сказал? — в конце концов сказала она.

— Не могу сказать, хозяйка, — прожужжал К-9.

— Не оправдывайся, — пробормотала Сара, размешивая в тарелке остатки кукурузных хлопьев. Они кружились в лужице молока. — Этот сигнал вызван твоей поломкой. И он является причиной всяких электрических помех. Даже не знаю, почему я раньше тебя об этом не спросила, — она посмотрела на К-9: — Ты сможешь это исправить?

— Не разрешено... возможно, — неуверенно сказал К-9. — Для ремонта необходимо оборудование, отсутствующее в этой эпохе. Технологии, которые ещё не доступны на этой планете.

— Дальше будет ухудшение?

— Износ систем ускоряется, хозяйка. Минимальный уровень производительности будет достигнут...

Во время вычислений его уши-сенсоры сбивчиво поворачивались. Когда несколько секунд спустя они замерли, К-9 ничего не сказал.

Сара перевела взгляд со стола на пол:

— А что за сигнал ты передаёшь, К-9?

— Не могу сказать, хозяйка.

Сара взяла со стола стопку распечатанных страниц. «Неумолимый», — было написано на верхней странице Хельветикой 36-го размера, — «роман С. Дж. Смит». Она перелистала их, не читая, а затем подошла к мойке и открыла дверцу под ней. Там стояло мусорное ведро, наполовину заполненное очистками овощей.

— Пускай Кэйти сама романы пишет, — сказала Сара, свернула страницы в трубку, и воткнула их в мусор.

Сняв с крючка на двери кухни куртку, Сара начала надевать её.

— Без твоего содействия я тоже не могу тебе помочь, К-9,
— сказала она, повернула хромированную дверную ручку, и пошла в прихожую.

На пути к машине опавшие листья летали поперёк дорожки из гравия, словно коричнево-жёлтая метель. Она вспомнила, как холодно было в тот день, когда её отец последний раз повёз Рэба в город, и удивилась тому, сколько подробностей сохранила память. Холодный, морозный воздух, в котором их дыхание зависало облачками. Серые отпечатки, остававшиеся на белом снегу во дворе после её зелёных сапог. Грязно-серая слякоть на дороге по пути к хирургу-ветеринару. Потёртая и пожёванная картонная коробка на заднем сидении, на обратном пути домой уже пустая.

На шумной улице Кенсингтон Хай она увидела Войзека. Вначале она подумала, что он её не заметил, и хотела развернуться и уйти, но затем поняла, что он просто высматривал зазор в потоке машин. Когда красный двухэтажный автобус с рёвом уехал, Сара увидела, что он идёт через дорогу к ней, улыбаясь.

Разозлившись, она пошла навстречу.

— Как я сразу не догадалась, — сказала она.

Войзек взял её под руку и повёл обратно на тротуар, уступая дорогу пронёсшемуся мимо них вело курьеру в яркой обтягивающей одежде.

— Осторожнее, мисс Смит. Вы можете попасть под машину.

— Во сне? — резко сказала она, не давая ему взять её под локоть.

Она попыталась с предосудительным видом осмотреть его одежду, но эффект портило то, что она дрожала.

— Скорее, в кошмаре, — всё, что смогла она добавить.

Войзек поправил свой клетчатый пиджак и смахнул с рукава невидимую пылинку. Он снова снисходительно улыбался ей, оглядывая её так, словно товар в магазине. Поток пешеходов огибал их; никто их не толкал, никто даже не смотрел на них, как если бы напряжённость между ними была физическим препятствием. Войзек поправил свои очки.

— Вам не помешает выпить, — сказал он, и указал на кафе позади неё.

Она отказалась от бренди, но села напротив него за столик возле окна, взяв себе капучино. Она посмотрела сквозь серые гардины на шумную улицу. Женщина в зелёном пальто аккуратно толкала сквозь толпу двойную детскую коляску, на плече у неё висел скрипичный футляр.

— Вы умерли, — отстранённым голосом сказала Сара.

— Да, умер, — сказал Войзек и провёл толстым пальцем по ободку своей чашки, собирая шоколадный порошок.

Голос у него был весёлый.

— Значит, это очередной сон? Это ваши проделки, — она следила за его реакцией. — Ваши технологии гораздо более личные, чем я готова была поверить.

Войзек склонил голову, словно изучая её.

— И в тоже время они гораздо более чужие, чем вы, наверное, готовы поверить, — должно быть, он заметил, что у неё расширились глаза. — Я не из этой солнечной системы. Хотя, — продолжал он, — я знаю, что вас этим не удивишь.

— Вы меня поставили в невыгодное положение. Вас этим не удивишь, — Сара вдохнула коричный запах, поднимающийся из её чашки. — И далеко ли ваш дом?

Войзек хохотнул:

— Как это мило, как по-дружески. Как по-человечески.

— Можем ещё о погоде поговорить.

— Я из расы, которая называется тонска, — Войзек задумчиво прикусил губу. Он наклонился вперёд, прямо напротив неё, но его голос звучал так, словно доносился с другого конца комнаты. — Я не знаю, далеко ли я от дома. Мои воспоминания об Алракисе фрагментарны, словно несколько фотографий, случайно выбранных из альбома. Запомнившиеся мне навечно отдельные реплики из сценария, по которому я когда-то играл. Я помню чёрные моменты несчастья и отчаяния, плен в узилище, которое было разрушено не мной. Я не помню своего отца, но каким-то образом я знаю, что он верил, что я могу стать кем захочу, что он не сомневался в моём врождённом даре добиваться чего угодно. Я очень чётко помню тот момент, когда смог высвободиться из физических оков. В этот единственный ясный момент, в момент моего апофеоза, я лучше всего запомнил того, кто отлучил меня от всего, что у меня когда-либо было, во что я верил, чего хотел. Я никогда не забуду того, кто меня изгнал.

Сара улыбнулась:

— Вы бы лучше пили кофе без кофеина, мистер Войзек.

Она снова отвернулась и посмотрела сквозь гардины. Две женщины рассматривали меню, висевшее на окне в латунной рамке. Женщина в зелёном пальто аккуратно провела мимо них, сквозь обеденную толчею пешеходов двойную детскую коляску, на плече у неё висел футляр со скрипкой. Мимо пронёсся вело курьер в яркой облегающей одежде.

— Войзек — это всего лишь *nom de guerre*¹?

— Очень смешно, мисс Смит. Вы ещё не забыли школьные уроки французского, — он наклонился вперёд, словно

¹ Псевдоним (фр.)

опасаясь, что его подслушают сидящие за соседним столиком. — Я не помню, как меня зовут. Я был известен как Цераннос, но было какое-то имя ещё раньше. С тех пор я был известен под многими именами. На Земле я был Скоттом Войзеком. И Джонатаном Кендриком. И Дженнифер Бендик. И Мэри Джоунс. Столько замечательных людей. Я многому научился, — он задумчиво размешивал свой кофе. — Я уже тридцать лет пытаюсь вырваться с этой унылой планеты. Я попал сюда после неисчислимо долгого бестелесного блуждания, следуя сюда через Вселенную за ниточкой, выслеживая стремление домой, которое оказалось не моим. Но которое могло привести меня к тому, из-за кого меня постигло это забвение. В момент слабости и бреда, когда я только прибыл сюда, я принял человеческое обличье. И я бродил в этом жалком болоте несколько лет, пока не узнал, что моего мучителя здесь уже нет. Я знал, что должен сбежать из этой примитивной тюрьмы, и последовательно принимал вид тех, кто мог помочь мне освободиться. Я смог перенять или видоизменить архаичные технологии вашей планеты для того, чтобы разработать системы и сознания, которые приблизили бы меня к моему пути домой.

Сара отвернулась, глядя с отрешённым видом в окно и протирая уголки рта салфеткой. Мимо пронёсся худой вело курьер в вело шлеме и обтягивающей одежде.

— Вы паразит.

Войзек притворно надул губы:

— Вы оскорбляете меня, мисс Смит.

— Я не оскорбляю, я просто говорю, как оно есть. Как ещё это можно назвать?

Войзек поправил на носу очки и провёл рукой по редющим волосам.

— Я ценю потенциал, как свой, так и чужой. В этом мой дар. На Алракисе я мог быть кем угодно, чем угодно. Бендик была психологом; будучи ею, я изучил потенциал человечества. Кендрик придумал технологию ВР, которую я передал Войзеку. А будучи Войзеком, я финансировал её разработку, чтобы перехватывать сознание и жизненный опыт, — он допил остатки своего кофе. — В вас есть потенциал, мисс Смит. У вас очень развитое воображение и жизненный опыт, которому удивились бы даже самые близкие из ваших друзей. Вы ими, правда, не пользуетесь, потому что вы ограничены своим узколобым английским характером. Например, тратите время на роман, который никогда не допишете, — он ожидал от неё какой-то реакции. — Похоже, вы не удивлены.

— Вы меня не впечатлили, если вы это имели в виду.

— Мне не нужна ваша оценка, — тихо сказал он. — Мне нужна ваша помощь.

Сара собрала со скатерти свои вещи обратно в сумочку, и повесила сумочку на плечо.

— Не будет вам моей помощи, мистер Цераннос, — сказала она и встала. — Скотт Войзек, которого помнят его семья и друзья, не был эгоистичным хамом, с которым познакомилась я. Кем бы вы ни были сейчас или раньше, вы, похоже, вполне способны отлучить себя от других самостоятельно.

Она поправила куртку и пошла к двери.

— Меня изгнал Доктор, — сказал Войзек, не поднимая на неё взгляд.

На секунду рука Сары зависла над ручкой двери кафе. Затем она резко повернула ручку и пошла по шумной улице мимо двух женщин, изучавших меню на окне. Войзек поспешил за ней.

— Мисс Смит, я бы предпочёл, чтобы вы помогли мне добровольно, — крикнул он ей вслед.

— Отвали, — ответила она, не оборачиваясь.

Дойдя через несколько секунд до перекрёстка, она свернула, чтобы оторваться. Затем она резко остановилась, и её сумочка шлёпнула её по боку. Впереди неё, спиной к ней, стоял Войзек, а позади него две женщины изучали меню, висящее на окне кафе. Худой паренёк- курьер, одетый в яркую одежду, мчался мимо на велосипеде. Войзек обернулся и увидел её.

Он развёл руки в умоляющем жесте...

— Ещё до нашей встречи я знал, что вы были коллегой Доктора, когда он был на Земле, — говорил он, и его голос посреди шумной улицы был слышен неестественно чётко. — Я подумал, что вы поможете мне добраться до него, поможете мне убраться отсюда.

Сара развернулась и побежала через перекрёсток, а затем бежала до светофора на следующем перекрёстке. На углу она споткнулась, зацепившись каблуком, и чуть не налетела на женщину с коляской для близнецов. У женщины зачем-то был ещё и футляр со скрипкой. А за ней, рядом с кафе, стоял Войзек. Он повернулся к Саре, не сомневаясь, что она там.

— Воспользовавшись машиной ВР, я узнал, что он улетел. Но также я узнал, что он оставил вам К-9.

Сара проталкивалась сквозь плотный поток пешеходов.

— Раз вы всё это знаете, то знаете и то, что он бросил меня, — крикнула она. — Что он последний, кого я хотела бы видеть. Был последним до сегодняшнего дня, — добавила она сквозь зубы.

Войзек подошёл к ней и аккуратно, но крепко взял её за плечи.

— Ну же, Сара. Вы же знаете, что К-9 будет разваливаться, пока не придётся отправить его на свалку. И он вам уже сообщил, что человеческие технологии не могут его восстановить. Мы нужны друг другу.

Она стояла рядом с ним и смотрела, как его холодные голубые глаза быстро бегают туда-сюда, пытаясь прочесть ответ в её глазах.

— А почему вы не возьмёте то, что вам нужно, в Тонска Индастриз? — спросила она. — Те технологии, которые вы мне показали, достаточно продвинутые.

— *Omne ignotum pro magnifico*², — сказал Войзек.

Увидев на лице Сары непонимание, он добавил:

— Интересно, сколько вы знаете из школьного курса латыни. Просто не можете вспомнить в данный момент.

— Не говорите со мной снисходительным тоном, — прошипела Сара, шагнув назад.

А затем она подумала над тем, что он сказал.

Войзек снова засмеялся:

— Это было бы с моей стороны странно. Ведь в некотором смысле я и есть вы.

Когда она проснулась, она кричала. Её хриплый крик наполнил замкнутое пространство автомобиля лишь на несколько секунд, но когда она замолчала, в ушах у неё по-прежнему звенел голос её ужаса.

Сквозь слёзы она посмотрела в окно на свой дом. К-9 должен быть там, и всё ещё должен передавать свой странный, необъяснимый сигнал.

² Все неизвестное представляется величественным (лат.)

Сара посмотрела на приборную панель, и увидела там скомканную жёлтую бумажку с напоминанием об изначальном интервью. Войзек был мёртв, она сама видела. Его больше нет.

— С глаз долой, из сердца вон, — твёрдо сказала она сама себе, повернув ключ зажигания и запуская двигатель.

СЕГОДНЯ Сара сидела у себя в гостиной смотрела на стоявшую перед ней на столе чашку остывающего кофе и думала о том, что нужно поставить кофе в микроволновку и подогреть.

Указательным пальцем она постукивала по крышке лежавшей на её коленях коробки с печеньем и думала о событиях прошлого дня. Что скрывал от неё К-9? В первые несколько недель своего знакомства с роботом она пыталась выудить из него информацию о том, что было с Доктором после того, как она с ним рассталась. Однако очень скоро стало ясно, что никакие искусные разговоры, ни коварные вопросы, ни тщательно разыскиваемые улики не дают Саре узнать ничего интересного, вопреки всем её профессиональным навыкам. Оказалось, что причина того, что К-9 не выдавал информацию, была в том, что после того, как его изготовили и запрограммировали, он почти и не видел Доктора. Его запаковали и отослали быстрее, чем он смог понять, где он. Саре это было очень знакомо.

Но мог ли этот робот скрывать от неё информацию? Можно ли доверять К-9? Учитывая своё собственное недавнее поведение, можно ли доверять самой себе? Взвешивая варианты, она подумала о том, как бы подошёл к этой проблеме Доктор? Затем она сердито отбросила эту мысль и сказала:

— Чёрт возьми, К-9, ты больше не собака Доктора. Ты здесь, со мной. Я для тебя *in loco parentis*.

В другом конце комнаты повернулись уши-локаторы.

— In loco parentis, — сказал К-9. — Латынь. Переведенное значение: вместо родителя. Этимология: используется в качестве наречия в Земном Английском языке с начала девятнадцатого века...

— Хватит, К-9. Ты мне расскажешь, что происходит?

— Хозяйка?

— Ты почему увиливаешь?

Собираясь с мыслями, она глубоко вздохнула. Она всегда относилась к К-9 скорее как к равному, чем как к слуге, ей тяжело было заставить себя приказать ему что-то.

— Я требую, чтобы ты рассказал мне, что происходит. Это приказ, — нерешительно добавила она.

Жужжа, К-9 пересёк ковёр и, тикая, стал рядом с ней.

— Ты запретила мне сообщать тебе детали, хозяйка.

Она посмотрела на робота так, словно услышала от него ругательство.

— Я запретила? Неважно, теперь я передумала. — Скажи мне, зачем ты передаёшь этот сигнал?

Жужжа моторами, робот поднял морду, и ей этот звук показался вздохом облегчения.

— Под-пространственная передача сигнала бедствия на прописанных частотах, хозяйка. Иницируется когда параметры самовосстановления и регенеративной замены становятся недостаточными.

Сара посмотрела в тусклые огни за стеклом, заменявшим К-9 глаза.

— Последний зов на помощь, когда ты больше не можешь справляться сам?

— Подтверждаю, — сказал К-9. — Эта программа была внедрена в этот экземпляр Доктором.

— Повезло, что она не вышла из строя первой.

Хвост-антенна К-9 грустно поник.

— Значит, ты шлѐшь в космос «Внимание всем постам»? Чем, в качестве побочного эффекта, уже несколько недель портишь соседям просмотр «EastEnders».

Жуя конфету, она задумалась. А затем сказала:

— Воспроизведи мне эту передачу.

Она ожидала услышать механический голос К-9, чирикающий сигнал СОС, как сигналы с потерпевшего крушение корабля по радио. Поэтому вздрогнула от неожиданности, когда из бластера К-9 в сторону кофейного столика вырвался луч света. Впрочем, чашка не раскололась и не испарилась. Вместо этого в воздухе появилась знакомая картинка помехи.

— Декодирую, — сказал К-9.

Помехи дёрнулись и задрожали, и в центре столика возникла маленькая полупрозрачная фигурка. Сара наклонилась ближе и убрала в сторону чашку. Это была женщина, нагнувшаяся, словно включая телевизор. Вначале Сара узнала ночнушку. Женщину она узнала за секунду до того, как та начала говорить. Это была она. Её миниатюрная копия монотонным голосом требовала, чтобы Доктор немедленно явился помочь К-9, и сопровождала это рядом технических подробностей, из которых Сара ничего не смогла понять. Затем изображение дёрнулось, и начало воспроизводиться сначала.

Сара откинулась на спинку кресла.

— Превосходно, — недовольно фыркнула она, ударив рукой по подлокотнику, подняв в воздух фонтан крошек. — «Помоги нам, Оби Ван, ты наша единственная надежда». Что

же, не в этот раз, Доктор, — она наклонилась вбок через подлокотник: — Прекрати передавать, К-9. Немедленно.

Луч лазера К-9 тут же отключился, исчезло и изображение.

— Когда это было записано? — потребовала она.

К-9 назвал дату и время. Несколько недель назад, посреди ночи.

— Объясни.

Со всё большей растерянностью она слушала о более чем двадцати подобных случаях за последние восемь недель. Каждую ночь она пыталась починить К-9, каждый раз напоминала, что робот после этого не должен это ни с кем обсуждать, включая саму Сару. Её исправления приводили к абсолютно противоположному результату: за прошедшие два месяца эффективность работы К-9 ухудшилась настолько, что системы долгосрочного самовосстановления уже не могли компенсировать ущерб, нанесённый её ремонтом. И тогда включилась программа связи с Доктором. И хотя сама она не понимала, ограничения, наложенные ею на упоминание ремонта, означали, что робот по своей инициативе не мог сообщить ей о передаваемом сообщении.

— Ремонт во сне? Не удивительно, что я всё время такая разбитая, — тяжело опираясь на подлокотник, она смотрела не возмутимую морду К-9. — Но даже сама мысль об этом безумна, К-9. Я ведь даже с видеомагнитофоном еле справляюсь.

Она надолго замолчала.

— Что же я пыталась сделать?..

Внезапно сменилась тональность гудения К-9.

— Это могла быть не ты, хозяйка.

— К-9?

— Симбиоз с пришельцем, — загадочно произнёс К-9. — Тонсканец. Гипостатический осмос...

Его телеграфная речь сменилась электронным бормотанием, и Сара поняла, что К-9 отключается, чтобы сохранить энергию до перезарядки.

— Как раз в тот момент, когда всё стало ещё более непонятным, — проворчала она.

Она потянулась за своим остывшим кофе, как вдруг в соседней комнате раздался звук, от которого у неё замерло сердце.

Она остановилась в дверях кухни, держась за косяк, потому что её ноги готовы были в любой момент подкоситься. Высокий синий шкаф невообразимым образом втиснулся между электроприборами на пути к задней двери, выходящей в сад. Он стоял немного криво, одна из его узких дверей была распахнута в сторону стиральной машины, булькавшей в режиме полоскания. На тёмной каменной плитке, покрывавшей кухонный пол, болтались лохматые шерстяные кисточки, бывшие концом невероятно длинного шарфа, в котором было слишком много разных цветов. Шарф лежал на тяжёлом дубовом столе и обвивался вокруг шеи долговязой фигуры, развалившейся на одном из четырёх стульев с резными спинками. Путаница кучерявых волос на голове этого человека была ничто по сравнению с путаницей эмоций на лице Сары.

— Доктор, — хриплым шёпотом спросила она. — Что ты тут делаешь?

Он улыбнулся:

— Что, даже чаю не предложишь, Сара Джейн? — он одним плавным движением потянул шарф к себе и перебросил его через плечо. — Ну и ладно, уверен, мы найдём ему в ТАРДИС замену. Идём? — он указал на открытую дверь.

Сара осталась стоять в прихожей.

— Ты зачем прилетел?

— Я получил твоё сообщение, — сказал он, запрыгивая в двери полицейской будки.

Сара нерешительно, словно разнашивая новые туфли, вошла в кухню. Остановившись перед ТАРДИС, она смотрела на неё, наверное, ожидая, что сейчас дверь закроется у неё перед носом, и знакомые очертания на её глазах растворятся в воздухе. Когда за полминуты ТАРДИС не исчезла, Сара вошла в дверь.

Она тут же оказалась в знакомой обстановке другого мира, лёгкое гудение ТАРДИС словно вытеснило внешние звуки, рёв отжима стиральной машины, казалось, доносился с другого конца света. Она заморгала, привыкая к яркому, словно дневному, освещению, и увидела знакомую высокую фигуру, небрежно облокотившуюся на ближайшую панель шестиугольной консоли.

— Нам нужно кое-что сделать, — сказал он.

— А как же К-9, Доктор?

— Ну, им тоже, конечно, нужно будет заняться. Но вначале я должен разобраться с нашим другом мистером Войзеком, согласна?

Он улыбался ей, и в его глазах было радостное предвкушение предстоящего путешествия, предстоящего приключения.

— Не хочешь исполнить почётную обязанность, Сара? — он указал на управление дверью, расположенное на противоположной от него стороне панели, и Сара подошла туда, чтобы закрыть дверь.

— Мы вернёмся на его планету и изменим всё так, чтобы он не оказался изгнанным? — спросила она.

— Алракис в это время века весьма неплох, — ответил он.

Сара убрала руку от панели управления.

— У тебя хорошая память на планеты, Доктор, — она выглянула на него из-за прозрачной центральной колонны. — Просто превосходная, вообще-то. Но откуда ты знаешь о мистере Войзеке?

— Ну, — засмеялся он. — Ты же знаешь, я на месте не сижу. Люди. Места, — он свойственным ему жестом провёл пальцем по носу. — Времена, — добавил он. — Так ты закроешь дверь?

Сара обошла консоль и стала рядом с ним.

— Вы именно этого хотите добиться, мистер Войзек? — её голос стал выше и сильнее, она проигнорировала то, что он нахмурился. — Вы очень умны. И вы явно до сих пор в моём сознании. Что-то мне подсказывает, что если я закрою дверь, то захлопну мышеловку, — она подняла взгляд на лицо, которое, как ей казалось, она так хорошо знала. — Можете считать это женской интуицией.

— Вы и сами очень умны, мисс Смит, — сказал Войзек голосом Доктора. — Контролировать вас оказалось намного сложнее, чем десятки других знакомых мне людей.

Саре стало дурно.

— Вы бесчеловечный монстр. Вы разузнали обо мне благодаря вашим информационным системам, и засорили моё сознание машиной ВР Кендрика.

Войзек усмехнулся улыбкой Доктора:

— «Монстр» — понятие субъективное, мисс Смит. А поскольку я учусь чему-то новому и уникальному о человеческих возможностях и устремлениях с каждым новым человеком, которым овладеваю, я сомневаюсь, что ваше оскорбление применимо ко мне, — сложив руки, он откинулся

на спинку, оценивающе глядя на неё. — Вы научили меня многому о силе духа. Я думал, что ваш опыт общения с инопланетными существами сделает вас более восприимчивой, но на самом деле он сделал всё ещё более трудным. Те, другие, с радостью отказывались от своей слабой связи с реальностью и позволяли мне захватить процессы их высшего мышления. Разумеется, последующее ослабление моего контроля неизбежно приводило к довольно драматическим эффектам. Как вы это и увидели, когда бедный мистер Войзек наткнулся на свою смерть, как Кендрик и остальные до него.

У Сары горели глаза.

— Значит, вы ничему не научились о человечестве. Понять механику человеческого бытия недостаточно. Нужно обладать жалостью, состраданием, и индивидуальностью

Войзек рассмеялся с её эмоцией.

— Несколько моих попыток контролировать ваш разум вызвали поразительный отклик в виде снов, которые, похоже, лишь усилили ваше сопротивление. Поэтому мне приходилось делать большую часть работы ночью, когда вы спали и ваш разум был наиболее беззащитным. Именно тогда я внедрил в К-9 вирус, который должен был вернуть Доктора на Землю. И ко мне. Теперь же, к сожалению, вы это испортили. Поэтому я вынужден действовать более прямолинейно.

— Я не буду вам помогать наносить кому-либо вред. Я не дам вам нанести вред Доктору, — она крепко зажмурила глаза, сжала кулаки, и напряглась всем телом. — Я не позволю вам управлять мной.

Когда она снова открыла глаза, ТАРДИС не было. Войзек стоял по другую сторону стола, всё ещё выглядя как Доктор.

— Вы пытаетесь произвести на меня впечатление? Вам бы это удалось, если бы вы позволили вашей силе объединиться с

моей в симбиотической связи. Откройте для меня своё сознание; не сопротивляйтесь, — его шелковистый, тёплый голос эхом звучал в её ушах. Он наклонился к ней через стол, протянул руку и коснулся пальцем её лба. — Я живу вот тут уже больше восьми недель. Вы не находите себе места в вашей старой жизни, потому что Доктор показал вам, что есть миры за пределами этих задворков космоса, миры за пределами воображения. Но, подразнив вас, он вас бросил. Вы заслуживаете лучшего.

— Вы паразит, — с тихой уверенностью сказала Сара. — Но вы паразит, который ничего не даёт своему носителю, и не понимает, что нельзя быть человеком не будучи человеческим. Вам нельзя верить. И я не поверю вам.

Войзек покачал головой Доктора.

— Я знаю ваш разум как свой собственный, — хохотнул он. — Скоро он и будет моим. Ваша вера в Доктора не даёт вам сил. Он — слабое звено вашей жизни.

— Неправда, — крикнула Сара, снова сжав кулаки. — Вы его не знаете. Для вас он просто безликий враг.

— Я знаю его так же, как и вы, — спокойно сказал Войзек. — Доктор бросил вас, когда вы ему надоели. Чего и следовало ожидать. На что вы надеялись, чего вы и вправду ждали? Чего мог ожидать любой спутник Доктора? Не дающее покоя знание того, что живёте подержанной жизнью, вот чего. Следуя за потребностями и желаниями кого-то другого. Просто очередная поклонница, хватающаяся за что угодно, что может заполнить пустоту её ничтожного существования. И, в конце концов, никаких благодарностей. Никаких наград. Кроме, быть может, трусливого прощания, или могилы где-то далеко от дома.

Сара стукнула кулаком по столу.

— А что предлагаете вы? Вы хотите навязать неравные отношения. Вам нужны власть и контроль, а не партнёрство. Вы не можете выжить, не подчиняя полностью своих компаньонов. А когда они вам больше не нужны, вы выбрасываете их, как израсходованное желание, не заботясь о том, что будет с ними дальше, — голос у неё дрожал, а рука стучала в такт словам по столу, но она не чувствовала боли этих ударов. — Я стала ненужной, — всхлипнула она, глядя сквозь слёзы на стоящую напротив неё высокую фигуру. — Ты бросил меня, Доктор, и я только научилась жить без тебя. У меня получается. Я справлюсь. Ты мне больше не нужен, так что вали отсюда, оставь меня в покое.

На комоде зашуршали письма и бумаги — в комнате поднялся ветер. В считанные секунды он перерос в бушующий вихрь шума и воздуха, охвативший всю комнату. Тарелки разлетелись осколками, загремели висящие на стене сковороды. Часы пролетели через всю кухню и с треском врезались в вытяжку над плитой.

В центре этого водоворота Сара смотрела на Доктора. Они были глазом этой бури, бушующее вокруг них безумие их не касалось. На её глазах лицо Доктора неподвижно замерло, словно восковая маска, неспособная выражать эмоции. А затем он стал Войзеком, с редёющими волосами, тяжёлыми очками, в костюме из клетчатой ткани. А затем он стал жилистым рыжеволосым молодым человеком с множеством веснушек, пожилой женщиной с розовым лицом и в форме медсестры, молодой блондинкой с молочно-белой кожей. А затем трансформации стали неразличимыми, они менялись с безумной частотой, превращаясь в бесформенную, безликую массу. Через несколько минут, или часов, или секунд Сара видела лишь аморфное размытое пятно, вокруг которого

потрескивали искры, как вокруг ложки, забытой в разогреваемом в микроволновке кофе.

Её голову охватила жуткая боль. Рёв бушующего урагана поднялся до оглушительного крещендо, и Сара закричала от боли, обиды, и отчаяния.

Очнувшись, она увидела, что лежит в кресле в гостиной. Голова раскалывалась от боли. На столе перед ней на нетронutom кофе образовалась толстая плёнка. Рядом гудел К-9, его перезарядка завершилась.

Она коснулась рукой его головы:

— К-9, сотри тот вызов помощи.

— Подтверждаю, хозяйка.

— И удали программу, которая передаёт этот сигнал. Сообщи, когда закончишь.

Она прижала ладонь к пульсирующему виску. Затем сползла с кресла и, сложив ноги под себя, села перед роботом на ворсистый ковёр.

— У меня жуткая головная боль, К-9.

Она замолчала, не решаясь задать вопрос.

— К-9, он покинул моё сознание? Я избавилась от него?

К-9 направил на неё уши.

— Подтверждаю, хозяйка. Программа удалена.

ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ Сара будет сидеть в кресле с гнутой спинкой и твёрдым голосом читать вслух большую книгу.

— Она ненавидела Уоррена Флетчера. Она ненавидела его эгоизм, его дорогой автомобиль, ту простоту, с которой он пользовался новыми технологиями. Она ненавидела его фальшивую искренность и длинные обеды. Она ненавидела его лысину. А когда он погиб, попав под машину, и её чувства к

нему не изменились, вины за это она не чувствовала. Поэтому, когда она увидела, что он идёт ей навстречу через Гайд Парк, она сразу поняла, что с ней происходило.

Она читает уверенно и, естественно, с гордостью. Читая диалоги, она выделяет каждого персонажа интонацией, не играя роль. А закончив раздел, закрывает книгу и кладёт её себе на колени.

— Сара Джейн Смит прочитала отрывок из своего нового романа «Жизнь продолжается», который через две недели будет опубликован издательством «Virgin». Это книга из её серии романов о «Докторе» — загадочном персонаже неизвестного, возможно, инопланетного происхождения. И это её первый новый роман, изданный за последние несколько лет.

Ракурс меняется: Сара сидит за столом с Кэйти Пикеринг, рядом с ними полки с книгами.

— Сара, мы рады видеть вас в нашей литературной передаче.

— Спасибо, Кэйти. Спасибо за приглашение.

— Сара, ваши издатели, рекламируя вашу книгу, утверждают, что это будет ваша последняя книга в очень успешной серии романов о Докторе.

— Нельзя верить всему, что пишут...

Кэйти улыбается.

— Думаю, я не много выдам, если скажу, что в этом последнем романе Доктор — персонаж скорее второстепенный. Это большое отличие от предыдущих книг, которые критиковали за то, что Доктор был доминирующим персонажем-мужчиной, а его спутницы были жалкими карикатурами на беспомощных женщин.

— Я думаю, что они были уверенными в себе, сильными женщинами, которые столкнулись с тем, к чему они не могли

быть готовы. Учитывая это, они справлялись неплохо, — Сара неосознанно проводит рукой по своим коротким волосам с проседью. — Доктор ведёт себя не так, как мы привыкли, не по-человечески, и это контрастирует с поведением других персонажей. Я надеюсь, что к концу этой серии читатели увидят, что его попутчики изменялись, заимствуя что-то у Доктора. Возможно, они позволяли ему командовать, полагались на него. Но они при этом многому учились на его успехах и неудачах. Человеческие чувства, эмоции, интуиция и инициативы, как оказалось, все являются сильными качествами, и некоторых из них Доктору не хватает.

— Вы говорите о нём так, словно он настоящий. Это у вас писательское отношение?

— Мне кажется, что писатели должны позволять своим персонажам жить своей жизнью. Иногда, отправляя персонажа в такие приключения, понятия не имеешь, чего можно от него ждать... не знаешь даже, выживет ли он. Тем не менее, важно подчеркнуть, что если отношения с персонажем и неравноправны, то это автор управляет персонажем, а не наоборот. Я прожила с Доктором уже много лет, и у меня такое чувство, что я знала его задолго до того, как начала писать. Наша с ним история дольше, чем многие думают.

— Но Доктор сделал вас популярной писательницей и, говорят, что «Amblin Entertainment» выразили большую заинтересованность в финансировании одного или двух фильмов об этом персонаже. Почему же вы отказываетесь от этой успешной серии книг?

— Написав о нём столько, я очень много узнала как о нём, так и о себе. Но иногда я замечаю, что моя связь с персонажем, с работой, с домом, или с хобби подобна тем приключениям, Кэйти; я не знаю, чем это закончится. Для меня важно

разобраться с этими связями на своих условиях. Поэтому, как бы я ни была к ним привязана, как бы ни были они знакомы и удобны, нужно принимать собственные решения. Нужно принимать решение о том, что пора жить дальше.

На мансарде большого викторианского дома в Ислингтоне, Лондон, есть большая коричневая картонная коробка, припрятанная в тёмном углу. Внутри неё находится К-9, его глаза погасли.

Библиография Сары Джейн Смит.

Рассказы

(все опубликованы в журнале
«Метрополитэн»)

Звезда Айронгрона (№886, август 1995)

Операция «Золотой Век» (№891, январь 1996)

Эксилон (№892, февраль 1996)

Возвращение на Пеладон (№894, апрель 1996)

Восьминогие (№897, июль 1996)

Разрушители (№901, ноябрь 1997)

Лучший друг девушки (№965, март 2003)

Романы

(все опубликованы издательством Virgin
Publishing, Лондон).

Больше, чем человек (1997)

Ноев Ковчег (1997)

Рассвет далеков (1998)

Возвращение в Ковчег (1998)

Ужас озера (1998)

Запретная тема (1999)

Дар Смерти (1999)

Вторжение краалей (1999)

Мозг Солона (2000)

Ужасные стебли (2000)

Маска смерти (2001)

Рука сквозь время (2001)

Жизнь продолжается (готовится к публикации)

ПОТУСКНЕВШЕЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ

Гай Клэппертон

— Весьма прискорбно, моя дорогая, ты не находишь?

— Вы об убийствах? — переспросила Додо Чэплет, глядя как Доктор отпирает двери ТАРДИС. — Да, они жуткие.

Она бросила последний взгляд на Ротар-Сити, столицу планеты Таррон. Металлические пирамиды сверкали в голубом закате. Выглядело как идеальное место для экскурсии, но внешность была обманчива. Таррон была не лучшим местом для посадки.

Вздвогнув, она зашла за Доктором в тёплую ТАРДИС.

— Нет, нет, — возразил он. — Я говорил о голозонде. Такой технический прорыв и используется в таких целях... Весьма прискорбно, хм?

— Мм... да, — сказала она, неуверенно посмотрев на него.

Она путешествовала с Доктором недавно, но его спокойное отношение к повседневному насилию уже начинало её беспокоить.

— А что это ты принесла? — резко спросил он, запирая дверь.

Она посмотрела на то, что держала в руках:

— Просто еженедельное обозрение газет, — сказала она, поднимая тонкий лист металла. — Мы же, в конце концов, попали в историю Таррон. Я решила оставить сувенир на память. Что-то, что будет напоминать об этом месте.

Она сместила пальцы руки, державшей дайджест, коснувшись гравированной иконки вверху. Металл ненадолго засиял, и на нём возникли колонки текста.

— Смотрите, вот статья того дня, когда мы прибыли.

Доктор медленно прошёл мимо консоли к своему стулу из резного дерева. Опустив на пол свою ношу, он неуверенно сел в него.

— Ну, так неси его сюда, я посмотрю, — велел он, махнув рукой.

Додо подошла и вручила ему лист. Он за несколько секунд осмотрел первую страницу и неодобрительно закричал:

— Боже мой, и куда катится человечество? — ворчал он. — Такие сенсационные заголовки. Никуда не годится, никуда не годится...

ПРЕСТУПЛЕНИЯ СВЯЗАНЫ С ДРЕВНИМ КУЛЬТОМ!

*(Из «Городского Дозора»,
календарь 10, выпуск 11)*

Подумайте о Ротар-Сити на планете Таррон, и вы сразу вспомните о его изысканности, уровне технологий, и просто о цивилизации. Вам бы не пришли бы в голову ассоциации с жестокими ритуальными убийствами. Во всяком случае, так было бы ещё семь дней назад. Но в течение последней недели появились свидетельства откровенного варварства, таившегося под внешней красотой нашего города.

Так называемое возрождение ворассанского культа убийц — возможно, самое тревожное событие в истории Таррона с тех пор, как колонисты много веков назад покинули Землю. Даже дети помнят сказки о мрачных воинах из сумерек истории нашей планеты. Убеждённые в том, что Таррон каким-то образом пострадала от присутствия наших праотцов, группа ретроградов, возглавляемая Ахой Ворассом, решила отомстить за поруганную планету. Некоторые называли это религией, другие называли это космическим безумием, но все

соглашались с тем, что это было хладнокровное убийство.

До прошлой недели нам было просто отмахиваться от столь мрачных моментов в нашей истории. Все цивилизации проходят через фазу варварства, во время которой членовредительство и пытки являются почти нормой, и наша цивилизация в этом не исключение, — говорили жившие в более поздние времена учёные. Критики отвечали, что это говорится лишь для того, чтобы успокоить население и не смущать его тем хаосом, с которого началось наше общество, но учёные, разумеется, были выше любой критики.

Тем не менее, даже такое успокоение выглядело вполне приемлемым вплоть до последней пары недель. Но теперь создаётся впечатление, что ворассаны духовно вернулись в виде серии подражательных убийств, которые настолько ужасны, что наверняка совершены кем-то, у кого серьёзные проблемы с психикой.

Вначале произошло ужасное убийство Джейспекта Пейна, молодого человека, которому жизнь, казалось, многое сулила. Учёный Совет был высокого мнения о его образовании, а его поведение все, кто был с ним знаком, считали примерным. Всеми любимый, даже обожаемый, он погиб от нескольких сильных ударов по голове. Затем была студентка А. Девушка около двадцати лет. Никто о ней больше ничего не знает, и никогда не узнает, если в ближайшее время не объявятся её родственники.

Методы ворассанов весьма гадкие. Пользуясь базовыми методами, основанными на древней земной вере в трепанацию, они верили, что если пробить человеку в черепе дыру, это избавит его от присущего ему «Духа Земли», и он будет принят планетой Таррон. Но это действует лишь тогда, когда «освобождаемый»

чувствует, как его покидают духи — боль должна быть настоящая. Чушь, но они в это верили.

За последние две недели погибло два человека, оба были убиты ритуальными ударами по черепу, у каждого на теле был порез в виде «V», сделанный «острым не идентифицированным предметом», как говорят патологоанатомы. Говорят, что эти порезы — подпись самого Ворасса, которая ставится лишь на тех жертвах, к которым он проявил личный интерес. Его последователи всегда считали, что он вернётся после периода бездействия. И кто-то пытается доказать, что именно это и произошло.

Наши правоохранительные органы пока что не проявили к этому особого интереса. Неужели наше общество стало настолько равнодушным, что мы отрицаем существование серийных убийц? Или мы такие утончённые, что считаем себя выше таких проявлений настоящего насилия? К сожалению, похоже, что так и есть.

Доктор ткнул пальцем в чувствительную к прикосновениям иконку на металлическом листе.

— Где же факты, хм? — резко сказал он. — Слишком много умозрительных заключений, и ни одного серьёзного доказательства!

— Да ладно вам, Доктор, — не согласилась Додо. — Надо же им на жизнь зарабатывать.

— Если не о чем сказать, то и не нужно ничего говорить!
Додо коснулась второй иконки.

— Смотрите, — сказала она, стараясь отвлечь его, — тут есть репортаж о нашем прибытии. Похоже, мы всех повеселили на том празднике. Тут даже ваша фотография есть.

Доктор фыркнул:

— Еда остыла, а вино нагрелось, — сказал он. — Да ещё ко мне пристал этот ужасный человек по имени Джуслан. Он, похоже, был уверен в том, что я какой-то актёр. Только подумай: я — актёр!

Додо сдержала улыбку.

— Что же, похоже, вы ему понравились больше, чем он вам, — сказала она, — потому что именно он и написал этот репортаж!

АКТЁРЫ ПРОИЗВЕЛИ ФУРОР НА ЗАПУСКЕ ГОЛОЗОНДА

*Специальный репортаж
нашего научного корреспондента*

Кронеля Джуслана

(Из «Городского Дозора»,

календарь 10, выпуск 11)

Хотя мне и неприятно это признавать, запуск голозонда оказался самым зрелищным театральным действием из всех, представленных корпорацией «Эзмек» в течение очень долгого времени. Прибор и сам по себе выглядел весьма впечатляюще, но приготовленное представление было ещё лучше. Особенно если учесть, что оно было представлено обычно серьёзной организацией, чей мандат на управление планетой хотя и был получен много веков назад, но чьё чувство юмора, казалось, с тех пор так и не развивалось.

Голозонд — это усовершенствованный хорошо известный голоскоп, в том смысле, что и то, и другое используется для просмотра головидов. Нельзя сказать, что просмотр головидов при помощи голоскопов был чем-то плох, но разрешение, достигаемое голозондом просто поразительно. Оно действительно вызывает у зрителя ощущение, что он является частью изображения, а не просто наблюдатель.

Дар Кэйтин, научный консультант из «Эзмек», объяснил мне принцип работы этого устройства:

— Он считывает все данные, имеющиеся в головиде, и пытается путём их анализа угадать, что ещё могло быть в изображении тогда, когда оно создавалось, — сказал он. — Таким образом, если взять один из головидов с Земли, даже одну из голографических реликвий из древних эпох, какими бы нечёткими они ни были, голозонд будет способен восстановить изображение, используя исторические документы, зашитые в его программное обеспечение.

— В таком случае, — предположил я, — эту методику можно применить для улучшения чёткости самого старого головида, на котором изображён Симвоа, основатель Тарронской цивилизации?

Как известно каждому школьнику, в речи, в которой Симвоа передаёт правление планетой корпорации «Эзмек», звук вполне разборчив, а вот изображение с годами стало едва угадываемым.

Кэйтин улыбнулся моему предложению, но отказался комментировать его:

— А потом вы ещё предложите нам улучшить знаменитое изображение кричащей женщины, которое можно увидеть в драгоценной диадеме принцессы Макстры.

Быть может, чувство юмора у корпорации «Эзмек» всё-таки вырабатывается?

Должен сказать, что увидев голозонд, большая часть нашей редакции согласилась, что результаты, получаемые из даже самых потускневших изображений, просто поразительны. Несмотря на отсутствие интереса у Кэйтина, перспектива воссоздания более точного изображения лица Основателя представляется весьма заманчивой. Казалось бы, это просто напрашивалось в качестве демонстрации во время презентации прибора.

Но, увы, нет. Вместо этого в Эзмек по непонятным причинам решили украсить презентацию появлением двух комических актёров, называемых Доктор и Додо (китч, конечно), что оказалось неожиданно интересно.

Как и все, присутствовавшие на презентации, я ожидал стандартной демонстрации продукта, и вначале всё было именно так. Кэйтин взял в архивах изображение пожилой женщины, и улучшил его настолько, что казалось, что она стоит рядом с ним. Это само по себе было весьма впечатляюще, и мы, как он и рассчитывал, зааплодировали. А потом внезапно раздался скрипящий, завывающий звук, и, словно из ниоткуда, появился головид вертикально стоящего синего ящика с древними надписями и с мигающим наверху фонарём. Эта какофония стихла, её сменило низкое гудение.

Мы все замолчали.

Скажу честно: я пишу о демонстрациях Кэйтином новых продуктов уже больше пяти лет, и никогда не думал, что у него есть актёрские способности. Но ему в считанные секунды удалось сменить моё мнение, изобразив такое ошеломлённое выражение лица, и настолько убедительную несвязную речь, каких мне не доводилось видеть со времён работы театральным обозревателем. Это невероятно, но ему удалось выпучить глаза ещё сильнее, когда из ящика вышли пожилой седовласый мужчина с молодой спутницей, которые, казалось, были искренне удивлены увидеть столько людей.

Аплодисменты, разумеется, просто гремели. Пожилой актёр много фыркал и хмыкал, чем очень веселил публику, а девушка осторожно поинтересовалась, почему здесь столько людей. Они просто прирождённые звёзды.

А затем началось самое весёлое. Пожилой человек представился Доктором, и потребовал знать, кто такой

Кэйтин. Кэйтин гордится тем, что является одним из самых известных и влиятельных членов Правящего Совета, так что, разумеется, в ответ было что-то невразумительное. Зрители быстро включались в представление; некоторые из них стали задавать прибывшим вопросы, после чего девушка, представившаяся как Додо, вызвала гнев Кэйтина тем, что назвала голозонд «приспособлением», причём «довольно забавным».

В кульминации же представления Доктор попытался отобрать у Кэйтина пульт управления голозондом, причём в конце концов ему это удалось, и, осмотрев его, он заявил, что где-то у него в шкафу, «в корабле», валялось что-то похожее.

Кэйтин к этому моменту уже изображал пену изо рта.

— Что вы делаете с моим прибором? — кричал он под бурный смех аудитории.

— Знаете, меня он не очень впечатляет, — ответил Доктор. — Какой-то он... громоздкий. Вы не находите?

В общем, это была лучшая презентация от «Эзбек» за очень долгое время.

Но потом комедианты стали чересчур навязчивыми, на грани приличия. Вместо того чтобы получить расчёт и уйти домой, как поступил бы любой другой артист, Доктор решительно оставался в своей роли. Его актёрское мастерство просто превосходно, но когда я разговаривал с ним во время фуршета, его, похоже, убийства интересовали больше, чем голозонд.

— Мальчик мой, — сказал он мне, — это устройство интересно, весьма интересно, но как оно добывает что-то из прошлого, не побывав там? Это невозможно, понимаете, просто невозможно.

Как участник рекламной акции, он, разумеется, должен был говорить о невозможности этого продукта, тем самым выставляя его в ещё более выгодном свете,

но, пожалуй, он настаивал на невозможности слишком сильно.

Более того, зачем было проявлять больше интереса к убийствам, чем к голозонду?

— Убийства в историческом стиле и машина, которая воссоздаёт образы прошлого. Мне кажется, что это следует расследовать, вы не согласны?

Выбирая себе пирожное, я подумал о том, что он всё меньше и меньше похож на простоватого пожилого актёра, каким казался вначале.

Покидая фуршет, будучи уже уставшим, я подумал о том, что презентация голозонда была гораздо более новаторской, чем я ожидал. Время покажет, можно ли будет сказать то же самое о самом продукте...

— Так значит, вся эта цивилизация прилетела с Земли, — сказала Додо, — и ею управляет корпорация «Эзмек»? Как-то странно это.

— Возможно, — Доктор откинулся на спинку стула, сложив пальцы домиком. — Кто-то должен руководить колонией — а после прибытия первых кораблей это была именно колония. Тарронцы верили, основываясь на этом неразборчивом головиде, что лидер колонистов передал управление колонией корпорации «Эзмек», хотя никто и не знал, кто это были такие и какое отношение они имели к колонистам. Жаль, что меня там тогда не было.

Он снова посмотрел на дайджест новостей:

— Хм, не очень удачная фотография. И этот Джуслан неправильно меня цитирует. Что же, по крайней мере, он раньше всех остальных смог понять важность ритуальных убийств. Всех остальных, кроме меня, разумеется.

— Разумеется, — сказала Додо. Она присела на колени рядом со стулом, чтобы лучше видеть металлический дайджест новостей. — Вообще-то, я и сама не совсем понимаю их значение. События развивались так быстро, что я как-то пропустила объяснение этого. Что было в этих убийствах такого важного?

— Важны были не убийства, деточка, — журил её Доктор. — Я же много раз говорил. Важен был ритуал. Посмотри... — он коснулся иконки, и на листе появилась статья об убийствах, опубликованная через день после их прибытия.

«ВОРАССАНЫ»: НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ- ИСТОРИК РАССКАЗЫВАЕТ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ДРЕВНЕГО КУЛЬТА

*(Из «Городского Дозора»,
календарь 10, выпуск 12)*

Предполагаемое возвращение ворассанов после стольких столетий весьма тревожно, но не вполне ясно, многие ли из тех, кто не связан с изучением истории, правильно поняли чем был на самом деле культ Ворасса. Современная наука полагает, что это были вовсе не безмозглые головорезы, обрисовавшиеся растительной краской, а жертвы вируса, который атаковал их центральную нервную систему и вызывал у них тягу к насилию.

Как гласит легенда, всё началось тогда, когда Аха Ворасс, лидер колонии, ушёл куда-то в глушь на пятнадцать дней. Почему он бросил первых поселенцев — неизвестно, известно лишь, что он бродил где-то в джунглях и две недели спустя вернулся с ветками каких-то деревьев. Каждому школьнику известно, что на Таррон деревья не растут, так что, возможно, это были просто образцы какой-то растительности. Вполне возможно, он

занимался гидропоникой; нет никаких записей, способных подтвердить это или опровергнуть. Как бы там ни было, он вернулся. Именно в это время в наших легендах впервые появляются истории, связанные с диадемой принцессы Макстры, так что, вполне возможно, он принёс и диадему тоже.

По прошествии ещё пятнадцати дней произошло первое убийство. Ворасс соорудил себе первобытный топор, из поливолоконного скафандра сделал себе набедренную повязку, и разрисовал свою кожу какой-то растительной смолой. Он убил Марран, жену тогдашнего лидера Гарвы, но хроники говорят о том, что вместо того, чтобы оплакивать жену, Гарва присоединился к Ворассу. И каждый, кто соприкасался с этой растительной смолой, начинал разделять его веру в то, что землянам на других планетах не место, и убийства продолжались. Ворасс часто пропадал, а затем снова возвращался и рассказывал своим, как он их называл, послушникам, что он видел будущее.

Именно в этом хаосе незаметный ранее Симвоа приходит к власти и полностью передаёт заботу о нашей цивилизации в руки корпорации «Эзмек», обеспечившей нам инфраструктуру. До этого момента Корпорация ни разу в хрониках не упоминалась, тем не менее, мир был восстановлен, и убийства прекратились. Сейчас принято считать, что в той растительной смоле присутствовало некое психотропное вещество, которое превращало здравомыслящих людей в неуравновешенных убийц.

— Жуть! — воскликнула Додо. — И когда этот культ этим занимался?

— Несколько сот лет назад, — сказал Доктор и ненадолго прикрыл глаза. — Да, несколько сот лет назад. А то и больше. Да, вполне возможно, — он, похоже, начал засыпать.

Додо быстро нажала на другую иконку.

— Посмотрите, Доктор! Тут снова про нас!

ОБЗОР НЕДЕЛИ КРОНЕЛЯ ДЖУСЛАНА

*(Из «Городского Дозора»,
календарь 10, выпуск 15)*

Прошла всего неделя с тех пор, как граждане смеялись (а то и высмеивали) с пожилого Доктора и его подруги Додо. Непостижимо, но они не пропали после представления, а начали настойчиво критиковать «Эзмек», которых все считали их работодателями. Всё возрастающая вероятность того, что они не были прописаны в сценарии презентации Корпорацией нового голозонда, поднимает вопрос о том, кто они такие и откуда взялись. Циники могут на это сказать, что не нам, гражданам, рассуждать об этом, раз уж мы позволили «Эзмек» рассуждать за нас.

Ну и, наконец, сам голозонд. Ни для кого не было удивительным то, что Научный Совет решил улучшить самые ценные голографические изображения из тех, которые принадлежат нашей цивилизации. Древнее изображение Основателя, Хэла Симвоа, объявляющего о союзе с «Эмеко», и предоставляющего им право вечно править нами, кажется очевидным материалом для новой технологии. Запрос был подан в Совет Музея всего три дня назад, и все полагали, что разрешение будет выдано без колебаний. Ведь это комитет, который издал указ о консервации томов Гарды, когда те начали разлагаться. Это комитет, который восстановил драгоценную Диадему принцессы Макстры, головной убор, в котором, согласно легендам, иногда можно увидеть лицо кричащей женщины. Наверняка они не упустят возможности отреставрировать при помощи компьютера то, что является нашей самой важной и в то же время самой дряхлой реликвией. Шанс увидеть нашего основателя

таким, каким он был при жизни, а не размытым следом, которым нам приходилось обходиться, превосходил самые смелые мечты макроисториков всей планеты. Возможность увидеть каждый нюанс, каждый нюанс мимики Симвоа, услышать все интонации его речи представляла собой возможность приблизиться к истории, а не наблюдать её с расстояния.

Так почему же Совет отклонил это предложение?

Существует множество объяснений. В прессе, как правило, предпочитают официальную версию. Древняя вера или суеверие говорят, что если вмешаться в содержимое этого изображения, то явятся духи Таррона, которые погубят тех, кто вмешался. То есть, нас.

Но это никуда не годится. Во-первых, с каких это пор Музей ограничивает себя древними верами или суевериями? Само предположение об этом неправдоподобно, от него несёт обманом. Ещё же более подозрительным является то, что никто из наших исследователей, в том числе пишущих об истории, не припоминает о подобном веровании.

А ещё более странным является меморандум от «Эзмок» Совету Музея, который мы видели у нас, в редакции «Дозора». Этот меморандум недвусмысленно велит директору Музея отклонить это предложение. Мы предъявили его представителям «Эзмок», и те начали визжать, что это подделка.

— Вы же видели, во что саботажники превратили нашу презентацию голозонда, — сказали нам они. — Это тоже их происки.

Доктор же, саботажник он или нет, ведёт себя тем временем так, словно у него есть все ответы. В следующем выпуске мы надеемся опубликовать развёрнутое интервью с ним, в котором мы его спросим, почему он считает голозонд столь важным, хотя всего семь дней назад называл его примитивным. Также, по его

словам, он нам расскажет почему нам не стоит верить тому, что «Эзмек» говорят о голозонде, и каким образом он может положить конец нашему обществу. Мелодраматично? Несомненно. Но он, похоже, убеждён в своей правоте.

— Похоже, что этот Кронель Джуслан стал вашим фаном,
— сказала Додо, весело улыбаясь Доктору.

— «Фаном»? И что же такое, позволь узнать, «фан»?

— Это значит, что вы ему нравитесь. С тех пор, как мы тут появились, он пишет о вас в этом «Городском Дозоре» каждый день.

Доктор фыркнул:

— Если бы они поверили мне на слово, и не сомневались во мне, то всё это дело разъяснилось бы гораздо быстрее, хм? Когда уже люди поумнеют? Если бы он больше времени думал о голозонде и о том, почему корпорация «Эзмек» не хотела использовать его для того, чтобы очистить речь основателя, и меньше писал о нас, то, возможно, нам бы удалось избежать той неприятной сцены в здании корпорации «Эзмек»!

Додо вздрогнула:

— Эти роботы были просто жуть! Я боялась, что они нас серьёзно покалечат. А когда откуда ни возьмись появился этот ворассан!..

Доктор похлопал её по плечу:

— Я тебя понимаю, дорогуша, но я уже встречался с корпорацией «Эзмек», правда, под другой личиной. Нам нужно было пробраться в их штаб-квартиру. У нас не было выбора, но не переживай, всё уже в прошлом, — он посмотрел на дайджест новостей. — Интересно, а что они об этом написали? Наверняка враки какие-нибудь.

Додо увидела, что его рука, несмотря на все возмущения, потянулась к иконке с заголовками следующего дня.

ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ! ПОХИЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В КОРПОРАЦИИ «ЭЗМЕК»

*(Из ленты новостей «Дозора»,
календарь 10, выпуск 16)*

Только что поступили новости об ужасной попытке похищения людей в здании корпорации «Эзмек». Некто, известный как Доктор, подал блюстителям порядка официальную жалобу на то, что его спутницу, Додо Чэплет, пытались похитить.

Загадочность событий усугублялась тем, что этот пожилой человек не смог объяснить каким образом он оказался в корпорации «Эзмек». Пропуска у него не было.

Раздражительный Доктор сообщил нашему корреспонденту следующее:

— Это было страшно, очень страшно, мальчик мой. Мы с девушкой Додо хотели поговорить с представителями «Эзмек», понимаете? Вот мы и пошли туда, исключительно с этой целью.

Разумеется, любому гражданину Ротар-Сити известно, что встречи с представителями «Эзмек» могут быть только по предварительной договорённости.

— Мы не граждане Ротар-Сити, — ответил нам на это Доктор.

Вначале это утверждение показалось просто смешным, но, тем не менее, блюстители порядка нашего города оказались неспособны ничего узнать об этой парочке. Такого рода утечка данных должна вызвать сомнения в адекватности мер безопасности Ротар-Сити,

и вскоре после случившегося шеф охраны правопорядка объявил о публичной проверке.

Надёжный источник, близкий к агентствам охраны правопорядка, сообщил, что Доктор заявил офицеру Рэйджилу следующее:

— Мы менее часа назад зашли в главное здание.

Рэйджил:

— Которое на тот момент было закрыто. Как вы это объясните?

Доктор:

— Не отвлекайтесь на ерунду, молодой человек. Мы зашли в приёмную, и там нас встретила одна из их адских вычислительных машин. Это гадкая штука сказала нам, что нам в посещении отказано.

Что было дальше, нам не вполне ясно. Показания Доктора стали непонятными, он посмеялся про себя и сказал что-то вроде «сбил с толку бедного металлического друга». Что бы там ни было, по-видимому, логические цепи робота в приёмной дали сбой, и Доктор со своей спутницей прошли на территорию исследований и разработки.

Это можно было бы квалифицировать как просто «незаконное проникновение лиц, личность которых не установлена», если бы не утверждения Доктора о том, что они там увидели.

— Технологии, мальчик мой, технологии, — с блеском в глазах рассказывает он. — Но ничего, связанного с головидами, понимаете? Нет, это были темпоральные технологии, предназначенные для транспортировки чего-нибудь из прошлого.

«Дозор» не склонен к паникёрству, и нашей первой реакцией было, естественно, проигнорировать эти заявления Доктора. Но в последнее время действия корпорации «Эзмек» несколько странны. А тут ещё и его

заявления о похищении его спутницы, которые она подтверждает.

— Это было ужасно, — говорит она. — Эти металлические парни пришли узнать, что происходит.

Под «металлическими парнями» она подразумевает роботов автоматической охраны, вполне стандартных, но её они почему-то удивляют.

— Один из них попытался меня схватить, поэтому я ему врезала. Но это ничего не дало, только звон раздался.

Дальше снова рассказывает Доктор:

— Да-да, они попытались куда-то утащить бедняжку, вы представляете? Но затем их металлические мозги нашли себе гораздо более мрачный предмет для размышлений, чем мы.

В этот момент, по заявлению Доктора, перед ними возник ворассан.

На бумаге это выглядит глупо, но в голосе этого вздорного человека чувствовалась искренность. Он верит в то, что говорит.

— Материализовался прямо перед нами, весь покрашенный растительной краской, и с самодельным оружием!

В этом есть какая-то тайна.

Темпоральное оборудование, какие-то недомолвки о головидах... Не нравится мне это. Совсем не нравится.

Это звучит просто смешно. Тем не менее, синяк на лице Чэплет, оставшийся, по её словам, от удара ворассана, вполне настоящий.

А если первая часть их рассказа правдива, то, возможно, правдиво и всё остальное. Доктор сумел воспользоваться найденным им оборудованием, чтобы отправить убийцу в надлежащую эпоху. Роботы отступили, не способные обработать так много новых

данных, противоречивших запрограммированному в них представлению о мире.

Но почему с этим рассказом они обратились в прессу? Не лучше ли было бы обратиться к блюстителям порядка? После этого вопроса Доктор внезапно становится очень серьёзным.

— Мы пришли к вам, потому что вы — единственные, кто интересуется правдой, а ваш народ нужно предупредить. А блюстители порядка, мой дорогой, блюдут то, что им велит корпорация «Эзмек». Они не заинтересованы в том, чтобы расследовать своих работодателей. И поэтому я боюсь, что ваш мир, вся ваша цивилизация, может в ближайшее время оказаться под угрозой вымирания.

Примечание редактора. В виду событий, изложенных выше, вместо запланированного на следующую неделю интервью с Доктором будет представлен детальный анализ его роли в последних событиях. Мы рады сообщить, что сам Доктор пообещал своё содействие в этом вопросе.

Доктор грустно покачал головой.

— Зашоренные умы, дорогая, зашоренные умы. Они слушали лишь то, хотели услышать.

— Да ладно вам, Доктор, — воскликнула Додо, — нельзя их в этом винить. Вы же сказали им о том, что на нас напали люди из их прошлого.

Доктор надменно посмотрел на неё:

— Но ведь именно это и произошло. На нас напали люди из их прошлого, эти самые ворассаны, о которых они писали. Это же всё абсолютно очевидно. Оборудование в здании корпорации «Эзмек» предназначено для путешествий во

времени. Этих ворассанов перенесли сюда из прошлого, чтобы они тут вызвали бог знает какой беспорядок.

— Да, но как можно было ожидать, что тарронцы поверят вам на слово? Им нужны были доказательства.

— Они обращались со мной, как с идиотом, — он взялся за лацканы пиджака. — Как со страдающим старческим слабоумием.

— Они восприняли вас достаточно серьёзно, чтобы взять у вас интервью, — напомнила ему Додо.

Она указала на дайджест новостей:

— Смотрите.

ИНТЕРВЬЮ «ГОРОДСКОГО ДОЗОРА»:

ДЕНЬ С ДОКТОРОМ

*(Из «Городского Дозора»,
календарь 10, выпуск 21.)*

Вот уже две недели прошло с тех пор, как в нашей жизни появился Доктор, которого вначале приняли за артиста, но который с тех пор проявил себя как некто гораздо более важный. «Городской Дозор» отправился к нему на встречу, но, как обнаружил наш штатный корреспондент Кракар Лунд, он не хотел, чтобы его беспокоили в его убежище...

Оба солнца были уже высоко, когда прибыл опоздавший интервьюируемый. Время для него не очень существенно, — сердито объясняет он. Ему явно не приходилось иметь дело с конечными сроками выполнения работы, — замечая я.

— Ещё как приходится, — отвечает он, — и с гораздо более конечными, чем те, с которыми вы имели возможность когда-либо сталкиваться. Просто я научился обходить их.

Остроумный ответ. Доктор — странный человек. Он не хочет давать это интервью, о нет. Это бы было стремлением к знаменитости. Он выше всего этого, и хочет, чтобы все об этом знали. Но мы, по его словам, единственные, кто его слушает, и сообщает массам о его активности. Что же, спасибо. Оказывается, мы — единственные, к кому прислушивается население, и кто обладает достаточным влиянием, чтобы убедить всех в серьёзности сложившейся ситуации.

Ведь он собирается сделать открытие, этот Доктор. Он сообщит мне о нём во второй половине дня, когда будет уверен. Но мы ему понадобятся, обязательно.

Я начинаю с простых вопросов. Кто он? Откуда он?

— Это абсолютно неинтересно, друг мой, — наставляет меня он.

И слушая его, чувствуешь, что он не шутит. Он одет так, как одевались на древней Земле, возможно, в европейском секторе, первом сегменте времени, если мои преподаватели истории знали, что говорили. Но с причёской он ошибся, если верить архивам. Волосы должны были бы быть подстрижены коротко, а они длинные и седые.

Он снова заговорил:

— На самом-то деле вам важнее узнать о настоящей угрозе вашей цивилизации, хм?

Он много хмыкает, этот Доктор. Итак, есть глобальная угроза. Вдыхая, я откидываюсь на спинку кресла и надпиваю стимулятор. Ещё один глашатай всемирных угроз. Я даже разочаровался. Я уже столько раз это слышал. Так, значит, нас вот-вот поработят в ужасной битве, в такой, какой мы раньше не видели, и цивилизация в том виде, в каком мы её знаем, прекратит своё существование? Мой интерес пошатнулся.

— Нет, вот в этом-то вся и хитрость! Вас уже поработили, с самого начала! С самого вашего «поехали», можно сказать.

Он смеётся. Он говорит, что всё, во что я всегда верил и чем дорожил, основано на лжи, а затем смеётся. В чём-чём, а в дерзости ему не откажешь.

В разговор вступает его спутница по имени Додо Чэплет. Невысокая, молодая, короткие тёмные волосы. Открытое лицо, возрастом где-то от девяти до девяноста. Одно из тех лиц, по которым возраст не определишь. По крайней мере, у неё есть имя, а не только титул. Доктор в этот момент почти всё время молчит, и я не могу сказать, что жалею об этом.

Он всегда такой?

— О, Док расскажет вам всё, о чём ему есть что сказать, как только будет готов. Я уже к этому привыкла, — говорит она.

Может быть, он ей уже рассказал о том, что, по его мнению, происходит?

— Нет, ни слова, — смеётся она.

Поворчав немного насчёт того, что его называли «Док», он тоже смеётся.

Для тех, кто предсказывает конец света, они очень много смеются. Я начинаю подозревать, что на самом деле ему нечего мне сказать.

Чэплет рассказывает о своём прошлом с гораздо большей готовностью, чем Доктор, но послушав её, понимаешь, что всё это полная чушь.

— Я с Земли, — сообщает она.

Ага, с Земли. С той, которая несколько столетий назад погибла в солнечных вспышках.

— Да, мы видели это. Жуткое зрелище.

Это случилось тысячу лет назад, а она, значит, видела это.

— Мы и на Рефьюзисе были. Но я, наверное, когда-нибудь отправлюсь домой, когда Док сможет это устроить.

Как бы глупо это всё ни звучало, она наделена исключительным обаянием, которое заставляет верить ей. Когда излагаешь это на бумаге, становится всё понятно, что было верным изначальное предположение о том, что они в лучшем случае актёры, а то и лунатики, но каким-то образом ей удаётся быть очень убедительной. По крайней мере, она сама верит в сказанное. Но, что это говорит нам о её стабильности — вопрос остаётся открытым.

Доктор прокашлялся. Он хочет говорить, и хочет, чтобы я внимательно всё записывал, чтобы нигде не ошибся. Да, сэр, заранее извиняюсь за то, что, как и любой корреспондент, всё пишу неправильно. Он продолжает. Он явно не осознаёт, что другие люди могут считать его поведение оскорбительным. Я спрашиваю у Додо, думает ли он хоть иногда о других, и она отвечает, что он только об этом и думает, просто не так, как мы этого ожидаем. Мне аж захотелось извиниться за то, что я простой смертный.

— А теперь слушайте меня, молодой человек. Мне кажется, что я с этими «Эзмек» уже имел дело раньше, хотя тогда они назывались иначе.

Ну, разумеется. Все теории о заговоре основаны на обмане.

— Вы говорите, что у них есть мандат на вечное правление, полученный много лет назад от вашего основателя?

Ладно, я сыграю в эту игру.

— Верно, дедуля, — говорю я.

Похоже, его задело то, что его называли «дедулей».

— В таком случае, скажите мне следующее. Вы никогда не задумывались, с чего бы это основатель

колонии на планете стал передавать такие права от имени всех будущих поколений, права, которые и ему самому не принадлежали?

Разумеется. Мы все этим интересовались и так и не узнали ответ. Люди тех времён были примитивны и были склонны к таким жестам, вот и всё. Нам повезло. Всё сложилось хорошо. И до сих пор всё хорошо.

— Вот в том-то и дело, друг мой. Люди того времени не были примитивны. Они очень хорошо понимали, что они делают, они были умны. Они освоили межзвёздные путешествия, пережили вторжения инопланетных захватчиков, победили эпидемии. Они жили в окружении полностью компьютеризированной техники, у них было сложное общество... Они не были группой пещерных людей с каменными топорами!

Он откидывается на спинку, явно полагая, что сказал что-то очень важное. Если и так, то я это не понял, и Додо, судя по её лицу, тоже.

— «Эзмек», дитя моё, — говорит он ей так, словно учит ребёнка читать, — не получали никакого мандата. Они сами взяли его, а то и хуже.

Тут уж я не выдержал и начал возмущаться. Корпорация «Эзмек» руководит этой планетой практически с самого её заселения. Никто им до сих пор не задавал вопросы, и всё у нас было хорошо.

— И самим ни о чём думать не приходилось, хм? — старик внезапно стал очень суровым, и я уже не чувствую себя таким расслабленным, как час назад.

Разумеется, мы думаем и сами. И мы думаем, что всё идёт довольно неплохо, спасибо, мы хотели бы, что бы всё было и дальше так же. Он, смеясь, отмахивается от моих слов, хотя, будучи жителем города, он и сам должен был пользоваться щедростью корпорации «Эзмек» так же, как и все остальные.

— Идёт довольно неплохо, говорите? Так, значит, обстоят дела? — он смеётся, а затем его смех резко умолкает. — Вы, наверное, хотели сказать «ШЛО всё довольно неплохо», пока убийства не начались. Шло всё довольно неплохо, пока не начали появляться эти ворассаны, убийцы из вашего прошлого.

Я не знаю, что сказать. Выходит, он намекает на то, что убийства, случившиеся недавно в нашем городе, как-то связаны с тем, что лежало в основе этого города. Он не первый такой. Но у него это получается чертовски здорово.

— «Эзмек», как они себя здесь называют, такие же колонисты, как и вы, — начал рассказывать он.

Но мы не колонисты, — говорю ему я.

— Я имею в виду ваших предков с Земли. Боже мой, мне что, каждое слово растолковывать? — он искренне раздражён. — Они перехватывают контроль над обществом, мне уже доводилось встречать их. Они проникают в некий коллектив и делают так, чтобы их попросили руководить, понимаете?

Не совсем, но я прошу его продолжать.

— И очень скоро все всё делают по-эзмекски: думают, ведут себя, больше нет личностей, а лишь солидарный сгусток людей, следующих одним и тем же правилам, и без вопросов делающий то, что им сказали. И именно это с вами и произошло. И я могу это доказать.

В этот момент мне стало беспокойно. Что он может доказать? Додо сочувственно улыбается мне. Доктор хочет, чтобы я пошёл вместе с ним. Он обещает, что это будет безопасно. Я соглашаюсь.

— Этот Кракар Лунд такой вредный, — сказал Доктор.

— Ну, не знаю, — тихо сказала Додо. — Мне он понравился.

Доктор продолжал, как будто не слышал её:

— Самодовольный, заносчивый, язвительный...

Додо улыбнулась:

— И кого же он мне этим напоминает?

Доктор секунду посмотрел на неё, а затем вернулся к интервью.

Говорят, что преступник всегда возвращается на место преступления. Может быть, именно поэтому Доктор настаивает на возвращении туда, где он, по его словам, впервые ступил на эту планету. В Выставочный Центр.

Безлюдный Выставочный Центр выглядит довольно мрачно. Даже почти что страшно. Построенный для того, чтобы вмещать в себя множество суесящихся людей, он словно теряет свою душу, когда в нём никого нет. Доктор же, похоже, не ощущает того, что за ним следят тени, что эхо словно поддерживает разговор, а не просто повторяет сказанное. Понемногу привыкая к темноте, я начинаю что-то различать: высокие потолки, опустевшие и запылившиеся выставочные стенды. То, что совсем недавно казалось таким ярким и блестящим, внезапно стало казаться ветхим, и мне это не нравится. Я спрашиваю нельзя ли включить свет. Доктор отвечает, что электропитание, скорее всего, отключено. Он, наверное, прав.

Затем мы пришли к его синей будке. По его словам, он не хочет мне её показывать, но это единственный способ сделать так, чтобы я ему поверил. Я смотрю на эту будку, и всё равно ничего не понимаю. Она выглядит несколько изношенной, спереди на ней какие-то древние земные надписи. На вид она примитивна, не связана ни с какими технологиями. Когда я говорю им об этом, Доктор и Додо переглядываются и Доктор хихикает. Я не понимаю, что происходит.

Он заходит в будку, и она заходит за ним. Тесно там, наверное. Я задумываюсь над тем, что они там делают, и тут он выходит с каким-то ужасно сложным на вид прибором. В нём много каких-то колёс и мигающих огоньков. Он говорит мне, что это голозонд, но я возражаю, что он для этого слишком маленький.

— Ну, назовём его тогда чем-то, что такое же, как голозонд, только меньше, хм? — он игриво тычет меня в плечо, и я чувствую себя ребёнком в песочнице.

Он и Додо переглядываются, и у меня возникает чувство, что всё это время они меня разыгрывали. Он начинает настраивать то, что назвал голозондом, подключать к нему провода, переключать рычажки. В отличие от нашего голозонда, в его аппарате нет ничего, управляемого касанием.

— Чем сложнее система, тем чаще она ломается, мальчик мой, — говорит он. — Прибор должен быть научным инструментом, а не предметом искусства.

Наблюдая за ним, я опираюсь на будку. Я замечаю, что она гудит и немного дрожит. Меня это почему-то не удивляет.

Закончив, он отправляет Додо в будку (которую называет кораблём) с просьбой включить питание. Потирая руки, он негромко смеётся. Похоже, он уже забыл о важности происходящего, хотя именно он настаивал на том, что это всё очень серьёзно. Из кармана своего сюртука он вынимает диск. Диск кажется мне знакомым.

Это голографическая видеозапись речи нашего Основателя. Та самая, которую Совет Музея отказался улучшать, та, которая подтверждает права корпорации «Эзмек» на управление нашей планетой по своему усмотрению. Я спрашиваю его о том, как она к нему попала, а он бормочет в ответ что-то о том, что очень много глупых вопросов, так мало времени, у него есть

связи, журналисты не раскрывают свои источники, и он не станет. Так хочу я увидеть этот головид, или нет? Хочу.

Он начинается. Изображение чёткое, но на нём не Основатель. Это изображение привлекательной женщины среднего возраста или немного моложе, с волнистыми волосами. Она наклоняется к нам, словно включая монитор. На ней, похоже, ночная рубашка. Я спрашиваю у Доктора, что это такое.

— Похоже, они использовали в качестве основы настоящую старую голограмму, — отвечает он. — Это решает проблему проверки возраста этой записи, согласны? Искажения подразумевают, что мощность сигнала была слабая. Быть может, они перехватили широко-направленную трансляцию, хм? Иронично, хм? Такая старая голограмма в любой другой части Вселенной была бы гораздо более ценной в качестве предмета старины. Им повезло, что они её нашли.

Об этой женщине я от него больше ничего не узнал.

А затем появился Основатель, и у меня сердце ёкнуло. Нам всегда говорили, что оригинальная запись находится в плохом состоянии. Столетия не были к ней милостивы, — говорили нам, — она поизносилась. И именно поэтому её видели исключительно как зернистое, поцарапанное изображение, продемонстрированное ошеломлённым учёным, пожелавшим приблизиться к прошлому. И вот я вижу её такой, какой её увидели бы люди тогда, когда она была новой, гляжу впервые на нашего так называемого Основателя.

Я говорю «так называемого», потому что фигура, произносящая громкие речи о том, что мы всем обязаны «Эзмек», не настоящий человек. Это анимация, рисунок на фоне говорящей что-то женщины и комнаты позади неё — возможно, это древний головид, который изготовитель подделки нашёл и использовал для того,

чтобы придать своему изображению дополнительную глубину. Да и подделка-то, в общем, не бог весть какая хорошая. Чтобы кого-то этим обмануть, нужно было сделать ужасного качества копии, но ведь, в конце концов, ужасные копии — это всё, что нам до сих пор доводилось видеть, а Совет Музея отказал нам в возможности увидеть оригинал.

Я думал, что Доктор снова начнёт хихикать, но ошибся.

— Я очень сожалею, молодой человек, — сказал он. — Я бы предпочёл избавить вас от этого, но мне нужно было вас как-то убедить, понимаете?

Додо взяла меня за руку. Видимо, чтобы меня утешить.

Всё, во что мы верили. Всё, что мы делали, все указания, которые мы доверчиво исполнили. Всё это было по приказу людей, которые перехватили власть над планетой при помощи фальшивки, которую мог бы опознать даже ребёнок.

Меня ничто не могло утешить.

— Но...

— Но зачем? — перебивает Доктор Додо. — Очень хороший вопрос, дитя моё. Как и в случае любого другого заговора, поначалу это, наверное, казалось хорошей идеей. Много поколений назад корпорация «Эзмек» понимала, что если они подделают головид целиком, то подделку разоблачат очень быстро. У них просто не было технологий, позволяющих сделать это убедительно, понимаешь?

Додо нахмурилась:

— Поэтому вместо этого они используют имеющуюся голограмму как основу, делают изображение более

расплывчатым, чтобы никто не мог ничего разобрать, а поверх него вставляют своё изображение основателя.

Доктор просиял:

— Именно! Если бы кто-нибудь попытался провести экспертизу этого головида, то обнаружил бы, что это голографическая запись несомненно древнего происхождения, основанная на земной технологии того периода. А то, что Основатель — этот Хэл Симвоа — и его речь о передаче контроля над Тарроном корпорации «Эзмек» были добавлены позже, никто бы и не заметил!

— А где они взяли этот древний голографический сигнал?
— спросила Додо.

Доктор театрально пожал плечами:

— Деточка моя, откуда мне знать? Быть может, он был привезен сюда с Земли. Или, что более вероятно, он был случайно перехвачен как раз тогда, когда они придумывали свой план. Та женщина выглядела как человек; возможно, это было сообщение, отправленное в глубины космоса, и случайно либо намеренно перехваченное корпорацией «Эзмек».

Додо вздохнула:

— Интересно, что это была за женщина. Она выглядела обеспокоенной чем-то.

— Это не важно, — твёрдо сказал Доктор. — Важно не то, что там было, а что туда добавили.

— И то, — согласилась Додо, — что с ним потом сделали.

ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ! ВЛАСТЬ «ЭЗМЕК» ПОШАТНУЛАСЬ.

*(Из ленты новостей «Дозора»,
календарь 10, выпуск 25)*

После того, как содержание приведенного выше интервью просочилось в новостные сети, шокированный этим Совет Директоров спешно скрылся. В Ротар-Сити произошли одни из самых жестоких случаев гражданского неповиновения ещё со времён прежних ворассанов, и мы постоянно получаем сведения о том, что бунты сосредоточены возле здания Корпорации. Говорят, что некоторые из директоров уже покинули планету, и возможно, что навсегда. После уточнения фактов мы опубликуем более подробный репортаж.

— И скатертью им дорога! — крикнул Доктор.

— Тсс! — сказала Додо. — Я же читаю.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ: ЧЕГО МЫ ДОБИЛИСЬ?

*(Из «Городского Дозора»,
календарь 10, выпуск 29)*

Последние семь дней оказались самыми богатыми на события во всей истории нашей планеты. Если слово «история» всё ещё имеет хоть какой-то смысл. С чего же начать?

После опубликованных в «Городском Дозоре» откровений всему населению стало ясно, что структура нашего общества была основана на лжи. Корпорация Эзмек оказалась не великодушной силой, происходившей с Земли и мигрировавшей на Таррон, как считалось ранее, а группой гуманоидов, которые известны перехватом власти на разных планетах.

Они не производили впечатление злых. В отличие от многих рас, с которыми человечество сталкивалось на протяжении столетий, они были как минимум услужливыми, и не проявляли недоброжелательности. Они управляли нами довольно эффективно, хотя и

несколько скучно, и в целом мы жили неплохо. Беспорядки начались лишь тогда, когда появился голозонд. Сам по себе он казался вполне безобидным устройством. И протесты Доктора относительно того, что он не способен добавить в запись то, чего там изначально не было, звучали как истерика человека, чьи умственные способности оставляли желать лучшего. Никто не связывал ворассанские убийства с голозондом; связи между ними никто не видел. Но, как мы все узнали по ужасной цене, заплаченной жителями Ротар-Сити — в частности, двумя несчастными жертвами и их семьями — одно действительно было причиной другого.

Так называемый «голозонд» на самом деле действовал как временной черпак, который переносил в настоящее наших самых ужасных убийц прошлого. Мы рассуждали о том, как были убиты жертвы, что на них был вырезан знак самого первого ворассана — Ахи Ворасса. Мы все говорили, что это сделал кто-то с больной головой, и это действительно был больной человек, но кто мог подумать, что это был сам Ворасс? Ворасс, как говорят учебники истории, время от времени исчезал, а затем возвращался, утверждая, что видел будущее. Раньше это воспринималось как подтверждение его безумия. Теперь же мы знаем, что это были, возможно, его единственные разумные слова.

Здание корпорации «Эзмек» сейчас стало заброшенными развалинами. Трех членов Исполнительного Комитета на этой неделе судили в соответствии с чрезвычайным законодательством, предоставленным Учёным Советом — единственной организацией, оставшейся у нас в отсутствие «Эзмек». Дар Кэйтин, научный консультант, остался в качестве полномочного лица, чтобы попытаться оправдать действия компании. Вот расшифровка его показаний.

«Мы, «Эзмек», как вы нас называете, также известные как Кефрас, и под множеством других имён по всей Вселенной, управляли вашей планетой с тех самых пор, как на ней обосновались ваши предки. У нас это было две причины. Во-первых, мы считали, что вам так будет лучше. Тогда среди обитателей Таррон начался психоз, приведший к возникновению так называемых ворассанов, называемых так по имени первого человека, подвергшегося влиянию этого явления. Оно было вызвано воздействием слабой радиации ядра планеты, которое активировалось контактом с определёнными химическими компонентами, и легко лечилось. Нашим первым действием было предоставить всем оставшимся людям иммунитет к этому эффекту.

Служить другим — в природе нашего народа, и мы делаем это, предоставляя народу всё, необходимое для выживания. По прибытии сюда мы увидели, что хотя ваш народ и прибыл на Таррон как уже сложившийся коллектив, администрация, законодательство, и другие жизненно важные компоненты отсутствовали. Известные нам истории других планет говорят о том, что такое отсутствие инфраструктуры может привести лишь к тому, что народы возвращаются к хаосу. Поэтому мы прибегли к стандартной уловке, чтобы занять руководящие должности, которые, по нашему мнению, на протяжении столетий мы использовали ответственно и на благо большинства.

Недавно, примерно в течение последних ста лет, нам стало очевидно, что ваши технологии быстро развиваются и очень скоро вы разработаете собственные эквиваленты того устройства, которое мы решили называть голозондом. Это разоблачило бы наш изначальный обман и, в свою очередь, подорвало бы наше положение на этой планете. Несмотря на то,

что мы действуем не по эгоистичным причинам, мы считали, что это приведёт к высокой безработице, общественным беспорядкам, и подорвёт уверенность ваших людей в завтрашнем дне.

Поэтому мы с тяжёлым сердцем приняли решение отбраковать ваших самых перспективных студентов с целью предотвратить тот вред, который они, несомненно, нанесли бы, если бы разработали такое устройство. Также мы приказали Совету Музея в Ротар-Сити не проводить дополнительное исследование голографического изображения вашего «Основателя».

Мы искренне сожалеем о смерти двух молодых людей и о попытке устранения Доктора и его спутницы, которые представляли собой угрозу раскрытия правды. Как показала история, именно это они в конечном итоге и сделали. Однако мы, как всегда, действовали на благо большинства. Наши расчёты говорят о том, что история докажет нашу правоту».

На этом их заявление заканчивается. Доктор и его спутница, Додо, тоже исчезли. Многие люди высказали недовольство этим и некоторыми его заявлениями перед исчезновением.

Тем временем «Эзмек» были полностью изгнаны с планеты. Многие требовали их публичной казни, но, если честно, у нашей цивилизации кишка для этого тонка. Вместо этого их прогнали, и было принято решение уничтожить головид с Основателем и несколько других подозрительных артефактов. Главным из них был головной убор, известный нам как Драгоценная Диадема принцессы Макстры. «Эзмек» сказали, что этот предмет принадлежал вымершей цивилизации, жившей до нас на Таррон; Учёный Совет решил, что от неё, от головида, и от томов Гарда необходимо избавиться. С просьбой о выполнении этой задачи обратились к Доктору, как к

обладающему более продвинутыми технологиями, чем наши.

И с этого начались дебаты. Доктор не хотел принимать никакого участия в уничтожении предметов нашей культуры, несмотря на того, что они были фальшивками.

— Это ваше прошлое. Нельзя же отрицать своё прошлое, куда это нас заведёт, хм? — спросил он.

В ответ ему было очень чётко сказано, что эти предметы не были частью нашего прошлого, они были частью фикции, состряпанной теми, кто хотел повелевать нами. Затем была многочасовая дискуссия. Доктор настаивал на том, что нам нужно оставить для будущих поколений хоть что-нибудь, независимо от того, какую роль оно сыграло в обмане. Учёный Совет не соглашался. Поскольку решения принимались Учёным Советом, их слово и было последним. Доктор неохотно согласился увезти эти артефакты и где-нибудь выбросить их. После чего он ушёл, и больше никто не видел ни его самого, ни его спутницу.

Доктор грустно посмотрел на предметы у его ног — предметы, которые он принёс в ТАРДИС. Один из них был сверкающей драгоценностями диадемой. Другой представлял собой стопку книг — тома Гарды. Последний был небольшим носителем данных — фальшивый головид с Основателем Хэлом Симвоа и его ложью.

— И что вы с ними сделаете? — спросила Додо.

— Подчинюсь желаниям тарронцев, — печально сказал Доктор, — как бы мне это ни было неприятно. После старта ТАРДИС я выброшу их в Вихрь, чтобы их уничтожили ветра времени.

Додо похлопала его по руке.

— По вашему голосу не скажешь, что вам этого хочется, — мягко сказала она.

Он медленно покачал головой.

— История — всегда ложь, — сказал он. — Последующие поколения приукрашивают факты и искажают истину. Ничто не было так, как это запомнили. История тарронцев была более лживой, чем обычно, но лучше основывать цивилизацию на лжи, чем ни на чём, — он вздохнул и тяжело поднялся с кресла. — Боюсь, дитя моё, что на Тарроне от меня было больше вреда, чем пользы.

Доктор медленно пошёл к консоли. Додо снова посмотрела на дайджест новостей, на последние строки этой статьи.

Ниже мы приводим официальные данные. Бунты, в большинстве своём, подавлены. Как только бунтовщики увидели, что штаб их врага разгромлен, их жажда разрушения ослабла. Но Учёный Совет ещё далёк от полного восстановления порядка. Экономике был нанесен удар, от которого она, по словам экспертов, вряд ли сможет быстро восстановиться; по словам тех экспертов, которые у нас остались.

Такое ощущение, что корпорация «Эзмек» была права. У нас нет инфраструктуры для поддержания жизнеспособного общества. Наша цивилизация на грани развала. Началось всё с нашего возмущения двумя убийствами, и нет никакого сомнения в том, что они были ужасны; однако с тех пор, как «Эзмек» нас оставила, произошло ещё пять убийств.

Мы впервые столкнулись с ростом уровня безработицы. Появились преступность и насилие. Мы получили унижение от осознания того, что всё, что мы раньше делали, всё, во что верили, образ нашей жизни, всё было основано на жалком обмане, устроенном расой,

относившейся к нам как к идиотам, хотя и не имевшей на то оснований. Прежде, чем покинуть нас, Доктор сказал, что будет непросто; что нам придётся совершить собственные ошибки и набить собственные шишки, но при этом осознавая, что в этот раз всё будет по-настоящему. И затем он исчез. Поставил нас в это положение и потерял к нам интерес.

Что же, «Городской Дозор», несомненно, согласен с тем, что «всё по-настоящему». И мы хотели бы поблагодарить этого странного Доктора, чьё настоящее имя так и не узнали.

Но, если честно, мы не знаем, за что нам его благодарить.

СЧЕТА ПРОШЛОГО

Джеки Маршалл

— Вот и он. Замок Трентиллис.

Нисса рукой прикрыла глаза от солнечного света. Затем посмотрела вверх, туда, где над лесистым склоном нависали стены из красного камня, словно скалистый нос корабля, замершего посреди моря зелёной листвы.

— Большой, — осторожно сказала она, не зная, какая реакция уместна в таком случае.

— О да, — восторгался Доктор, обмахивая себя шляпой. — Самая старая его часть была построена из местного красного песчаника примерно в 1300 году Роджером Мортимером, одним из полководцев Эдуарда Первого. Во времена Елизаветы имение было продано купцу-авантюристу Томасу Госторпу, и с тех пор им владеет семья Госторпов.

Нисса прилежно кивнула, хотя и не понимала точного смысла некоторых слов Доктора. Она уже начинала жалеть, что обмолвилась о том, что очень мало знала об истории родной планеты Тиган; её невинное замечание, похоже, вызвало у Доктора желание заняться её образованием. Это, правда, не объясняло, почему они были на окраине Уэльса, в нескольких тысячах километрах от Брисбена, родного города Тиган; впрочем, вспоминая что именно Тиган говорила о своём городе, возможно, Доктор сжалился над ней, не повезя её туда.

— Я познакомился с Дэвидом Госторпом, владельцем замка, несколько лет назад, — оживлённо рассказывал Доктор, когда они шли по извивающейся, посыпанной гравием дорожке, вдоль которой через равные интервалы стояли указатели с надписью «Замок Трентиллис». — Приятный

молодой человек, но немного неуверенный в себе. Я дал ему пару советов. Интересно было бы узнать, как у него всё сложилось.

— Так вот зачем мы на самом деле сюда прибыли, — сделала вывод Нисса.

Она незаметно потёрла пятку, думая о том, что идея сменить тракенскую одежду на земную, взятую из гардероба ТАРДИС, была не такая уж и хорошая. У неё было сильное подозрение, что на пятке начал образовываться огромный волдырь.

— Ну, я подумал, что можно заглянуть к нему в гости, — Доктор улыбнулся ей той самой улыбкой, которая часто раскрывала перед ним двери в такие места, в которые обычно никого не пускают. — Если ты, конечно же, не против. Кто знает, может быть, он даже предложит нам перекусить вместе с ним.

— Чай с пирогом? — с надеждой спросила Нисса.

Доктор широко улыбнулся:

— О да, чай с пирогом. Разумеется.

Находясь в своей маленькой душной будке, Билл Хигнет убил донимавшую его осу и снова сел на стул. В такую жару он бы предпочёл сидеть не в будке, но узкая дорожка с живой изгородью по обеим сторонам не позволяла разместить стул снаружи.

Здесь, на вершине, заканчивался крутой подъём к замку от автостоянки в деревне, и дальше дорога раздваивалась. С одной стороны узкие ворота замка, зажатые между двумя круглыми башнями, вели в прямоугольный двор, засеянный травой, а в другую сторону шла дорожка к будке Билла и садам замка

Трентиллис, где террасы постепенно сменялись ландшафтным парком с озером.

С верхней точки Биллу хорошо было видно вход в замок, и сейчас он внимательно туда смотрел, надеясь, что Салли Томас не забудет своё обещание. Она работала в ресторане и согласилась принести ему чаю; впрочем, стаканчик пива его бы сейчас обрадовал гораздо больше.

Салли не было видно, и Билл, вздохнув, повернул голову в сторону поднимавшейся со стороны деревни и автостоянки дорожки, по которой поднималась блондинка. Пока она шла мимо входа в парк, у него было достаточно времени, чтобы полюбоваться её длинными загорелыми ногами и водопадом длинных шелковистых волос, опускавшихся из-под соломенной шляпки. Её глаза не было видно из-за солнцезащитных очков. Крутая красотка, — подумал он. Из тех, кто не стал бы смотреть в его сторону даже тогда, когда он был лет на тридцать моложе.

За блондинкой шло семейство, громко ругающееся на ходу.

— Не хочу я смотреть дурацкий замок! — говорила девочка шести или семи лет с длинными волнистыми тёмными волосами и недовольным личиком.

— Я тоже не хочу, — угрюмо ворчал круглолицый мальчик, который выглядел года на четыре старше девочки. Он пнул ногой камень: — Это скучно.

— Заткнись, — сердито сказал его отец. — Оба заткнитесь. Сколько можно ныть? И вообще, это мама придумала, а не я.

— Да, я хотела выйти из дому, — жаловалась женщина, заправляя за ухо непослушную прядь волос. — Мне уже надоело каждое воскресенье дома торчать. Почему нельзя гулять хоть иногда?

— Ну, вот мы и пошли гулять, разве нет? — без тени сочувствия сказал отец. — Чего тебе ещё надо?

— У меня ноги болят, я есть хочу, — хныкала девочка, дёргая маму за руку. — Давайте поедим.

— Да, кстати, отличная идея, — обрадовался отец. — Интересно, тут где-нибудь продают пиво?

К нескрываемому удовольствию Билла семья прошла мимо входа в сад и пошла (продолжая ругаться) к самому замку. Ещё через несколько минут мимо него в сторону замка прошли мужчина и молодая женщина. Мужчина был эксцентрично наряжен в длинный бежевый сюртук и полосатые брюки. Может быть, он один из любителей исторической реконструкции, — лениво подумал Билл.

— Он открыт для посещений! — обеспокоенно воскликнул мужчина.

— В каком смысле? — спросила девушка.

— Смотри! Теперь это больше не фамильный особняк; кто угодно может прийти и за плату осмотреть его. Как всё изменилось. Дэвид говорил мне, что никогда не стал бы открывать замок для публики.

— Может быть, ему деньги нужны были, — предположила девушка.

— Да вряд ли; поместье было не из бедных.

Они прошли мимо. Билл мог бы остановить их, и всё им объяснить, но не хотел утруждать себя. Сами скоро всё узнают. Кроме того, ему было не до них: он заметил, что к нему идёт Салли с обещанным чайником.

Эллен Картер остановилась перед входом в замок и, не снимая тёмные очки, посмотрела вверх, на башни из красного камня. Тем, кому она попадалась на глаза, она казалась просто

туристкой. Лишь небольшая напряжённость губ выдавала силу её эмоций.

Она быстро пересекла поросший травой двор, зайдя с яркого солнца в прохладную тень, и начала искать в сумочке деньги, чтобы купить входной билет.

Купить! Она платила деньги не снимая очки, чтобы никто не видел, какое это у неё вызывает отвращение, и лишь зайдя в высокий прохладный зал спрятала их в сумочку. Моргнув, она немного постояла, и ласково провела рукой по изогнутым дубовым перилам лестницы. Затем она отдёрнула руку, словно обожглась.

Нечего лишний раз себя разочаровывать. Уж кому, как не ей, знать об этом. Когда тот симпатичный студент-американец предпочёл её вниманию ту самодовольную, не церемонящуюся сучку, когда её муж Дон после двух лет совместной жизни сказал ей, что она холодная, помешанная стерва, и что ему нужен развод, чтобы он мог трахать свою бойкую пышку-секретаршу, она лишь предавалась само-сожалению, вместо того, чтобы что-то сделать по этому поводу.

Но не в этот раз, — решительно сказала себе она. — В этот раз всё будет иначе.

— Ещё кусочек пирога, Нисса?

— О нет, — быстро отказалась Нисса. — Я съела уже достаточно, спасибо, Доктор.

На самом деле она съела даже больше, чем было достаточно, но, куснув ломтик со сладкой карамелью, очень сложно было отказать себе в добавке. Нисса допила свой чай. Она была рада, что открытие замка для публики привело к тому, что в бывшей конюшне было обустроено кафе; после крутого подъёма к замку её мучили жажда и голод.

— Ну что же, — сказал Доктор, потянувшись за шляпой, — тогда пойдём смотреть замок. Быть может, узнаем, почему Дэвид Госторп решил открыть его для публики.

Приобретённая ими брошюра была не очень информативна на этот счёт, архитектурным достопримечательностям в ней уделялось больше внимания, чем семейной истории.

Они заплатили за вход в замок, и зашли в большой прохладный зал. Ниссе показалось, что они попали в другой мир — радостный, тёплый и светлый двор сменили холод, мрак, приглушённые голоса, и несвежий запах прошедших веков.

— Неоготический стиль, — авторитетно заявил Доктор, запустив руки в карманы и осматривая тяжёлые резные дубовые панели и лестницу. — Возможно, Пьюджин...

Затем он слегка нахмурился:

— Скажи, тут как будто бы чувствуешь на себе давление веса прошедших лет? Все традиции и достижения веков заперты в одном здании. Просто великолепно, разумеется, но также несколько тягостно... Словно под чьим-то строгим взглядом находишься, правда?

— Да, — Нисса прекрасно понимала, что имел в виду Доктор. — Трудно себе представить, что кто-нибудь когда-нибудь чувствовал это своим домом; скорее, создаётся впечатление, что жильцы принадлежали зданию.

Доктор и Нисса заглянули в путеводитель, и пошли по предложенному в нём маршруту: вверх по Большой Лестнице, затем в Официальную Столовую и в Салон. По пути Доктор часто останавливался, но не для того, что бы, как ожидала Нисса, восхититься каким-нибудь историческим предметом; он лишь хмурился и вообще выглядел растерянно. Наконец, в Гостиной, она не выдержала и спросила у него в чём дело.

— Я себе всё это представлял совсем иначе, — признался он, озадаченно указывая на едва обставленную комнату. — По словам Дэвида, обстановка в замке Трентиллис была старинной и ценной.

— А эта не старинная?

— Ну, она старая — это несомненно. Но не очень ценная... то, что от неё осталось. Здесь только лепнина на потолке имеет какую-то ценность. И посмотри вон туда, на более яркие пятна на стенах. Там какие-то картины висели. И, судя по всему, их было довольно много.

— Их продали?

— Возможно. Из чего следует, что семейное состояние было не таким уж и превосходным, как его описывал Дэвид.

Они пошли дальше. Нисса брела по Длинной Галерее, неопытным взглядом осматривая многочисленные портреты. С них на неё смотрели мрачные лица, но Нисса ничего не знала о земном искусстве, и не могла судить о том, хороши ли картины, плохи, или просто непримечательны. Она обратила внимание на один из портретов, который был нарисован пастелью; мягкие, тёплые цвета привлекли её внимание среди мрачных картин, написанных маслом. Она наклонилась, чтобы лучше рассмотреть его.

— Доктор! Посмотри!

На портрете был светловолосый молодой человек, чьи лицо и фигура были нарисованы на холсте уверенными штрихами. На позолоченной табличке внизу было написано, что это Дэвид Госторп, умерший в 1987 году.

— Так он, значит, умер.

Хотя она никогда и не была знакома с этим молодым человеком, у Ниссы возникло чувство утраты. Возможно, это

было потому, что любая смерть заставляла её чувствовать себя одинокой; она сталкивалась со смертью слишком часто.

— У него случился инсульт в Неаполе, там он и умер, не имея ни гроша, — сообщил им женский голос.

Доктор и Нисса синхронно обернулись на голос и увидели поразительно красивую молодую женщину в белом платье без рукавов, державшую в руках шляпку из чёрной соломки. У неё были прямые светлые волосы, кожа гладкая, как у фарфоровой куклы, но глаза неистово сверкали в свете наполовину зашторенных окон замка.

— Как ужасно, — сказала Нисса.

— И как бессмысленно, — ответила ей женщина.

— Не имея ни гроша? — Доктор озадаченно сдвинул брови. — Это странно. Как я понял, Дэвид унаследовал значительное состояние.

— О да, унаследовал, — сказала женщина. — Он его потратил. А затем замок и то, что осталось от его содержимого, были проданы местному бизнесмену, который надеется на них заработать, — она фальшиво рассмеялась над этой идеей.

Затем она с любопытством посмотрела на Доктора:

— Вы были знакомы с Дэвидом?

— Мы познакомились несколько лет назад в Гластонбери, — Доктор улыбнулся, предавшись воспоминаниям. Затем нахмурился. — Я, правда, с тех пор довольно сильно изменился. Не думаю, что он бы меня узнал.

Нисса понимающе улыбнулась: этот факт не удержал Доктора от посещения. Он наверняка придумал бы какое-нибудь объяснение своей изменившейся внешности.

С сожалением на лице женщина кивнула.

— Гластонбери, — с желчью сказала она. — Да. В молодости он прожигал время там.

— Ну, я бы так не сказал, — возразил Доктор. — Он был запутавшимся молодым человеком, на котором лежал большой груз ответственности, — он обвёл взглядом холодные лица строго глядевших на него прошлых поколений Госторпов. — От него столько всего ожидали. Я сказал ему, что ему не стоит быть связанным традицией, что у него есть право взять свою судьбу в свои руки. Жизнь для того чтобы жить, а не для того, чтобы держаться за прошлое.

Женщина ничего не сказала; она подняла взгляд на портрет Дэвида Госторпа, эмоции на её лице не читались.

— Что же, — вежливо сказал Доктор, когда молчание затянулось и стало ясно, что разговор окончен. — Приятно было с вами поговорить. Пойдём, Нисса.

Они пошли дальше, а женщина осталась стоять, такая же молчаливая и неподвижная, как портреты на стенах.

— Ри́ннон! Сколько раз тебе говорить, ничего не трогай!

— Почему? — Ри́ннон с тоскливым видом посмотрела из-под тёмных кудряшек на маму, продолжая при этом тыкать пальцем в древний стул, вышитая обивка которого и без того уже была сильно потёртой.

— Потому что я так сказала, вот почему. Перестань и всё, ясно? — раздражённо велела Беверли Коуп. — Вы меня сегодня уже достали. Нил, скажи ей, чтобы перестала!

— Что?

— Скажи ей!

— Слушайся маму, а то получишь, — сказал Нил Коуп, и по его усталому голосу чувствовалось, что если его довести, то он подтвердит слова делом.

Ри́эннон надула губы, взвеси́ла шансы́ того, что отец выполнит свою угрозу, и помчалась через Официальную Столовую в Салон, догонять брата.

— Ты сама виновата, Бев, — сказал Нил. — Ты понятия не имеешь, как с детьми обращаться. Ты позволяешь им тебе на голову садиться.

— Да? А чего это вдруг я во всё виновата? Они и твои дети, ты что, забыл?

— Ну, я же на работе всё время. Некогда мне делать за тебя твои обязанности.

— Я тоже работаю! — возмущалась Беверли.

— На полставки, — надменно ухмыльнулся Нил.

— Я должна по двадцать часов в неделю работать в супермаркете, а потом ещё дом убирать и детьми заниматься!

— И что? Ипотеку-то мы моей зарплатой оплачиваем, разве не так?

— Да, а на мою зарплату покупаем еду, а также пиво тебе и сигареты.

— Я, что ли, виноват, что проценты по кредитам выросли?

— Не говорила я такого, вечно ты всё перекручиваешь...

Джейсон Коуп тайком дёрнул толстый красный плетёный канат, которым была ограждена дорогая кровать, и с довольным видом проследил, как латунные столбики, на которых висел канат, посыпались, как домино. Не дожидаясь пока сердитый сторож схватит его за шиворот, он выбежал из Королевской Спальни и с грохотом побежал вниз по узкой деревянной Лестнице Для Слуг.

— Джейсон! — перехватила его на первом этаже возле выхода Ри́эннон. — Куда ты идёшь?

— Не знаю, — Джейсон недовольно посмотрел на неё. — Отстань!

Риэннон показала язык:

— Не отстану.

Джейсон сказал пару слов, которые ему не разрешали говорить, и Риэннон с радостным лицом начала прыгать вокруг него в притворном гневе:

— Тебя нельзя так разговаривать! Тебя накажут!

Джейсон проигнорировал её и пошёл в сторону дорожки к замковым Садам. Риэннон вертелась вокруг него, как злая фея.

— Я слышала, что там внизу озеро, пойдём посмотрим!

— Зачем?

— Может, там утки будут.

У Джейсона оживилось лицо и он начал высматривать на дорожке камни покрупнее:

— Точно. Утки.

— А я вот подумала, может быть нам Тиган навестить, раз уж мы на Земле? — осторожно спросила Нисса, когда они спустились по Лестнице Для Слуг и вышли на залитый солнечным светом двор.

— Ты думаешь? — Доктор расправил шляпу и надел её на голову. — И ты думаешь, что это было бы разумно?

— А что такого плохого в том, чтобы повидаться с ней? — нахмурилась Нисса, глядя на него.

Были времена, когда выражение лица Доктора давало о нём неправильное представление, и это был как раз такой случай. Его глаза вдруг стали чужими, непостижимыми, исполненными планетами, которые она не могла себе даже представить.

— Почему ты хочешь её навестить? Это тебе нужно или ей?

— Ну, я... — Нисса запнулась и пожала плечами.

— Ты не уверена? — настойчиво спрашивал Доктор. — Но ты должна задаться этим вопросом, Нисса, и хорошенько над ним подумать.

Нисса с отрешённым взглядом размышляла о том, что он сказал. Через какое-то время она сказала:

— Думаю, что навестить Тиган мне хочется для себя, но она захотела расстаться с нами. Поэтому я должна задаться вопросом хочет ли она увидеть меня?

— Теперь ты поняла, — на лице Доктора появилась грусть. — Все уходят, Нисса. Однажды и ты уйдёшь, — он посмотрел на неё и улыбнулся. — Ладно, нет смысла грустить о неизбежном! Но ты должна понять, что большинство моих компаньонов сами решают, когда им уйти, потому что сами чувствуют, что это время настало. И если я затем буду стремиться к встрече с ними, заскакивать время от времени узнать как дела, я этим подвергну сомнению их решение. Понимаешь?

— Кажется, да, — рассудила Нисса. — Твои спутники знают, что не могут путешествовать с тобой неограниченно долго, поэтому они все принимают решение, когда им оставить тебя и жить дальше своей жизнью. Ты должен уважать их выбор и смириться с тем, что ты больше не часть их жизни. Я это понимаю, но это же так мрачно, Доктор. Я имею в виду для тебя мрачно.

— Так оно должно быть, Нисса. Я — повелитель времени, я иду в вечности. А это означает никаких возвращений, никаких сожалений. Ну, разве что о тех — грустно улыбнулся Доктор, — кто сделал плохой выбор.

— Но мы ведь действительно заплатили, верно? — воинственно сказал Нил Коуп, размахивая билетами перед носом у Билла Хигнета. — Мои дети сказали правду.

Билл Хигнет постарался не выдать своего испуга:

— Да, но вопрос не в этом. Ваши дети должны были дожидаться вас, а не просто крикнуть, что билеты у вас и пробежать мимо...

— Куда они пошли? — перебила его Беверли Коуп. — Там есть озеро, а Ри́эннон не умеет плавать. Даже же если она и не свалится в воду, то наверняка вымажется вся в грязи.

В таком случае, вам надо смотреть за ними внимательнее, не так ли? — подумал Билл Хигнет, но, глядя на суровое лицо отца, вслух ничего не сказал.

— Я не видел куда они пошли, — коротко сказал он.

— Что-то случилось? — дорога привела Доктора и Ниссу ко входу в сады замка.

— Мои дети, — быстро ответила Беверли. — Они убежали к озеру.

— Надо же, — нахмурившись, сказал Доктор. — Какая досада.

— Да ничего с ними не случится, — ворчал Нил. — Они могут о себе позаботиться. Не надо так волноваться, Бев. Пойдём, мы скоро их догоним.

— Дорога вокруг озера длиной в милю, — с небольшой долей злорадства сказал Билл Хигнет. — Так что вам придётся погулять, прежде чем вы их найдёте.

— Мы тоже собираемся прогуляться вокруг озера, — сказал Доктор. — Мы тоже их поищем.

— Спасибо большое, — сказала Беверли. — Если вы их увидите, то ни с кем не перепутаете. Джейсон — вылитый отец, и на нём футболка «Охотники на привидений». У Ри́эннон

длинные, тёмные, волнистые волосы, а одета она в розовый сарафан. Скажите им, чтобы они шли сюда и здесь ждали нас, хорошо?

— С удовольствием, — учтиво ответил Доктор.

Оглянувшись, Беверли Коуп увидела, что её муж уже шёл по дорожке к террасам. Она бросилась его догонять, крича:

— Нил! Подожди!

Билл Хигнет покачал головой, проверяя билеты Доктора и Ниссы.

— Дети, — проворчал он. — А чего ещё можно ждать, если у них такие родители? Я бы таким даже за куклами присматривать не доверил.

Уткам надоело быть мишенями Джейсона; недовольно крикая, они уплыли. Многие прохожие не удерживались и выговаривали Джейсона за его поведение, и с каждым разом его лицо становилось всё угрюмее и угрюмее. Были бы с ним его друзья, он бы нашёл, что сказать в ответ. Но ему было всего десять лет, и он ещё боялся *большинства* взрослых, поэтому довольствовался тем, что тихо ругался им вслед, когда они отворачивались.

Риэннон вертелась у него под ногами, её кудряшки прыгали у неё на плечах.

— Давай поиграем, Джейсон! — потребовала она. Давай!

— Нет! Да отстань ты уже от меня!

Риэннон и не думала отставать, и Джейсон понимал, что никакими словами ему сестру не запугать. Ему пришла в голову идея:

— Ладно, давай поиграем. Давай сыграем в прятки. Ты спрячься, а я буду искать.

Может быть, он и вправду её поищет, если других занятий не будет.

Ри́эннон вскрикнула от радости:

— Ты меня не найдёшь! Я такое место найду, что ты не догадаешься! — и, к радости Джейсона, она помчалась по дорожке к озеру, оставив его в покое.

Ри́эннон весело прыгала вокруг озера, быстро передумав прятаться в кустах рододендрона. Там Джейсон начнёт искать в первую очередь. Она хотела найти менее очевидное место. Впереди она увидела что-то, похожее на кучу камней, и побежала туда, чтобы посмотреть поближе.

Она обнаружила, что камни соединены вместе бетоном, и выстроены в виде подобия небольшой пещеры. Внутри был небольшой бассейн, а в нём была статуя почти раздетой женщины, полулежавшей, опираясь спиной на журчавший фонтан. В стенах было несколько отверстий-окон, выходивших в сторону озера и садов. Одно из окон было довольно высоко, но не настолько высоко, чтобы остановить Ри́эннон, за свою короткую жизнь уже забиравшуюся (обычно, в погоне за братом) во множество мест, считавшихся неприступными. Цепляясь пальцами рук и ног за щели и выступы, она полезла вверх, в выбранное укрытие. Раздался треск — её платье зацепилось за острый выступ и порвалось. Ну и ладно, мама новое купит.

Добравшись до проёма окна, она упёрлась спиной в стену и поджала ноги. Повернув голову в одну сторону, она могла увидеть арочный мост на противоположной стороне озера, а ниже — само озеро. А повернув голову в другую сторону, она видела внутренность грота. Она подумала, что её может заметить только тот, кто удосужится посмотреть вверх, но она

будет сидеть тихо, как мышка, никто вверх не посмотрит, и её не найдут. В любом случае, Джейсону не придёт в голову, что она может так высоко залезть. Она говорила, что обыграет его, и обыграла!

Довольная собой, Риэннон устроилась поудобнее. Услышав чьи-то шаги, она повернула голову. Она сразу решила, что это не Джейсон. Резиновые подошвы его кед поскрипывали. А эти шаги пошлёпывали, как будто кто-то шёл в босоножках.

В грот зашла женщина. Риэннон подумала, что эта женщина, наверное, такого же возраста, как и её мама, только в миллион раз красивее. У женщины были длинные светлые волосы, гладкие и блестящие, как в рекламе шампуня. Одета она была в белое платье. Свою маму Риэннон видела в белом платье только один раз, когда сама Риэннон вымазала его спереди малиновым леденцом, и пятна не отстирывались. У мамы был припадок, а папа смеялся... пока не узнал, сколько стоило это платье. У красивой женщины платье выглядело гораздо дороже, чем мамино.

Тем удивительнее было то, что красивая женщина не снимая босоножки шагнула в бассейн и, не обращая внимание на то, что её платье промокает под струями воды, начала расшатывать камни во впадине за фонтаном.

Доктор и Нисса прошли по террасам, наслаждаясь разноцветными пахучими живыми изгородями и переступая через шланги, которые словно зелёные змеи извивались поперёк дорожек. У подножия террас садов Доктор настаивал на том, чтобы прогуляться вокруг озера. Нисса боялась туда идти, сомневаясь, что её ноги выдержат прогулку длиной в милю.

— Нисса, Нисса, Нисса! — Доктор повернулся к ней, с притворным недовольством качая головой. — Можно же снять эти босоножки — они жутко непрактичные. Столько раз говорил об этом Романе, но она тоже не слушала.

— И идти босиком? — сомневалась Нисса, глядя на камни и острые ветки, валявшиеся на дорожке.

— Конечно. А потом можно будет сполоснуть ноги водой, чтобы они остыли. Неужели это не заманчиво?

Для Ниссы, заметившей, что берега озера были покрыты толстым слоем чёрной грязи, эта идея была не очень заманчивой, но, не желая ссориться, она решила держать свои возражения при себе.

Блестевшее голубыми бликами озеро было гладкое и спокойное, как разбалованный кот. Иногда на его поверхности пускали волны утки, нырявшие и барахтавшиеся в своём непрекращающемся поиске пищи. Тропа петляла среди рододендронов с глянцевыми листьями и приятно пахнущих азалий. Каждый поворот дорожки открывал перед ними новые виды; местами, для поддержания интереса посетителей были установлены мосты, статуи, декоративные сооружения. Нисса начала забывать о боли в ногах и наслаждалась окружающими её ароматами, убаюкиваемая жужжанием пчёл и песнями птиц на деревьях. Пропавших детей нигде не было видно, впрочем, как и любых других посетителей. Вообще-то, всё было очень тихо, пока Доктор не вспомнил о своём долге заниматься её образованием.

— Что может быть лучше бодрой прогулки? — беззаботно сказал он. — Мы идём по стопам истории, Нисса. Госторпы гуляли по этим дорожкам с тех пор, как в восемнадцатом веке был создан этот пруд. Видишь, ландшафт создан так, что с каждого высокого места открывается вид на следующее? —

Доктор остановился на вершине пригорка и указал рукой на белое сооружение с колоннами, стоявшее на другом берегу озера. — Греческий храм, — объяснил он.

— Религиозное здание?

— Не совсем. Просто архитектурное украшение в популярном когда-то стиле. А впереди перед нами грот, в котором, как мне кажется, посреди жаркого летнего дня можно найти освежающую прохладу...

Когда Доктор зашёл в грот, его голос затих. Нисса заглянула через его плечо.

— И снова здравствуйте! — сказал Доктор. — Приятно вас снова встретить, мисс... не знаю вашего имени. Впрочем, я вынужден признать, что обстоятельства нашей встречи несколько...

На них смотрела молодая женщина, которую они повстречали в галерее. Вначале показалось, что она, в соответствии с советом Доктора Ниссе, ополаскивает ноги в воде бассейна. Однако босоножки были на ней, её белое платье полностью промокло в струях фонтана, а её когда-то безупречный сверкающий водопад волос свисал на её лицо неприглядными мокрыми прядями. Ещё любопытнее было то, что её сама её вид абсолютно не беспокоил. Она смотрела на Ниссу и Доктора без единой тени смущения. Одной рукой она решительно ухватила за камень, который только что вывернула из полости позади фонтана и лежащей статуи.

— Простите, что говорю это, но я не думал, что вы способны на такой вандализм, — Доктор говорил мягким голосом, обычно свидетельствующим о том, что он что-то обдумывает.

— Не думали? — едко ответила она. — Но это ведь из-за вас я вынуждена была опуститься до этого, Доктор.

У Доктора от удивления поднялись брови.

— Из-за меня? — озадаченно спросил он.

— Вы же Доктор, не так ли? Это из-за вашего дружеского совета я осталась без наследства.

— Вы родственница Дэвида Госторпа, — начала понимать Нисса.

Теперь, присмотревшись, она увидела некоторое сходство с портретом последнего владельца замка Трентиллис, что-то в глазах и в упрямом подбородке.

— Я его сестра, Эллен Картер, — коротко ответила женщина, но потом, видимо, решила объяснить подробнее. — Поскольку Дэвид умер не оставив наследников, замок Трентиллис по праву принадлежит мне. Он принадлежал бы мне, если бы Дэвид не продал его для оплаты своих долгов.

— И что вы сейчас делаете? — спросила Нисса, которая, несмотря на откровения Эллен, ничего не понимала.

— Предпринимаю шаги, необходимые для возвращения того, что принадлежит мне по праву, — резко ответила Эллен.

Она отвернулась от них и шагнула за фонтан, чтобы выломать из стены ещё один камень.

— Если вы решили по камешку вынести весь замок в своей сумочке, то вынужден заметить, что у вас ничего не выйдет, — заметил Доктор с легкомыслием, которое не понравилось Эллен.

Трясаясь от злости, она повернулась к нему:

— Какой же вы... самодовольный! Вы поощрили Дэвида растратить всё его наследство на погоню за мечтами! Вы знаете, что благодаря вашему совету, он потратил всё до последнего пенни в погоне за историческими артефактами? Это разорило его. Ему пришлось продать замок, и я осталась без

наследства. Кто дал вам право врываться в чужую жизнь и менять её?!

— Я не думал, что делаю именно это, — тихо ответил Доктор.

— Незнание не освобождает от ответственности.

— Но вы делаете всё, чтобы я так и остался в неведении, — возразил Доктор. — Так что, объясните нам, что вы делаете, если не хотите, чтобы я сообщил об этом...

— Я вам уже сказала, что я делаю. Возвращаю себе то, что принадлежит мне. Мы с Дэвидом играли тут в детстве. Мы устроили в гроте тайник, и я знаю, что именно там он её и спрятал.

Эллен засунула руку в проделанное ею отверстие, пытаясь что-то там нащупать.

— Что спрятал? — переспросил Доктор.

— Да не ваше дело! Отстаньте от меня!

— Эллен, — мягко ответил Доктор, — вы только что возложили на меня ответственность за утерю наследства. Я бы сказал, что это делает происходящее очень даже моим делом. Итак, что вы нашли?

Эллен вынула из полости гладкую непромокаемую сумку и держала её так, словно это был Святой Грааль. Горечь на её лице сменилась триумфальной улыбкой:

— Я была права! Он действительно что-то нашёл, — она с видом победительницы посмотрела на них. — Понимаете, всё, что Дэвид мне оставил, были документы, его исследовательские заметки. По ним и по некоторым его словам, которые он случайно обронил во время нашей с ним последней встречи, я пришла к убеждению, что в последний год своей жизни он действительно что-то обнаружил.

— Он всё-таки нашёл потерянный артефакт, — нахмурился Доктор. — Если это правда, то почему он скрыл своё открытие?

— Вы ведь совсем не знали Дэвида, так? — обиженно скривила губы Эллен. — Мой брат занимался этим не ради славы и не ради денег. Просто он не мог обходиться без азарта охоты, и когда ему удавалось что-нибудь выследить, он хотел лишь спрятать трофей. Он никогда не расставался со своими находками.

— Но зачем прятать здесь? — спросила Нисса. — Если он знал, что ему придётся продать этот замок...

— Тут безопаснее, чем в комнате, в которой он жил в последние месяцы жизни, — сказала Эллен. — И, как я уже говорила, никто больше не знает об этом месте. Только мы двое. И если он хоть кому-нибудь и хотел это оставить, то мне.

— Что оставить? Вы ведь ещё не заглядывали вовнутрь, — напомнил ей Доктор. — Может быть, там вообще ничего нет, не говоря уже о чём-то ценном.

— О, я знаю, что там есть, Доктор, — с непоколебимой уверенностью сказала Эллен. — Я же говорю, Дэвид оставил мне свои заметки. Поэтому я и смогла разгадать эту загадку, — она довольно провела рукой по сумке, а затем раскрыла застёжку. — Вы когда-нибудь слышали о сокровищах Елены?

Ри́эннон недовольно постукивала пальчиками по камню, но внизу её никто не слышал. Это было так скучно. У взрослых разговоры всегда скучные. Её мама говорила только о телевизоре и о том, каким мучением для неё были Ри́эннон, Джейсон, и папа. И этот разговор был ничем не лучше. Она ничего в нём не понимала, и уже устала сидеть неподвижно. Надо спрыгнуть вниз и напугать этих дураков!

Ри́эннон повернула голову и выглянула в окно, выходящее в сады. Увы, там, среди кустов роз, ходил Джейсон. Ри́эннон скривилась: придётся продолжать прятаться пока он не уйдёт.

Яркий фонтан золота рассыпался с пальцев Эллен — сверкающая диадема из золотых деталей, словно из кусочков солнца, нанизанных на золотую проволоку. Нисса от изумления вскрикнула.

— О да, — сдержанно сказал Доктор. — Я слышал о сокровищах Елены. Головной убор, который Генрих Шлиман предположительно обнаружил при раскопках Трои в 1873 году, и являвшийся частью так называемого Клада Приама, пропавшего в 1945 году в Берлине.

— Предположительно? Так называемого? — передразнила Эллен, держа диадему так, что та раскачивалась и блестела в её руках, словно живая. — Вы что, слепой? Дэвид смог её найти. Вот она, перед вашими глазами, Доктор!

— Вы позволите? — не дожидаясь ответа, Доктор взял у Эллен головной убор.

От неожиданности она даже не попыталась возразить, пока диадема не была уже у него в руках.

— Я просто хочу посмотреть, — заверил её Доктор, вынимая из кармана очки и рассматривая предмет. — Не переживайте, я верну.

— Что вы собираетесь с ней делать? — спросила Нисса у Эллен, глядя на её напряжённое лицо и на то, как она не сводила взгляда с диадемы, пока Доктор осторожно осматривал её со всех сторон.

— Продам тому, кто больше предложит, — без обиняков сказала Эллен. — А на вырученные деньги выкуплю своё наследство.

— Ваше наследство так много для вас значит, — заметила Нисса.

— Ну разумеется! Я родилась в этом замке, это мой дом.

— Большинство людей вырастают и покидают свой дом, Эллен, — сказал Доктор.

— Некоторым даже выбирать не приходится, — тихо прокомментировала Нисса; в её глазах внезапно появилась боль.

— Прошное нельзя купить, Эллен. Можно только расстаться с ним и жить дальше.

— Я не хочу с ним расставаться, — решительно сказала Эллен. — Только в прошлом я была счастлива, я хочу в него вернуться. У меня нет карьеры, нет постоянных отношений. Я только попадаю из одной беды в другую, как будто я жить не могу без катастроф и без плача над собственным невезением. Бедненькая я! — она свирепо ухмыльнулась. — Но теперь это завершится. Я устала быть той, кто проигрывает. В этот раз я получу то, что хочу, что я заслужила. Замок Трентиллис должен был достаться мне, и теперь так и будет. Верните мне мою вещь! — она протянула руку.

В ответ на её непреклонный взгляд Доктор покачал головой:

— Я считаю, что вы не правы, так цепляясь за прошлое, — сказал он, — но решать вам. Держите, — он опустил диадему в её руку.

— Доктор, она настоящая? — спросила Нисса.

— Это несомненно та самая, в которой много лет назад сфотографировали Софи Шлиман — дочь Шлимана, — задумчиво ответил он. — Но чем-то ещё она мне знакома, не могу вспомнить чем...

Эллен подняла диадему с почти детским энтузиазмом на лице.

— Сокровища Эллен! — передразнила она.

— Это инопланетный прибор, — сказал Доктор. — Я бы не стал...

— Инопланетный прибор? — Эллен рассмеялась ему в лицо. — Что ещё за глупости, — и она надела диадему на голову.

На глазах у Доктора и Ниссы золотые детали со звоном заняли свои места вокруг лица Эллен. Она покачала головой, и весь каскад качнулся в лучах солнца, словно золотой колокольчик. На её лице был восторг. Но внезапно диадема блеснула ярче, как будто что-то внутри неё отразило свет. И Эллен взвизгнула от ужаса, подняла руки и попыталась снять её с себя.

— Доктор! — Нисса инстинктивно бросилась вперёд, но Доктор схватил её за руку и удержал.

У него на лице был такой же ужас, как и у неё.

— Нет! — резко сказал он. — Уже поздно...

Свет стал ярче, по лицу Эллен одна за одной пробежали горящие волны, пока оно всё не было поглощено сверкающим ореолом золотого огня. Её рот раскрылся в последнем беззвучном крике, и затем свет погас и её тело упало. Она замерла, растянувшись в пыли, неподвижная и безмолвная. Диадема соскользнула с неё и свернулась сверкающими кольцами.

— Она мертва? — прошептала Нисса.

Доктор присел возле неподвижного тела Эллен и попытался нащупать пульс:

— Боюсь, что да.

Он посмотрел на Ниссу, и она увидела, как изменилось его лицо, как посуровел его взгляд от воспоминаний о многих сделанных выборах. И речь шла не только о выборе, сделанном другими, но также и о решениях, которые принимал он сам, буквально на ходу, не задумываясь об их последствиях.

Она тяжело сглотнула:

— Как это произошло, Доктор? Выглядело так, словно это вызвала сама диадема, как будто в ней какое-то замыкание случилось. Но это же было просто украшение!

Доктор вздохнул, покачав головой:

— Это было не просто украшение, Нисса. Это было живое украшение. Носящий его человек замыкал психический контур, и его внешность улучшалась.

— Но как люди могли создать что-то настолько сложное в таком далёком прошлом?

— Они не могли. Они и не создавали, — Доктор встал и засунул руки в карманы. — Я не знаю, надевала ли когда-нибудь эту диадему Елена Троянская... впрочем, это могло бы объяснить её легендарную красоту... но я уверен, что это было изготовлено не на Земле. Я вспомнил эту технологию: когда-то я видел что-то похожее на Тарроне, — он нахмурился. — Я всегда считал, что то, что я выбрасываю за дверь ТАРДИС, будет уничтожено ветрами времени, но эта диадема, похоже, избежала уничтожения и каким-то образом оказалась на Земле.

— Но её ведь изготовили как украшение, а не как оружие?

— Наверное, да, раз уж, когда Шлиман нашёл её, его дочь позировала в ней, и ничего плохого с ней не случилось, — Доктор посмотрел на диадему. — Возможно, это была неполадка, или же включилась какая-то другая, более зловещая функция.

— Бедная женщина, — сказала Нисса, грустно глядя на тело Эллен. — Как ужасно.

— И как бессмысленно, — ответил Доктор, грустно повторив слова самой Эллен.

— Она так настаивала, что этот клад принадлежит ей.

— И, в конце концов, клад завладел ею, — с грустью сказал Доктор. Он ткнул диадему носком туфли. — Теперь она растратила свою энергию. Нисса, я думаю, что нам лучше уйти.

— А мы не должны поставить в известность полицию?

— Мне почему-то кажется, что это плохая идея, — не согласился Доктор. — Нельзя пренебрегать искусством вовремя уйти. Тело найдут и без нас, а наше здесь присутствие никому не поможет.

— Да, пожалуй, — неохотно согласилась Нисса. — Но ты уверен, что диадема теперь неактивна?

— О да. Ну, — поправился Доктор, — почти уверен.

Нисса с отвращением посмотрела на сверкавшую кучку:

— Мне кажется, что лучше её тут не оставлять, Доктор.

— Хочешь взять себе в качестве сувенира? — удивлённо спросил он.

— Нет! — Нисса решительно шагнула вперёд, нагнулась, и подняла диадему. — У меня есть идея получше.

Она подошла к ближайшему окну, и швырнула золотое украшение в воду.

— Вот так, — угрюмо сказала она. — Пускай себе там лежит.

Когда Джейсон развлекался тем, что лениво обрывал бутоны роз и выдёргивал из них лепестки, неподвижный летний воздух сотряс чей-то крик. Кричала не сестра, это он сразу понял. Риэннон, когда ей было страшно, могла визжать

как сирена, но этот голос был ниже. Голос был женский, а донёлся он из каменного грота у озера. Джейсон пошёл туда.

Услышав крик мальчишки, который как ошпаренный бежал вверх по дорожке, Билл Хигнет вышел из своей будки.

— Там в гроте труп! Скорее!

— Что ещё за глупости, — фыркнул Билл, пренебрежительно глядя на мальчика. — А это разве не тебя родители ищут?

— Идите сами посмотрите, — тяжело дышал мальчик. — Она не шевелится, я готов поспорить, что она мертва!

— Если будешь продолжать врать, я тебя выпорю, хотя это уже и незаконно, — пригрозил Билл. — Пошёл вон, маленький...

— Но там труп! — настаивал мальчик. — Женщина в белом платье, просто лежит там...

В памяти Билла всплыл образ: белое платье, шляпка из чёрной соломки, водопад светлых волос. Он засомневался.

— Если ты мне наврал... — пригрозил он.

— Я не вру, честно!

По дорожке прибежал ещё один посетитель, который, тяжело дыша, подтвердил рассказ мальчика. Билл стоял на месте, не зная, что ему предпринять. Затем он с облегчением заметил Салли Томас, которая шла от замка к его будке, чтобы забрать поднос с чайником.

— Салли! — громко крикнул он. — Тут какой-то несчастный случай произошёл. Вызови полицию и скорую, хорошо?

— Скорая уже не поможет, — с насмешкой сказал мальчик. — Говорю же вам, она мертва. У неё лицо перекошенное, как...

— Эй, а вы двое куда собрались? — крикнул Билл, обрывая мрачное описание мальчика.

Его слова были адресованы блондину и девушке, которые пытались выйти мимо него.

— Кто? Мы? — простодушно переспросил Доктор.

— Да, вы. Говорят, в гроте был несчастный случай. Полицию уже вызвали, они захотят опросить всех, кто был неподалёку, — Билл начал постепенно приходить в себя. — Так что я вынужден попросить вас задержаться.

— А вы слышали о UNIT? — сказал Доктор, запустил руку в карман, вынул оттуда пропуск и сунул его Биллу под нос. Я их научный консультант. Они меня ждут. Прямо сейчас, — Доктор обворожительно улыбнулся.

— Разумеется, я слышал о UNIT, — обиженным голосом сказал Билл, бывший солдат.

Он быстро посмотрел на пропуск. Тот выглядел достаточно официально. И если этот мужчина был одним из этих научных работников, то тогда понятно, почему он так эксцентрично одет.

— Мы, конечно же, хотели бы остаться и помочь, но у нас нет на это времени. Тем не менее, вон там есть кое-кто, кто вам поможет, — в отчаянной попытке отвлечь внимание сторожа, Доктор неопределённо указал в направлении дорожки.

Это сработало.

— Поможет? — Билл принял решение. В конце концов, кто он такой, чтобы задерживать кого-то, работающего на ООН? — Ладно, идите. Но все остальные должны остаться.

Как только Доктор и Нисса ушли, из замка пришли работники, предупреждённые Салли. Осмелев от вида приближающегося подкрепления, Билл почувствовал своим долгом пойти и проверить то, что сказал Доктор. Поэтому он

быстро направился по дорожке и, свернув на террасы, столкнулся лицом к лицу с мужчиной, о котором, по его мнению, говорил Доктор.

— Вот вы где, — официальным тоном сказал Билл. — Мне сообщили, что вы что-то знаете о несчастном случае.

Теперь, когда в гроте стало тихо, Ри́эннон начала всхлипывать, словно наказанный щенок. Её разум подсказывал ей, что нужно слезать и бежать, но тело отказывалось повиноваться, ноги не шевелились. Поэтому она оставалась на месте, дрожа от страха, прижавшись к холодным камням, и смотрела на тело женщины. Наконец, с большим усилием воли, она смогла повернуть голову в другую сторону, чтобы вместо трупа видеть воду озера.

Хотя в гроте и было тихо, вода в озере тихой не была. С нарастающим страхом Ри́эннон смотрела, как на поверхности расходились волны от подводного источника. Затем что-то золотое ярко блеснуло в воде, и внутри него девочка увидела лицо погибшей женщины, перекошенное, похожее на кричащего ангела.

ВМЕСТЕ МЫ ПОГИБНЕМ³

Кит ДеКандидо

— Сколько мне ещё ждать?

В соответствии с табличкой на её столе, девушку звали Холли Роуман. Она даже не подняла взгляд на бригадира Алистера Гордона Летбридж-Стюарта, когда вяло отвечала на его вопрос:

— Как только у мистера Фонтэйна закончится совещание, он вас примет.

Летбридж-Стюарт не позволил своему раздражению этой американкой проявиться внешне. Даже после пятнадцати лет на пенсии он был для этого слишком хорошим военным.

Он посмотрел на часы. Они показывали 9:27. Его встреча со Стивеном Джосефом Фонтэйном III, дипломированным юристом, была назначена на 09:00 в фирме «Ниссен Гибсон Фонтэйн». Летбридж-Стюарт всегда гордился своей пунктуальностью, и его очень задевало, что эти американцы не разделяли его отношения.

Когда прошла целая вечность (хотя часы Летбридж-Стюарта утверждали, что это было всего лишь через три минуты), дверь одного из кабинетов открылась, и из неё вышли несколько человек. Один из них — высокий, величавый седой джентльмен в светло-сером костюме — направился к бригадиру, а остальные направились в приёмную. Должно быть, это и есть американский юрисконсульт UNIT.

³ В оригинале обыгрываются название подразделения UNIT и выражение «Вместе мы выстоим, порознь — погибнем»

Когда бригадир встал с диванчика в приёмной, мужчина протянул ему руку:

— Вы, должно быть, бригадир Стюарт. Очень приятно, сэр. Я Стивен Фонтэйн.

— Правильно «Летбридж-Стюарт», — ответил бригадир, пожимая руку.

— Ой, прошу прощения, — сказал Фонтэйн с искренним сожалением на лице. — Видимо, при прочтении документов я не разглядел дефис.

— Ничего страшного, — быстро сказал бригадир, не желая развивать эту тему.

Фонтэйн указал на дверь в свой кабинет:

— В таком случае, давайте начнём. Нам нужно много успеть до слушаний, которые начнутся во второй половине дня.

— В таком случае, — ровным тоном сказал бригадир, заходя за Фонтэйном в его кабинет, — быть может, следовало начать нашу встречу вовремя?

— Вы, разумеется, абсолютно правы, бригадир. Прошу меня извинить. Встреча с партнёрами заняла немного больше времени, чем планировалось. Присаживайтесь, пожалуйста.

Летбридж-Стюарт прошёл за Фонтэйном в большой кабинет. На полу лежали ковровые дорожки, на стенах висели полки с толстыми томами, а прямо перед ним был дубовый стол шириной как минимум два метра. Позади него было всю стену занимало окно, из которого открывался величественный вид на Ист Ривер. В центре стола Фонтэйна стояли проволочные полки для документов, и, садясь, он взял с одной из них папку.

— Итак, бригадир, я полагаю, что вы знаете, зачем вас вызвали в Нью-Йорк?

Вызвали? — подумал бригадир, но ничего не сказал. Письма, которые он получил от секретаря и от бригадира Бамберы, были просьбами... просьбами настойчивыми, но всё-таки не вызовом.

— Мне сказали, — ответил он, — что комитет, изучающий расходы UNIT, созвал слушание для расследования некоторых затрат британского подразделения, имевших место в последние годы.

Фонтэйн кивнул:

— В частности, боюсь, во время вашего командования британским подразделением.

— Также бригадир Бамбера сказала мне, — и в этом месте Летбридж-Стюарт позволил в его интонации проявиться небольшой доле раздражения, — что её оборудование было реквизировано и отправлено сюда, и что её солдаты ожидают решения этого слушания.

— Боюсь, что да, — сказал Фонтэйн. — Однако, просмотрев статьи расходов, о которых вас собираются спрашивать, могу уверенно сказать, что вам не стоит сильно волноваться. Бóльшая часть из них вполне нормальна. Вообще-то, — и Фонтэйн снова приятно улыбнулся, — поначалу я подумал, что это какая-то глупая идея, имеющая целью показать, что какие-то бюрократы не зря едят свой хлеб.

— Я рад это слышать, — нейтральным голосом сказал бригадир.

Разумеется, он придерживался того же мнения, но не видел причин сообщать об этом.

— Тем не менее, — продолжил Фонтэйн, — я могу понять, почему с их стороны могло возникнуть беспокойство. К примеру, ваши запросы на боеприпасы выходят из ряда вон.

— Они необходимы, учитывая тип угроз, с которыми UNIT...

Фонтэйн поднял руку, и на его лице снова появилась улыбка:

— Спокойнее, бригадир, я на вашей стороне. Разумеется, я понимаю необходимость этих затрат, но мне необходимо предвидеть реакцию комитета, — улыбка исчезла. — К сожалению, меня несколько беспокоит количество запросов со стороны вашего научного подразделения. Особенно, — он перебрал несколько документов, пока не нашёл нужный, — в первом десятилетии существования UNIT, со стороны «неоплачиваемого научного консультанта» британского подразделения. Компьютеры, первоклассное оборудование радиоразведки... Честно говоря, бригадир, я даже не смог понять кто такой этот советник — он не проходит ни в одной платёжной ведомости.

— Разумеется, мистер Фонтэйн. Он же был *неоплачиваемым* научным консультантом.

— Справедливое замечание, — сказал Фонтэйн с уже не такой приятной улыбкой, — но, боюсь, мне для этого всё равно понадобится какое-то оправдание... «Чрезмерность» — единственное слово, которое приходит в голову при попытке описать эти затраты.

Летбридж-Стюарт вздохнул:

— Это будет непросто. Доктор — весьма неординарная личность.

— Этот Доктор Кто-бы-он-там-ни-был и есть этот советник?

— Да. Пожалуй, можно сказать, что он — вольнонаёмный консультант. На его пунктуальность не всегда можно было положиться, но в случае кризиса он делал всё, что от него

зависело. Во многом, именно ему UNIT обязан своим существованием.

В голове бригадира всплыли незванные воспоминания об ужасной паутине, появившейся в лондонской подземке из-за йети, и о нашествии киберлюдей; даже после стольких лет воспоминания о тех ужасных днях оставались яркими.

— Если бы не Доктор — и его запросы — я очень сомневаюсь, что уцелела бы планета, на которой мы с вами сейчас обсуждаем эти вопросы.

— Хм, — Фонтэйна это не убедило. — Но, тем не менее, бригадир, мы их сейчас обсуждаем, и, откровенно говоря, значительная часть содержимого этой папки в лучшем случае указывает на возмутительное злоупотребление Доктором его доступа к аппаратуре ООН.

— Можете быть уверены, мистер Фонтэйн, что если Доктор делал какие-то запросы, то у него были на это очень серьёзные основания.

— Мы с вами, бригадир, возможно, можем быть уверены, но вряд ли такими рассуждениями удастся убедить комитет.

Фонтэйн сделал паузу, не решаясь сразу продолжить. У Летбридж-Стюарта возникло подозрение, что ему не понравится то, что сейчас скажет юрисконсульт.

— Сейчас наступили гораздо более... открытые времена, бригадир. В ваши дни было маловероятно, что миру станет известно о том, что одно из сверхсекретных подразделений ООН расходует много денег. Откровенно говоря, больше мы на это рассчитывать не можем. И возмущение расходами британского подразделения может быть чрезвычайным. Поэтому для нас было бы лучше всего, если бы этот Доктор предстал перед комиссией.

Летбридж-Стюарт вздохнул. Он надеялся, что до этого не дойдёт, но это, похоже, было неизбежно. Тем не менее, вызвать Доктора могло быть не так-то просто.

Но не успел он сказать об этом Фонтэйну, как с нарастающей громкостью раздался знакомый звук. Когда на метр левее Фонтэйна медленно материализовалась синяя полицейская будка, бригадир позволил себе лёгкую улыбку.

— Что это за чертовщина? — вскрикнул Фонтэйн, на спокойном лице которого вдруг появилась растерянность.

— А это, мистер Фонтэйн, прибыл Доктор.

Повелители времени умели красиво появляться. Бригадир удивился, что Доктор, вышедший из ТАРДИС, оказался высоким типом с длинным шарфом. С этим Доктором он не встречался уже почти двадцать лет. Хотя он был примерно такого же роста, как и сам Летбридж-Стюарт, этот повелитель времени всегда держался так, словно возвышался над всеми. Его присутствие слегка напрягло бригадира. Ему уже доводилось встречаться с Докторами, так сказать, «не по порядку». И оба раза, когда это происходило, была смертельная угроза всему пространству и времени.

Под большой шляпой и копной кучерявых волос появилась улыбка:

— Здравствуйте, бригадир. Очень рад вас снова видеть. Как дела в UNIT?

Не дожидаясь ответа, он повернулся к Фонтэйну (тот в это время стоял с открытым ртом — не очень прилично, по мнению Летбридж-Стюарта) и сказал:

— Здравствуйте, я Доктор. Очень рад познакомиться. Ну что, бригадир, — сказал он, без единой паузы повернувшись снова к Летбридж-Стюарту, — чем вы занимались все эти

годы? Я полагаю, что прошло немало лет, вряд ли вы могли так сильно состариться за короткий срок.

— Вы правы, Доктор. С нашей последней встречи я вышел на пенсию. Передал британское подразделение новой смене, так сказать. Тем не менее, время от времени я выбираюсь из дому, чтобы помочь, в том числе и сегодня.

— Ах, да, мы плавно подошли к этому важному моменту. Что же такое срочное произошло, что вы сочли нужным задействовать устройство вызова?

Бригадир моргнул:

— Устройство вызова?

— Да. Вы же знаете, я оставил его для использования только в случае крайней необходимости. Впрочем, я как раз освободился от одного дела, так что был рад навестить старушку Землю, — Доктор повернулся и посмотрел в окно. — А! Нью-Йорк! Я не побываю здесь уже несколько лет назад.

Не успел Летбридж-Стюарт ничего сказать, как Фонтэйн не выдержал:

— Что, чёрт возьми, тут происходит? Кто это такой?

Пропал воспитанный и сдержанный Стивен Фонтэйн, спокойно рассказывавший бригадиру о возмущении общественности и неслыханных растратах Доктора. На его месте был человек, чей мир резко пошатнулся; человек, который отчаянно пытался восстановить равновесие. Летбридж-Стюарту было знакомо это выражение лица: у него самого оно было таким, когда он только начинал сотрудничать с повелителем времени.

— Мистер Фонтэйн, Это Доктор, неоплачиваемый научный консультант UNIT. Доктор, это Стивен Джозеф Фонтэйн III, американский юрисконсульт UNIT.

— А, представитель профессиональных законников, — сказал Доктор, кивнув. — Это объясняет роскошный кабинет, книги на полке, и этот не очень удачный галстук. Как бы там ни было, бригадир, что такое стряслось, что вы меня вызвали?

Фонтэйн указал на Доктора и спросил:

— Это и есть ваш неоплачиваемый научный консультант?

Бросив на Фонтэйна предостерегающий взгляд, бригадир сказал:

— Позвольте объяснить, Доктор. Видите ли, было созвано слушание по поводу финансовых расходов британского подразделения UNIT. Боюсь, над нами нависла угроза расформирования из-за огромных счетов, к которым занимающийся финансами комитет очень равнодушен. До результатов слушания оборудование подразделения реквизировано, и военные ждут решения своей судьбы.

— Слушание о финансах? Бригадир, вы что, пытаетесь мне сказать, что устройство вызова, которое я вам дал с чрезвычайной неохотой, которое необходимо было использовать лишь в случае угрозы всему миру, было использовано для того, чтобы я пролетел через полгалактики ради каких-то слушаний?

— Доктор, я не это пытаюсь сказать.

Доктор нахмурился:

— Не это?

— Я не включал устройство вызова. Никто не включал — оно в числе оборудования, которое было реквизировано. Тем не менее, ваше прибытие — большая удача. Нам нужно, чтобы вы выступили сегодня во второй половине дня перед комитетом.

Фонтэйн, к которому, наконец, вернулась часть его самообладания, возразил:

— Простите, бригадир, но этот джентльмен выступать не будет.

— Вынужден согласиться с мистером Фонтэйном, бригадир. У меня есть более интересные способы потратить время, чем трепать языком перед бюрократами.

Бригадир стиснул зубы. Это был не первый раз, когда ему нужно было осадить этого повелителя времени, и вряд ли последний.

— Доктор, основной причиной того, что это слушание вообще созвали, являются несколько необычные статьи расходов, появившиеся благодаря неоплачиваемому научному сотруднику британского подразделения, и большинство из которых были для посторонних абсурдны, непостижимы, и необъяснимы.

— Необъяснимы? — Доктор стоял лицом-к-лицу с бригадиром. — Бригадир, всё, что я запрашивал, было важно, нет, даже критически важно для моих исследований!

— Как бы там ни было, Доктор, вы единственный, кто может обосновать эти расходы. И если вы этого не сделаете, то весьма возможно, что британское подразделение сочтут затратным и распустят.

Фонтэйн перебил его:

— Бригадир, я не могу допустить появление этого... этого... клоуна перед комитетом!

Понимая, что снова потерял самоконтроль, Фонтэйн сделал глубокий вдох и продолжил более спокойным тоном:

— Даже если он и сможет объяснить эти расходы, комитет не воспримет его всерьёз. Вы только послушайте его! Он только что спокойно заявил, что он из другой галактики.

— Из этой, вообще-то, — сказал Доктор и повернулся к Летбридж-Стюарту. — Хорошо, бригадир, раз вы так

настаиваете, я выступлю перед этим комитетом. Во сколько слушание?

— В 16:00 в здании ООН.

— А сейчас который час?

— Примерно 09:50.

— Отлично. Встретимся там, — Доктор прошёл двери и открыл её.

— Подождите секундочку, пожалуйста! — умолял Фонтэйн.

Доктор остановился на пороге и обернулся в сторону юрисконсульта:

— Что-то не так, мистер Фонтэйн?

— Если вы будете выступать, нам нужно поработать над вашими показаниями, проверить документальные подтверждения, посмотреть, что мы можем...

— Да, да, да, да, да. Я уверен, что есть тысячи вещей, которые мы можем сделать для оправдания вашей несомненно заоблачной зарплаты, однако необходимости в этом нет. Комитет задаст вопросы о запрошенном мною оборудовании, я отвечу на их вопросы, и на этом всё. Просто, хм? — и Доктор широко улыбнулся.

— Всё не так просто. Вы хоть представляете себе все юридические сложности?

Доктор шагнул за дверь:

— О, я их очень хорошо представляю, мистер Фонтэйн. Просто я решил не обращать на них внимание. А теперь, простите, но раз уж я в Нью-Йорке, то схожу посмотрю достопримечательности. Я не бывал в Музее Искусств Метрополитен уже... через пятьдесят лет.

Фонтэйн стоял с отвисшей челюстью, а затем крикнул Доктору вслед:

— А эта чёртова телефонная будка так и будет стоять у меня в кабинете?

Робин Омингтон посмотрел на часы. *Ну же, ну же, чёрт возьми, Холли, позвони мне. Скажи, что он прибыл.*

Успокойся. Успокойся. Сохраняй спокойствие. Мы же не хотим, что бы твой «работодатель» подумал, что что-то не так, правда? Так можно и легенду свою провалить. А мою легенду никто никогда не проваливает.

Строго говоря, это была неправда. Но Робин не хотел думать об этом. Это сводило его с ума, а он не мог себе позволить сходить с ума, потому что тогда он провалит свою легенду.

Почему-то всегда всплывал в памяти тот случай.

Всего один раз моё прикрытие было раскрыто. Всего один раз, ублюдок, но это меня разорило. Ты за это заплатишь. О, да.

Зазвонил телефон. Он схватил трубку:

— Робин Омингтон.

— Робин, это Холли. Что-то не так. Этот доктор появился (я не знаю, как он вошёл, через дверь он не проходил), в общем, он появился после того, как я нажала, как ты мне сказал, на кнопку, а потом он ушёл.

— Когда? — обеспокоенно спросил Робин. *Не мог он уйти, чёрт возьми, почему он ушёл?*

— Примерно три секунды назад. Мистер Фонтэйн и этот бригадир всё ещё тут.

— Чёрт, чёрт, чёрт! Он не должен был уходить!

— Я тоже так думала.

— Как ты могла позволить ему уйти?

— Что значит «позволить»? Я что, по-твоему...

— Ладно, проехали.

Мысли Робина работали на полную катушку. *Всё было так идеально, как всё могло пойти не так?* Затем у него появилась идея.

— Ты уверена, что это был он? — спросил он. — Как он выглядел?

— Я толком не успела рассмотреть лицо. На нём была большая шляпа, пальто, и странный шарф. Он...

— Да, это он. Один из «него», во всяком случае. Чёрт!

Это было так сложно организовать, а он всё испортил. Снова. Он всегда всё путает.

— Холли, а он ничего не сказал о том, куда он пошёл?

На том конце стало тихо, видимо, Холли задумалась над вопросом. *Это может на несколько часов затянуться,* — зло подумал Робин. Впрочем, неспособность Холли думать была именно той причиной, по которой он её и завербовал для этого задания. Она с готовностью поверила в его ложь о том, зачем ему нужно заманить Доктора.

И наконец:

— Кажется, он пошёл в «Мет».

И зачем я с ней связался?

— Холли, в десять утра опер не бывает.

— Да не в оперный театр Метрополитен, дурак, а в музей Метрополитен.

Робин выругал себя. *Разумеется, это не опера, болван.*

— Отлично. Я зайду минут через пятнадцать за устройством вызова.

— За чем?

— За синей штукой, которую я тебе дал, чтобы ты нажала на ней кнопку.

— А, поняла.

— До встречи, — не ожидая ответа, он повесил трубку.

Поверить невозможно! Всё же было подстроено.

Робин украл опечатанное оборудование Доктора и дал его Бетанкурту, чтобы тот сделал из него бомбу. Бетанкурту это не нравилось — его собственное оборудование было надёжнее — но Робин не хотел, чтобы у бомбы можно было бы отследить связь с кем-либо, кроме самого Доктора. Не то что бы Бетанкурту нужна была защита; в конце концов, друзья изготовителя бомбы в высших кругах пока что не давали ему попасть в тюрьму...

Затем Робин спрятал эту бомбу в зале совещаний. Холли воспользовалась украденным устройством вызова, чтобы вызвать Доктора в кабинет Фонтэйна для дачи показаний. После чего он должен был ничего не подозревая пойти в здание ООН и умереть ужасной смертью.

Как он того и заслуживает. Испортил мне всё, и теперь я застрял на простейшей работе по инфильтрации и наблюдению. Никаких повышений. Никаких добавок к зарплате. Застой. Чистилище. Мучение.

И всё это из-за Доктора.

Но теперь Доктор пошёл в музей Метрополитен. А значит он, наверное, придумал какой-то повод, чтобы не давать показания. Ну что же, в таком случае придётся мне всё сделать самому. Он выдвинул ящик стола. Там был револьвер, который он раздобыл в качестве подстраховки. Его начальство никогда не доверяло ему оружие. В конце концов, его работа преимущественно состояла в наблюдении. А оружие выдавалось другим.

Если бы не Доктор, у меня был бы свой пистолет. Я был бы одним из тех, кто ходит с пистолетом. Но нет, я просто

рядовой штик, и буду им всегда, Доктор. Ты за это заплатишь. Дорого заплатишь.

Сообщив своему якобы начальнику, что ему перед предстоящими слушаниями необходимо побывать в нескольких местах, Робин вышел из здания ООН и пошёл в фирму «Ниссен Гибсон Фонтэйн», чтобы забрать устройство вызова. *Как и в случае с бомбой, не стоит оставлять улики.*

— О да, отлично, — Робин слышал, как Доктор обращался к кому-то, рассматривая резьбу на стене храма Дендур. — Вы знаете, — сказал он пожилой даме, случайно проходившей мимо, — они собирались упростить работу за счёт того, чтобы в виде сбоку рисовать только одну ногу, но я им сказал: «Что за глупости? На плоскости? В таком стиле? Нужно изображать обе ноги, иначе будет впечатление, что у людей всего по одной ноге!»

Робин скрипел зубами, читая табличку возле статуи аллигатора, расположенной во рве, окружавшем в музее храм. Так продолжалось уже почти два часа. Вначале, в крыле современного искусства, Робин застал Доктора за рассказом о том, как он сказал Жорж-Пьеру Сёра не использовать так много точек. Затем, в коллекции оружия и доспехов, он упомянул, что при его встрече с Карлом V тот никогда не надевал ничего настолько разукрашенного. Затем, в крыле американской истории, Доктор объяснил посетителям, что им следует пользоваться моментом, потому что не более чем через семьдесят пять лет всё это крыло разрушится.

А теперь он стоял и разглагольствовал о своих советах древним египтянам, построившим храм Дендур.

Больше я так не могу. Не могу. Он должен умереть прямо сейчас. Сейчас же.

Но он сдержался. Привлечь к себе внимание в музее, где полно людей, было бы ошибкой. Стрельба внутри Метрополитена вызвала бы кучу проблем, и сбежать было бы почти невозможно.

Вы только послушайте его! Трещит и трещит без умолку в этом своём дурацком шарфе, и даже не потеет, хотя середина лета, а вокруг столько людей, и он всё испортил, и ему на это наплевать, стоит себе и любитесь искусством.

Может быть, это будет ошибкой. Но в данный момент мне на это плевать.

Доктор был возле саркофага, стоявшего у большого окна на всю стену. Это окно, выходящее на Центральный Парк, занимало всю северную стену этого выставочного зала на первом этаже. Робин приближался к Доктору медленно, понимая, что тому некуда будет бежать, кроме как на Робина.

Здесь. Всё закончится здесь. Хватит ждать. Хватит планировать. Пора ему умереть.

За три метра от Доктора он вынул пистолет.

Не было помещения. Не было храма. Не было саркофага. Были только Доктор, Робин, и пистолет Робина.

На его бровях скопился пот, но он не обращал внимания.

Он прицелился.

Руки у него дрожали, он старался успокоиться.

Кто-то закричал.

Он нажал на курок.

Пуля не задела Доктора, а попала в окно позади него. Раздался странный грохот, а не звон, который Робин ожидал услышать от разбитого стекла.

Раздались ещё крики, люди бросались на пол.

Громко зазвенела тревога.

Один из охранников в синей форме — пожилой человек, не страшнее блохи — побежал к Робину.

Доктор повернулся к нему. Он что-то сказал, но из-за монотонно повторяющегося звона тревоги Робин ничего не расслышал.

Робин выстрелил ещё раз. Эта пуля тоже пролетела мимо, отскочив от каменного саркофага в окно.

Снова странный грохот.

На телевидении это выглядит гораздо проще, — подумал Робин, стараясь прицелиться точнее. Руки у него дрожали ещё сильнее, чем раньше, ему нужно было взять себя в руки.

После стольких лет нельзя всё испортить.

Доктор развернулся и побежал прямо к окну, к той его части, которая треснула из-за двух выстрелов Робина. На бегу он оборачивал ладони шарфом.

О нет! — подумал Робин, когда понял, что у Доктора был ещё один выход — в окно! Робин побежал следом, задержавшись лишь для того, чтобы пнуть охранника локтем в живот.

Тревога продолжала звенеть. Люди продолжали орать. Пот начал застилать Робину глаза.

Защитив свои руки шарфом, Доктор с разбега прыгнул на ослабленное стекло. Стекло разбилось, и Доктор выбежал в Центральный Парк.

Выругавшись, Робин вытер пот со лба, выстрелил ещё раз (снова мимо) и побежал догонять Доктора, а за ним следом побежали несколько охранников.

Бежал бы он за кем-то другим, он бы уже, наверное, потерял его в зелёном парке, где было полно людей, которые загорали, гуляли, бегали, катались на роликах. Но Доктора с его манерой одеваться выследить было просто.

Какое-то время Робин бежал за Доктором на запад, а затем на юг по асфальтовой дорожке, идущей за музеем. Доктор рванул к Игле Клеопатры, а потом через Большой Газон, но Робин не сдавался. Он не мог. После стольких лет.

Когда они были на Газоне, Робин снова выстрелил. Снова промахнувшись, Робин решил списать это на то, что и он, и его цель были в движении.

Множество людей вокруг них не обращали внимания на то, что один человек гнался за другим, но когда Робин выстрелил, кто-то закричал, кто-то побежал, а кто-то одновременно и закричал и побежал. Робин не обращал на это внимания.

Доктор продолжал бежать, пересекая поля для софтбола, во множестве имевшиеся на Газоне (на некоторых из них в это время играли), направляясь к озеру Бельведер. Гнавшегося за ним Робина попытался остановить один из игроков в софтбол, но Робин отбил его от себя, не останавливаясь.

Никто не станет между нами, Доктор.

Только бы мне догнать тебя. У него осталось всего два патрона и, как теперь было понятно, он умел попадать в цель только стреляя в упор.

Доктор продолжал бежать к заросшему водорослями озеру. *Боже мой, он же не собирается в него прыгнуть?* Но нет, Доктор свернул влево, чтобы оббежать озеро. Робин продолжал гнаться за ним, то и дело вытирая пот со лба. *Не надо было надевать в такую жару пиджак, — думал он, — но надо же было как-то спрятать пистолет. Осложнения, всегда какие-то осложнения.*

Его цель бежала вокруг озера. Если он и дальше так будет бежать, то по асфальтированной дорожке поднимется к Замку Бельведер, расположенному над озером и Большим Газоном.

Отлично. Всё это началось именно в замке. Значит, и закончится тоже в замке.

И действительно, Доктор побежал прямо по дорожке, ведущей к замку, который сейчас служил метеостанцией и площадкой, с которой открывался красивый вид на парк. Если Робину повезёт, Доктор забежит в тупик, и там ему уже никуда не деться.

Как и ожидалось, Доктор резко свернул вправо и упёрся в небольшую стенку, за которой был обрыв над озером.

Там толпились люди, наслаждавшиеся открывающимися сверху видами и читающие таблички с описанием маленького замка. Робин выстрелил в воздух, чтобы привлечь к себе внимание, а затем закричал:

— Убирайтесь все отсюда, немедленно! Он навёл пистолет на Доктора. — Кроме тебя.

Большинство людей убежали. Двое молодых людей, похоже, не собирались:

— Йоу, в чём дело?

Робин навёл на них пистолет:

— Я сказал убирайтесь!

Оба парня подняли руки и медленно ушли, ругаясь вполголоса.

— Простите, можно мне слово сказать? — спросил Доктор.

— Если хочешь. Или можешь развернуться и спрыгнуть — мне легче будет.

— Пожалуй, я не стану. Мне никогда не нравилось падать с большой высоты. То есть, сами-то падения вполне ничего, но эта резкая остановка в конце весьма непри...

— Заткнись! Ты всегда говоришь, говоришь, говоришь.

— Я не всегда говорю, нет. Иногда я задаю вопросы. Например, при данных обстоятельствах мне на ум приходит вопрос «За что?»

У Робина отвисла челюсть:

— За что? У тебя хватает наглости спрашивать за что?

Доктор пожал плечами:

— Это первое, что приходит на ум, когда по тебе ни с того ни с сего начинают стрелять.

— Ты что, не помнишь меня? После того, как в замке намеренно натравил на меня охрану?

— Нет в этом замке никакой охраны.

Робин закатил глаза. Он тупой, как Холли.

— Да не в этом замке, болван, а в замке Трентиллис!

— Что, в доме старины Дэвида Госторпа?

У Робина расширились глаза:

— Вспомнил!

— Что вспомнил?

— Замок! — прорычал Робин. — Женщина погибла! Натравил на меня охранников! Девочка! Вся моя работа по скрытому наблюдению коту под хвост!

— Простите, но я не помню. Быть может, вы меня с кем-то путаете. Говорят, у меня лицо такое.

— Заткнись! — закричал Робин, направив пистолет прямо Доктору в висок. — Это был ты! Лицо у тебя было другое, но я читал твоё досье: тебе часто делали косметические операции. И не рассказывай, что ты не помнишь! Ты испортил мне карьеру. Два года я расследовал дела, которые вёл Дэвид Госторп, а ты всё испортил, сказав охране, что человек за углом им поможет. Они меня допрашивали целый час, и моя легенда накрылась. Ты хоть представляешь себе, что это значит? После этого у меня были только сраные наблюдение и работа под

прикрытием. Простая фигня, которую поручают новобранцам. И только когда мне поручили работать под прикрытием в ООН, я обнаружил файлы UNIT, включая твои досье.

— Юнит? Это какая-то единица измерения?

Робин заморгал:

— Что ты мне лапшу на уши вешаешь! Ты с UNIT много лет сотрудничал!

— А, то есть это какая-то организация? — с понимающим видом сказал Доктор.

Но это же невозможно, — подумал Робин. — Он не может не знать о UNIT. Просто, блин, не может!

— Думаешь, будешь тут под дурачка косить, да? Не выйдет. Думаешь, ты здесь случайно оказался? — он вынул из кармана устройство вызова. — Это я вызвал тебя сюда этим прибором! Это я привлёк внимание комитета к твоим запросам!

— Запросам? Боюсь, я понятия не имею о чём вы. Быть может, вы...

Да сколько же можно, чёрт возьми!

— Я знаю, что ты тут из-за слушания в ООН, потому что это я тебя на него вызвал! И это я воспользовался твоим оборудованием, чтобы изготовить бомбу и установить её в комнате, где будет проходить прослушивание, чтобы ты, наконец-то, заплатил за то, что сделал! Но нет, ты не мог просто пойти на чёртовы слушания и взорваться, тебе нужно было разгуливать по чёртовому музею и убеждать всех в том, что ты псих. Ведь только это ты всегда и делаешь, да?

— Что, убеждаю всех в том, что я псих?

— Нет! Ты всё портишь!

Робин уже охрип от крика. Его дыхание участилось. *Всё пошло совсем не так. Он должен был просить пощады, а не...*

— Ни с места!

Робин обернулся и увидел двух полицейских, оба держали его на мушке.

— Ни с места, сынок, — сказал темнокожий коп, у которого на значке было написано «Хокинс». — Опустить чёртову пушку, и никто не пострадает.

Светловолосый полицейский по имени Дрю посмотрел на Доктора:

— У вас всё в порядке, сэр?

— Да, чудесно, просто беседуем с этим приятелем.

Робин не верил своим ушам. *Надо было просто пристрелить его, пока у меня был такой шанс. Но когда он начал своё...*

И тут до него дошло. Трюк. *Это был трюк.* Доктор заставил Робина всё ему рассказать, и задержал настолько, что прибыла полиция. *Самый старый трюк, и я на него купился.*

Не сводя мушки с головы Доктора, он сказал:

— Офицеры, это официальное правительственное расследование. Это за пределами ваших полномочий. Этот человек чрезвычайно опасен.

Хокинс сказал:

— Если у него хреновый вкус по части одежды, то это ещё не значит, что он опасен. Пожалуйста, опустите оружие.

— Вы не понимаете, что делаете.

— Я говорю вам опустить оружие, сэр. Немедленно.

Но не сейчас, когда я так близок!

— Сэр, в последний раз прошу вас опустить оружие.

Робин резко повернулся к офицеру, не выпуская из рук пистолет.

Поздно: Робин понял, что направил пистолет на Дрю, и стало абсолютно ясно, как на это прореагируют оба офицера.

Дрю и Хокинс открыли огонь раньше, чем он успел опустить пистолет.

Затем всё почернело.

Когда офицеры полиции выстрелили в преследователя, Доктор застонал. Как только человек упал, Доктор подбежал к нему.

— Сэр, не трогайте его, он...

— Находится в коме, — сказал Доктор, не поднимая взгляда.

У мужчины в правой руке всё ещё был пистолет, а в левой — устройство вызова. Доктор взял устройство и положил в свой карман.

Светловолосый офицер схватил его за руку:

— Сэр, вы взяли улику.

— Я забрал свою вещь. Уверяю вас, вы всё равно не знаете, что с ней делать, а мне она может пригодиться. Этот человек только что сказал мне, что он оставил бомбу в здании ООН.

— Что? — спросил второй офицер. — Слушайте, боюсь, что нам придётся отвезти вас в участок, чтобы разобраться со все...

— Нет времени! — прошипел Доктор. — Он сделал бомбу из моего старого оборудования. Вы хоть понимаете, что это значит? Хм?

— Хм, нет, я не понимаю, я...

— Послушайте, офицер... — он посмотрел на значок, — Хокинс, у меня нет времени беседовать с вами. Есть бомба, мне её нужно обезвредить. Который сейчас час?

Хокинс моргнул и покачал головой:

— Что?

Другой ответил:

— Без двадцати четыре.

— Значит, времени почти нет. Мне нужно бежать.

Он повернулся и побежал, затем, вспомнив, обернулся:

— Если хотите быть полезным, офицер, свяжитесь с сапёрами и скажите, чтобы они ехали в ООН. Это может быть очень важно.

— Минуточку!

Но Доктор убежал. Он боялся, что два офицера могут погнаться за ним, но они, похоже, поверили его рассказу — светловолосый орал что-то в радио. Для Доктора это было облегчением: он ожидал, что его будут держать на мушке так долго, что будет слишком поздно.

Приятно всё-таки, что иногда для разнообразия случается иначе.

Он побежал в сторону Пятой Авеню в поиске такси.

Бригадир, сидя на скамье у двери в зал, в котором проходили слушания, уже в восьмой раз за последние пять минут посмотрел на часы. *Спокойнее, Летбридж-Стюарт*, — говорил он сам себе. — *Доктор придёт. Кроме того, Фонтэйн ещё не закончил предварительное выступление.*

Но Доктор опаздывал. И это беспокоило бригадира. Доктор умел быть пунктуальным, но часто отвлекался. Иногда это затягивалось на несколько дней. И обычно это было из-за чего-то, угрожавшего самому существованию человечества... или даже всего космоса.

И тогда бригадир улыбнулся. *Интересно, как бы прореагировал Фонтэйн, если бы я ему сказал, что Доктор не может явиться из-за того, что отражает атаку Йети на Эмпайр Стэйт Билдинг*, — подумал он. С тех пор, как

бригадир вышел на пенсию, к нему вернулось то озорство, которого у него не было с окончания школы.

Большие дубовые двери раскрылись, и из зала заседаний вышел Фонтэйн. Его губы улыбались, но в глазах юрисконсульта была вовсе не улыбка. В его глазах был страх.

— Что же, бригадир, предварительные слушания закончились. Я вызвал для дачи показаний Доктора, — улыбка пропала, и перепуганным стало всё лицо. — Он что, ещё не пришёл?

— Боюсь, что нет, — признался Летбридж-Стюарт. — Но я уверен, что он появится с минуты на минуту.

На нижнюю половину лица вернулась улыбка:

— Хорошо. Да, это будет превосходно. Просто чудесно. Да.

Фонтэйн непонятно зачем похлопал в ладоши и начал ходить туда-сюда. Так он себя вёл весь день с тех пор, как ушёл Доктор. Пока они просматривали разнообразные документы, Фонтэйн время от времени замолкал и просто смотрел на ТАРДИС Доктора, а затем продолжал с середины предложения, как будто и не отвлекался. Поэтому их обсуждение было весьма несвязное.

— А, замечательно, бригадир, вы тут. Я на это надеялся. Сапёры уже прибыли?

Обернувшись, Летбридж-Стюарт увидел торопливо идущего Доктора, за которым шли несколько солдат ООН. У Фонтэйна расширились глаза:

— Сапёры?

— Что вы такое говорите, Доктор?

Один из солдат сказал:

— Этот человек утверждает, что в зале заседаний бомба, сэр.

— В таком случае, скорее всего, она там есть, — сказал бригадир.

— Конечно, она там есть, — раздражённо сказал Доктор.
— Так что не будем терять время. Я полагаю, — указал он на двойную дверь, — что зал заседаний там?

Фонтэйн начал:

— Да, комиссия...

— Отлично, — прервал его Доктор и пошёл напрямик к двери.

— Постойте, нельзя вам туда просто так зайти без...

Бригадир вздохнул и повернулся к одному из солдат:

— В приёмной смогут объяснить сапёрам куда идти?

— Да, смогут, сэр, но...

— Хорошо. Советую вам начать эвакуацию, — он повернулся и пошёл вслед за Доктором в зал заседаний.

В дальней части зала стоял длинный стол, за которым сидели семеро мужчин и женщин различных национальностей. Бригадир предположил, что они и есть комитет. За все свои годы службы он ни разу их не видел. Он же, в конце концов, подчинялся штабу UNIT в Женеве. Однако штаб UNIT подчинялся этим людям. *Всегда найдётся ещё более вышестоящая инстанция*, — подумал он.

Доктор стоял в центре комнаты, держа в правой руке какое-то устройство. Члены комитета возмущались.

Не отрывая взгляд от своего прибора, Доктор сказал:

— Дамы и господа, прошу прощения за неудобство. Я Доктор, я должен сегодня давать перед вами показания, но, боюсь, в силу более неотложных проблем я должен... Ага! — он оборвался, потому что его устройство запищало.

Он подошёл к женщине, сидевшей у левого торца стола.

— Простите, мадам, но боюсь, я вынужден попросить вас встать. Видите ли, под вашим стулом бомба.

Женщина быстро встала. Остальные шестеро членов комитета очень проворно последовали её примеру.

Доктор опустился на колени и, перевернув стул, увидел странное устройство. В этот момент в зал зашла группа мужчин и женщин в чёрной униформе во главе с кучерявым блондином, на чёрной кепке которого было вышито «NYPD».

— Прошу всех покинуть этот зал.

Глава комитета — невысокий джентльмен из Индии — растерянно спросил:

— Простите, а кто вы?

— Лейтенант Боттрофф, сапёры полиции Нью-Йорка. Мы получили сообщение, что в здании ООН заложена бомба, и из приёмной нас направили сюда. Сказали, что кто-то важный предупредил их о нашем прибытии. Сейчас мои люди выведут всех из здания, и мы займёмся поиском и обезвреживанием.

— Хорошо, — сказал председатель комитета и быстро пошёл к выходу.

За ним, в сопровождении людей Боттроффа, последовали другие члены комитета, секретари, стенографистка, Фонтэйн, и другие.

Бригадир остался, Доктор, разумеется, тоже. Вообще-то, повелитель времени ещё даже не заметил существования Боттроффа.

— Простите, — сказал Боттрофф, нагнувшись над стоящим на коленях Доктором.

— Если ваше дело не неотложное, боюсь, я вынужден попросить вас подождать. Я занят весьма деликатным делом.

— Сэр, в этой комнате может быть бомба, и я должен...

— Я знаю, что тут бомба! — Доктор по-прежнему не смотрел на Ботроффа, сосредоточившись на своём занятии. — Что я, по-вашему, пытаюсь тут обезвредить?

У Ботроффа расширились глаза, он схватил Доктора за плечо и повернул повелителя времени лицом к себе:

— Сэр, простите, но я не могу позволить гражданским заниматься этим.

— Гражданским? — возмутился Доктор.

Лейтенант поднял пистолет:

— Прошу вас, сэр, не заставляйте меня применять силу. Мэк, — сказал он одному из других офицеров, — проверь эту штуку.

— Да, сэр, — сказал офицер и немедленно присел возле стула.

— Знаете, мне уже начинает надоедать, что у меня перед носом оружием размахивают, — сказал Доктор.

— Хватит уже, — сказал Ботрофф.

— Прошу вас, — решил вмешаться бригадир. Тем тоном, который никогда его не подводил за всю военную службу, он сказал Ботроффу: — Достаточно, лейтенант.

Ботрофф повернулся к бригадиру:

— А вы ещё кто такой?

Указав на висящее на его лацкане пиджака удостоверение, тот ответил:

— Я бригадир Алистер Летбридж-Стюарт, спецподразделение разведки ООН. Этот человек — Доктор, один из наших лучших учёных. Поскольку мы находимся в здании ООН, мы на международной земле, за пределами вашей юрисдикции. Как старший среди присутствующих военных ООН, я беру командование на себя.

— Ёшкин кот! — сказал Ботрофф, закатив глаза. — Послушайте, сэр, всё, что я хочу — обезвредить бомбу. Если вы и ваш этот Тулуз-Латрек хотите посмотреть — ради бога. Но...

— Лейтенант! — обратился молодой офицер, осматривавший бомбу.

— Что, Мэк?

— Сэр, я не знаю половину этих приборов, но тут определённо есть взрывчатка. И ещё, сэр... Это делал Бетанкурт.

Ботрофф скривился:

— Уверен?

Мэк кивнул.

Летбридж-Стюарт спросил:

— Вы знаете этого Бетанкурта?

Лейтенант кивнул:

— Тот ещё мерзавец. Он бомбист, один из самых регулярных наших «клиентов». Уже сколько лет мы пытаемся его посадить, но никак не удаётся. Я подозреваю, что ему помогает кто-то очень влиятельный.

Бригадир нахмурился. Он предположил, что Ботрофф подразумевает помощь правительства. Он знал не понаслышке, что иногда разведывательные управления нанимали людей для изготовления бомб, даже если у тех были судимости. Ему это никогда не нравилось.

Ботрофф тем временем повернулся к Мэку:

— Как долго?

— До взрыва? Пятнадцать минут.

— Я имел в виду на обезвреживание, — нетерпеливо сказал Ботрофф.

— Чёрт его знает, сэр. Я же сказал, я не знаю половину деталей. Может быть, пять минут займёт, а может — три дня.

— Лейтенант, — сказал Доктор, — я знаком с этими деталями. Позвольте мне продолжить изучение бомбы.

В тихом голосе Доктора слышалась лёгкая угроза. Летбридж-Стюарт знал, что такая интонация появляется у Доктора лишь тогда, когда дело плохо.

— А если я не позволю?

— Тогда через пятнадцать минут бомба взорвётся, и мы все погибнем.

Ботрофф вздохнул:

— С этим не поспоришь. Приступайте.

— Спасибо.

Доктор снова опустился на колени возле бомбы, изучая её тем же устройством, которым сканировал комнату. Ботрофф тем временем отдавал приказы об эвакуации; несколько его подчинённых ушли исполнять.

Затем Доктор достал свою звуковую отвёртку (бригадир не удержался и улыбнулся: он этот аппарат Доктора уже много лет не видел). Услышав её высокий писк, полицейские напряглись и потянулись к оружию, но бригадир заверил их, что всё в порядке:

— Доктор просто изучает бомбу.

— Ага... — неуверенно сказал Ботрофф.

— О боже!

— В чём дело? — спросил Летбридж-Стюарт.

Доктор встал и посмотрел на бригадира и лейтенанта:

— Похоже, этот ваш Бетанкурт перестарался.

Ботрофф медленно переспросил:

— Что вы хотите этим сказать?

— Это оборудование, с помощью которого я пытался восстановить контур дематериализации во время моей ссылки. Он связан со взрывным зарядом.

Ботрофф повернулся к бригадиру:

— Что он только что сказал?

— Что это значит, Доктор? — потребовал Летбридж-Стюарт.

— Это значит, что когда бомба взорвётся, она уничтожит всю Солнечную систему...

— Что?!

— ...на промежутке тысячи лет.

Внезапно к бригадиру вернулись его утренние мысли: *Оба раза, когда я, так сказать, встречался с Доктором «не по порядку», под угрозой были всё пространство и время.*

— Неполадка в контуре дематериализации была такова, что ТАРДИС разорвало бы на части и размазало бы по периоду в тысячу лет. Если я её не обезврежу, вся эта звёздная система прекратит существовать в 1000-ом году. И опустошение, нанесённое пространственно-временному континууму, будет просто невообразимым.

— Как такое мог сделать обычный американский бомбист? — спросил бригадир.

— Я не думаю, что он понимал, что делает, бригадир. Но теперь это уже не важно. Не думаю, что я смогу это обезвредить при помощи имеющегося под рукой оборудования. А времени, чтобы сходить в кабинет Фонтэйна за ТАРДИС, нет.

Бригадиру пришла в голову идея:

— Можно воспользоваться устройством вызова! Оно сейчас опечатано, но я уверен, что мы сможем...

— Вообще-то, оно при мне, — сказал Доктор, вынимая его из кармана. — Его украл тот же человек, который подложил тут бомбу. Он воспользовался устройством вызова, чтобы вызвать меня в кабинет Фонтэйна. В любом случае, оно теперь не поможет. Устройство вызова излучает ТАРДИС сигнал, на который та может навестись... но для этого кто-то должен быть на борту ТАРДИС, чтобы она... — он замолк, уставившись на устройство вызова, затем поднял голову, и широко-широко улыбнулся. — Точно! Бригадир, вы гений! — и он снова опустился на колени возле бомбы.

Ботрофф повернулся к Летбридж-Стюарту:

— Я потерял нить этих рассуждений примерно десять шагов назад.

— Боюсь, я продвинулся не намного дальше, — признался бригадир. — Доктор, что вы делаете?

— Устройство вызова, — объяснял Доктор, разбирая устройство, — передаёт сигнал в пространстве и времени, чтобы найти ТАРДИС. Если я настрою его на конкретные пространство и время, и подключу его к контуру дематериализации, то смогу отправить устройство куда-нибудь в другое место.

Ботрофф снова посмотрел на бригадира:

— Вы что-нибудь из этого поняли?

— Вообще-то, да.

Настолько хорошо понял, — подумал он, — что даже увидел в этом проблему.

— Доктор, а разве вы не сказали, что этот контур дематериализации неисправный?

— Ваша ошибка в том, бригадир, что незначительные детали мешают вам видеть ситуацию в целом.

— Вы не ответили на мой вопрос, Доктор.

— Ага!

Бригадир слышал визжащий звук, похожий на звук дематериализации ТАРДИС, только более высокий.

— Что «ага»? — спросил Ботрофф.

— Смотрите, лейтенант, — сказал Доктор, показывая ему перевёрнутый стул; от бомбы там остались только обрывки проводов.

— Куда она делась? — нахмурившись, спросил Ботрофф.

— В девяносто второй век. Дальний уголок Галатики. Кусочек глубокого космоса, остававшийся ненаселённым и непосещаемым на протяжении тысячелетий. Заверяю вас, её взрыв никто даже не заметит.

Ботрофф моргнул. Он открыл рот, закрыл его, снова открыл, и, в конце концов, сказал:

— Ну и чёрт с ней. Мэк, командуй отбой. Пошли отсюда.

В течение получаса Ботрофф со своими людьми ушли, а комитет, Фонтэйн, и остальные вернулись — их заверили, что угроза миновала.

Фонтэйн тут же заявил, что, если ни у кого нет возражений, следует продолжить с того места, на котором остановились: выслушать показания Доктора.

Несколько членов комитета сказали, что с учётом угрозы взрыва следует отложить слушания, но Фонтэйн возразил:

— Мне кажется, что это нецелесообразно, и даже опасно. Как мы сегодня узнали, наша планета каждый день сталкивается с уникальными опасностями. Каждая секунда, во время которой британское подразделение UNIT закрыто в ожидании результатов слушаний, это секунда, в течение которой это подразделение не может бороться с одной из этих опасностей. К тому же, Доктор весьма занятой человек, и заставлять его ожидать сутки после того, как он столь любезно

обезвредил бомбу, угрожавшую нашей жизни, как минимум невежливо.

Бригадир улыбнулся, размышляя над тем, как легко адвокаты используют для своей выгоды неблагоприятные обстоятельства.

К концу вечера Доктор с облегчением узнал, что ответил на все вопросы комитета. Члены комитета явно поняли лишь небольшую часть подробностей, но, в сумме со стопками документов, видеозаписями, и другими материалами, предоставленными Фонтэйном, они признали необходимость всех расходов.

Разумеется, — размышлял Доктор, — любой здравомыслящий человек понял бы эту необходимость без всяких слушаний. Жаль, что комитеты редко состоят из здравомыслящих людей.

На следующий день комитет официально объявил результаты слушаний: необходимости расформировывать британское подразделение нет, поскольку их статьи расходов, хотя и эксцентричные, были более или менее оправданы, и в дальнейшем расследовании необходимости нет.

— Что же, до свидания, бригадир, — вскоре после этого сказал Доктор, стоя в кабинете Фонтэйна рядом с ТАРДИС, и пожимая руку Летбридж-Стюарту. — Рад был снова оказаться полезным.

— Мне тоже было очень приятно, Доктор.

Повернувшись, чтобы пожать руку Фонтэйну, Доктор сказал:

— И позвольте заметить, мистер Фонтэйн, что ваша работа была безупречной.

— Я, хм... Что же, спасибо, — Фонтэйну было трудно отвести взгляд от ТАРДИС. — Рад был познакомиться, — он перестал пожимать руку и шагнул назад.

Широко улыбаясь, Доктор вошёл в ТАРДИС и улетел.

Когда его корабль удалялся от Земли, он заметил сигнал. Казалось, что это был сигнал от ТАРДИС! Потом он понял, что это был сигнал от устройства вызова, несущегося сквозь пространство и время, унося в далёкое межзвёздное пространство взрыв. Не было никаких сомнений, что кто-то в будущем мог на него наткнуться.

Доктор на секунду задумался, размышляя о долгосрочных последствиях того, что он сделал. Последствия, разумеется, будут; они всегда были. Но он же повелитель времени, а не адвокат — такие последствия были не в его компетенции.

Или в его?

Покачав головой, словно прогоняя муху, он задал координаты нового путешествия.

ЧУЖИЕ И ХИЩНИКИ

Колин Брэйк

Сигнал не пропадал; его импульсы приходили из далёкой звёздной системы, которая была местом следования гигантского корабля. Даже в самом разгаре сражения автоматическая навигационная система этого корабля ни на секунду не упускала драгоценный путеводный сигнал. А сражение было жарким.

Этот гигантский космический корабль назывался просто: «Надежда». Это простое слово говорило о его предназначении больше, чем могло сказать любое официальное заявление, но перед ним, словно призрак, мерещилось прилагательное «последняя», никогда не произносимое, никогда не нуждающееся в написании, понятное и так.

За более чем восемьдесят лет непрерывного движения корабль достиг районов космоса, которые были очень удалены от населённого центра вселенной. Здесь карты теряли свою точность; большие пространства были помечены как «компьютерная экстраполяция», подобно тому, как на древней Земле картографы когда-то писали «здесь водятся чудовища». Местные звёздные системы были самой гранью периферийных миров, границей изведанного космоса.

Но даже здесь команда гигантского звездолёта «Надежда» была не одна, и не была в безопасности. Здесь, как и ранее в этом длинном и одиноком путешествии, хищники охотились на них, прельщаясь многими сокровищами, находящимися в огромных трюмах корабля.

Называть его космическим кораблём было преуменьшением. Он был огромен, смутно напоминал

насекомое, и состоял из нескольких соединённых друг с другом сфер диаметром по несколько сот миль. Вся поверхность корабля была покрыта выступающими над ней приборами и двигателями. Превосходящий по размеру небольшую планету или луну, являющийся, по сути, комплексом искусственных мини-миров, созданных по передовым технологиям, корабль двигался по чёткому, контролируемому курсу.

Тишину глубокого космоса лучше всего можно оценить во время войны. Даже без звуков космическое сражение очень шумно: полно крика и ярости, красивой оргии разрушения. Это нападение не было первым, с которым столкнулась «Надежда», и оно не будет последним. Быстрые вражеские штурмовики, которым, казалось, не было числа, роились вокруг звездолёта со всех сторон, залп за залпом выпуская смертоносные ракеты. Оборонная система космического корабля, автоматизированная и смертоносно эффективная, вела учёт каждой бомбардировки и методично отвечала на вражеский огонь залпами своего оружия. Несмотря на ошеломительную численность атакующего флота, гигантский корабль не сдавался. Медленно, корабль за кораблём, флот налётчиков уничтожался.

Экипаж «Надежды» состоял всего лишь из шестерых, но они справлялись со своими обязанностями. Почти все системы обороны были автоматизированы, и на экипаж были возложены лишь функции поддержки, проверка распределения энергии, наблюдение за текущими ремонтными работами, анализ данных от боевых компьютеров. Экипаж состоял из шестерых стражей, для которых делом чести было защитить их ценный груз. Любой ценой.

На капитанском мостике гигантского корабля главный страж — Нарт — следил за ходом битвы. Где-то во тьме глубокого космоса был материнский корабль, породивший эту

бесконечную жестокую орду — корабль, почти равный по своему размеру этому. Он гнался за ними, идя по следу, уже много лет. Эти хищники были одной из самых злых, ужасных, жестоких рас в известной Вселенной: опаснее, чем далеки, страшнее, чем сонтаране, безжалостнее, чем киберлюди. У них не было имени, их звали «Другие».

— О божечки, божечки! — гуляло по коридорам эхо голоса Доктора, более возбуждённого, чем обычно.

На камбузе (как это место временами называл Доктор) Джейми МакКриммон повернул голову на голос. Для Джейми Доктор был больше, чем друг или спутник; он был немного отцом, немного братом, немного чародеем, немного Богом. При всей его непостижимости, неуверенности, и раздражающей склонности паниковать, Доктор, по абсолютной уверенности шотландца, мог выжить в любой ситуации, и найти решение любой проблемы. Рано или поздно.

Но что касается коротких промежутков времени, то Джейми придерживался древней мудрости, гласившей, что если что-то может пойти не так, оно пойдёт не так. Поэтому при первом же беспокойном крике Доктора Джейми выронил похожий на шоколад батончик, который ему репликатор пищи выдал в ответ на запрос ростбифа, и помчался к консоли. Доктору, возможно, нужна помощь.

Находившаяся где-то в бесконечных коридорах ТАРДИС Зоуи Хериот — блестящий астрофизик из двадцать первого века — тоже мгновенно прореагировала на крик Доктора.

У Зоуи опыт путешествий с Доктором был меньше, чем у Джейми, но у неё было преимущество над шотландцем как минимум по двум пунктам. Во-первых, она гораздо лучше него

разбиралась в технологиях, и была способна понять и оценить гораздо больше чудес Вселенной, к которым доставляли их Доктор и ТАРДИС. Во-вторых, хотя она и доверяла Доктору, втайне она считала, что большую часть времени это он нуждался в её помощи, а не наоборот.

Она бросила свои дела (перепрограммирование найденного где-то планшета для обработки данных), и побежала к консоли.

Члены экипажа «Надежды» назывались стражи, потому что они были хранителями огромных трюмов похожего на планеты корабля. Содержимое корабля было музеем того, что осталось от некогда великой человеческой расы. Люди были одними из ключевых игроков во Вселенной, широко распространив своё влияние на протяжении десятков тысяч лет, но теперь почти все они вымерли.

Последние люди чувствовали потребность, или даже обязанность, сохранить, насколько возможно, свою обширную культуру. Последние ресурсы своего рода они потратили на то, чтобы прочесать всю Вселенную, собирая, спасая и каталогизируя реликвии человеческих достижений. Были собраны произведения искусства всевозможных видов: книги, исторические документы, здания, и другие конструкции с давно потерянной родной планеты — Земли — и со многих других планет, ставших домом для человеческой расы. Все эти реликвии были аккуратно сложены в трюмах «Надежды», которая с этим грузом отправилась в долгое и отчаянное путешествие. Направление полёта было предметом очень жарких споров, пока не был обнаружен загадочный радиосигнал из глубокого космоса. Компьютерная дешифровка этого сигнала была успешной лишь отчасти; инопланетная физика, которая его сгенерировала, была почти непонятной, но

часть сообщения стала ясна. Он указывал дорогу домой, обратно на давно утерянную Землю, где можно было начать всё сначала.

Если удастся туда добраться.

Бушевала битва; оборонительная система плевалась смертельным огнём, уничтожая штурмовые корабли флота Других. Пространство вокруг гигантского корабля было усеяно плодами войны: трупами и обломками. Один из обломков, проигнорированный сенсорами, дрейфовал — на первый взгляд безобидно — в направлении оболочки одной из сфер. При обычных обстоятельствах такого рода космический мусор мгновенно был бы уничтожен системой обороны, но сейчас все боевые компьютеры были заняты уничтожением вражеских штурмовиков, и для отслеживания обломков свободных систем не осталось. Настоящая абордажная команда врага медленно дрейфовала к кораблю, спрятавшись в останках штурмовика. После контакта с «Надеждой» они вышли из анабиозных камер, как бабочки из коконов, и вцепились в корпус похожими на клешни руками, адаптированными именно для этого.

Быстро двигаясь, трое существ, составлявших абордажную команду, начали проделывать вход в корабль.

Пришельцы выглядели гуманоидами, но их унаследованные от млекопитающих черты были явно дополнены ДНК рептилий и других существ. Их глаза защищал двойной слой кожи с мелкими чешуйками, во рту были свирепого вида острые зубы и длинные раздвоенные языки. Хитиновые пластины, подобно панцирю, прикрывали их плечи и нижнюю часть туловища. Они были расой, созданной (в буквальном смысле слова) для боя. Для всех рас, населявших в этот период времени известную часть Вселенной, они были воплощением всего чужого: Другие. Служившие источником

миллионов кошмаров, Другие были завоевателями тысяч планет, которые они грабили и бросали.

Дополненные микросхемами органы чувств и продвинутые интерфейсы для подключения мозга к компьютерам, хирургически имплантированные в гиппокамп каждого Другого, позволяли им поглощать данные напрямик из их боевых компьютеров на машинных скоростях. Они были грозными противниками, и времени в бою не теряли.

Уже через сорок две секунды после их контакта с поверхностью корпуса «Надежды» они проникли вовнутрь.

В центральном отсеке ТАРДИС Доктор носился вокруг шестиугольной консоли, то и дело нервно щёлкая тумблером или нажимая очередную кнопку, временами останавливаясь, чтобы постучать по измерительным приборам, в общем, вёл себя как доисторический шимпанзе, наткнувшийся на большой чёрный инопланетный обелиск.

— Не может такого быть! — бормотал себе под нос Доктор; его лицо, обычно спокойное, сейчас было сосредоточенным и озабоченным.

Из коридора, ведущего в лабиринты корабля, буксуя, выбежал Джейми, а через несколько секунд за ним прибежала и Зоуи.

— В чём дело? — прямо спросил Джейми.

Поначалу показалось, что Доктор проигнорирует этот вопрос, но затем он поднял взгляд и заметил, что к нему прибежали спутники.

— Ну... Это очень хороший вопрос, Джейми, — медленно сказал он, словно ему нужно было время на то, чтобы хорошо обдумать ответ.

— Ага, так, может быть, дадите на него ответ? — сказал Джейми без тени злобы.

— Мы материализовались в опасном месте? В Вихре, или ещё где-то? — вопросы Зоуи, как обычно, были более практичными.

— Нет, нет, ничего такого, — Доктор рассеянно промокнул лоб грязным носовым платком, который часто свисал из кармана его пиджака. Он попытался изобразить успокаивающую улыбку. — Просто я поймал довольно необычный сигнал.

— Сигнал? Это как SOS? — спросила Зоуи.

Доктор пожал плечами.

— И что в нём странного? — продолжал выпрашивать Джейми.

Доктор отвечал немного уклончиво, как ребёнок, которого застукали за воровством печенья.

— Да что тут ещё сказать, Джейми. Он очень странный. Просто очень странный.

Зоуи и Джейми встревоженно переглянулись. Ни она, ни он раньше не видели Доктора таким озабоченным. Доктор поднял взгляд на них; в его голубых глазах было беспокойство, голос был растерянным.

— Понимаете, насколько я могу судить, этот сигнал исходит от другой ТАРДИС.

На борту «Надежды», на капитанском мостике дежурил страж Нарт. В виду автоматизации всех систем это дежурство было скорее формальностью, чем необходимостью. С огромным терпением, свойственным всем стражам, Нарт просиживал часами, наблюдая за различными пультами, приборами, сканируя каналы связи. Сигнал по-прежнему не

исчезал. Их маяк. Их целью была планета, изначально давшая жизнь человечеству, заброшенная более ста поколений назад из-за появления смертоносных солнечных вспышек, принудивших к эвакуации планетарного масштаба. В панике и спешке этого бегства многое было забыто и утеряно, включая самое ценное знание — галактические координаты Земли. Многие на протяжении тысячелетий разыскивали родной мир, но никто так и не заявил о его обнаружении. Наконец, когда неуклонное течение времени понизило статус идеи о Земле до детских фантазий, когда в неё верили только самые молодые и самые романтично настроенные, было принято древнее кодированное сообщение.

После этого, на протяжении сорока двух лет, это сообщение было предметом исследований и научных дискуссий, и в конечном итоге в официальном заявлении было сказано, что удалось частично декодировать этот сигнал из прошлого, и что в нём содержались давно утерянные координаты легендарной Земли. После обнародования этого открытия споры о пункте назначения гигантского корабля «Надежда» прекратились. Где же ещё начинать человечеству всё с начала, как не на первой, родной планете? Используя драгоценную ДНК, являвшуюся самым ценным грузом корабля, стражи надеялись клонировать новую человеческую расу.

Нарт перевёл взгляд на внешние сенсоры, следя за ходом боя оборонительной системы корабля против Других. Пока что складывалось впечатление, что оборонительная система справлялась, и постепенно они выиграют эту битву. А затем, как он надеялся, всю эту войну.

Внезапно размышления Нарта были прерваны сотрясшим воздух капитанского мостика сигналом тревоги. Брешь в корпусе!

В отличие от множества космических стычек, которые бушуют часами, нападение абордажной команды продлилось всего 83 секунды и стоило жизни трём стражам и всему отряду Других. Сканеры Других давным-давно картографировали каждый квадратный сантиметр просторных внутренностей корабля, и точка проникновения была выбрана не наугад. При помощи нейтронных резачков они проникли сквозь десятисантиметровый слой прочного металла с почти беззаботной лёгкостью. Именно из-за повреждения корпуса стражи узнали о нападении.

Воспользовавшись пневмо-лифтом, трое стражей прибыли на место действия через 23 секунды после срабатывания тревоги. К этому времени штурмовой отряд уже вскрыл внутреннюю дверь и оказался в длинном коридоре, ведущем в третью из составляющих гигантский космический корабль соединённых сфер, в Био-сферу. В ней хранились различные артефакты биологической природы, включая самое ценное сокровище: человеческую ДНК, которая должна была стать основой возрождения человеческой расы на Земле.

Сразу поняв, что является целью нападавших, трое стражей заняли позиции для обороны коридора. Несмотря на своё тяжёлое вооружение и боевые доспехи, через 12 секунд двое из стражей были аннигилированы.

Их смерть, пожалуй, не была напрасной: в перестрелке также были разнесены на атомы двое из штурмового отряда.

Третий налётчик был быстрее. Воспользовавшись резнёй, во время которой его товарищи расставались с жизнью, он

выстрелил из своего оружия, выпустив ослепляющий управляемый микро-термоядерный взрыв, размером всего лишь несколько микрон. Несмотря на крохотный размер взрыва, его вспышка на мгновение засияла ярче звезды, ослепив последнего защитника, Нарта.

Предводитель чужих, глаза которого были защищены толстыми веками, выращенными специально для этого, побежал к Био-сфере.

Нарт, со всё ещё невидящими после ядерной вспышки глазами, тело которого уже начало необратимо разрушаться, принял последнее отчаянное решение — приказал немедленное отделение четвёртой сферы.

В тот момент, когда Другой нёсся с невообразимой скоростью к двери в третью сферу, весь коридор сотряс мощный взрыв. Со скрежетом разрываемого металла коридор отделился от остального корабля, запуская этим самоуничтожение четвёртой сферы. Стражи считали нужным в случае необходимости уничтожить весь свой груз, чтобы сокровища человечества не попали в плохие руки.

Подобно вспыхнувшей звезде, взрыв четвёртой сферы наполнил окружающее пространство светом и обломками, и толкнул корабль.

Затем снова воцарилась тишина.

В отсеке управления ТАРДИС тоже царила тишина, если не считать привычного гула аппаратуры. Зоуи и Джейми, стараясь быть терпеливыми, наблюдали за Доктором, продолжавшим изучать показания приборов. С озадаченным лицом Доктор дёргал ручки приборов на похожей на гриб консоли, пытаясь выжать из них больше, чем они могли дать.

Джейми вопросительно глянул на Зоуи, та в ответ лишь слегка пожала плечами. С Доктором никогда не было понятно, как лучше поступить: спросить, рискуя его разозлить, или же оставаться в неведении, когда вокруг рушится Вселенная. Зоуи хотелось позволить Джейми сделать первый ход, учитывая его более долгое знакомство с Доктором. Джейми же пребывал в растерянности: если этот сигнал исходит от другой ТАРДИС, это значит, что есть ещё один представитель той же расы, что и Доктор, а Доктор на эту тему говорил редко.

Джейми попытался вспомнить всё, что Доктор когда-либо говорил о своём народе, и вышло не так уж много. Он знал, что Доктор был по каким-то причинам не в ладах со своей планетой, и что он улетел с неё на ТАРДИС, но это было, пожалуй, и всё. Виктория, девушка из Британии, но не из того времени, что Джейми, также путешествовавшая какое-то время с Доктором, рассказывала о своём разговоре с Доктором на тему семьи. Если верить Виктории, Доктор говорил о своей семье с некоторой грустью, но Джейми не мог припомнить, чтобы Доктор когда-либо проявлял такого рода чувства при нём.

Казалось, что теперь часть тайны, окружавшей Доктора, могла быть раскрыта, и Джейми от этого стало немного грустно, как будто Доктор может чего-то лишиться, если о нём будет известно больше. Джейми покачал головой, прогоняя эти странные мысли, и решил взять быка за рога.

— Доктор?

— Хм. Да, Джейми, что ты хотел? — пробормотал Доктор, не отрывая глаз от набора приборов на консоли.

— Эта другая ТАРДИС... Она в беде?

Увидев реакцию Доктора на вопрос Джейми, Зоуи осмелела и тоже вступила в разговор:

— Это сигнал бедствия? От одного из ваших соплеменников?

Доктор поднял глаза и улыбнулся, сложив руки домиком, прижав кончики пальцев друг к другу.

— Даже не знаю, Зоуи. Ответ на твой вопрос: да... и нет.

Зоуи нахмурилась, а улыбка Доктора стала немного шире.

— Понимаете, насколько я могу судить, этот сигнал действительно пришёл от ТАРДИС, более того, передающая его ТАРДИС — это моя ТАРДИС.

Теперь нахмурился Джейми:

— Вы говорите загадками, Доктор.

Зоуи, однако, подумала, что ей всё понятно:

— Ну конечно, мы же путешествуем во времени, так? А значит, теоретически мы можем встретить самих себя, находящихся в другой точке нашей линии времени...

Доктор кивнул, довольный сообразительностью Зоуи:

— Да, всё верно. Теоретически. Хотя это против всех правил Времени, и им бы это очень не понравилось, — Доктор на несколько секунд задумался. — Если только им самим это не было бы нужно, — пробормотал он.

Его брови сдвинулись, по лицу пробежала тень... страха?

— Им? Кому? — не отставал снедаемый любопытством Джейми.

— Кому? — переспросил Доктор, с трудом возвращаясь к разговору, словно он был только что был где-то очень далеко. — Неважно, это неважно... Придётся нам это исследовать и разобраться во всём самим. Держитесь, сейчас будет экстренная посадка.

Доктор что-то сделал на консоли, и раздался знакомый звук двигателей ТАРДИС, ревущий и свистящий. Корабль покидал вихрь пространства-времени и возникал в обычной трёхмерной

вселенной. Звук у них в ушах ревел и завывал, и ТАРДИС раскачивалась из стороны в сторону, словно протестуя против внезапной посадки. Зоуи и Джейми швырнуло на пол, они катались по нему, запутавшись руками и ногами друг в друге. Несмотря на это маниакальные раскачивание пространственно-временного судна, Доктор непостижимым образом оставался стоять возле консоли.

Внезапно всё закончилось, с громким финальным стуком двигателя завершили свою работу, и корабль материализовался. Джейми, широко улыбаясь, помог Зоуи встать:

— Ну, хоть что-то прошло как обычно!

Зоуи засмеялась, но стоявший у консоли Доктор оставался мрачным.

Трое выживших стражей не тратили время на споры и взаимные обвинения. Всё, что случилось в прошлом — кончено, прошло; их заботило только будущее. Если оно у них вообще было.

Последний из налётчиков погиб при взрыве четвёртой сферы. Последнее, что он успел — схватился рукой за дверь в следующую сферу, и его хватка была так сильна, что не отпускала дверь даже после смерти.

Стражи собрали останки его тела, интересуясь, что же это были за существа, спланировавшие настолько отчаянную, и, тем не менее, почти успешную атаку. Куски трупа лежали в лаборатории, пока нетронутые. Само то, что в них угадывалось бывшее когда-то живым существо — и это после мощного взрыва, отнявшего его жизнь — говорило о необыкновенной физической силе этого чужого. Вообще-то, внешность чужого при беглом осмотре вызвала у стражей больше вопросов, чем

дала ответов. Несомненно, тщательное вскрытие в будущем предоставит больше полезной информации. Но пока что им было достаточно подтверждения того, что существо действительно погибло и больше не представляет собой угрозу.

Однако остальные Другие всё ещё оставались угрозой для стражей, «Надежды», и для успеха их миссии. Вне всякого сомнения, они предпримут ещё одну попытку, и хотя команда гигантского корабля была теперь осведомлена об этом, раз существа смогли незаметно проникнуть вовнутрь один раз, не было оснований думать, что они не смогут повторить это.

Что же касается стражей, то их стало в два раза меньше. Ещё один такой налёт может стоить жизни им всем. Сокровища Земли достанутся Другим. Этого нельзя было допустить. Теперь стражи будут находиться в состоянии постоянной боевой готовности; любое вторжение, каким бы несущественным оно ни казалось, будет встречено огнём на поражение.

ТАРДИС материализовалась в помещении, похожем на огромный зал музея. Именно такое сравнение пришло в голову Зоуи, когда на маленьком экране на стене ТАРДИС появилось изображение со сканера. Во всех направлениях стены помещения терялись вдаль, а огромное пространство между этими бесконечными стенами было уставлено... вещами. Огромные контейнеры и ящики из тысяч разных материалов, всех возможных размеров и форм, некоторые прозрачные, другие нет, некоторые заперты при помощи всяких систем безопасности, некоторые раскрытые, частично демонстрирующие своё содержимое, дразня, словно витрина возле входа в магазин. А на этих ящиках и между ними большими кучами лежали другие вещи: одежды разных

периодов богатой истории Земли, образцы тканей, ковры, гобелены, мебель, столовые приборы.

Зоуи со странным восторгом осматривала эту протяжённую сумасшедшую коллекцию, где каждый сантиметр пространства хранил какое-то новое чудо. Чем больше Зоуи смотрела, тем больше замечала. То тут, то там было что-то удивительно знакомое: компьютер такой конструкции, которая использовалась в её времени; кресла, которые были ей знакомы после посещения вместе с Доктором Лондона 1960-х годов; бюст Наполеона, поразительно похожий на тот, который она когда-то нашла валяющимся в шкафу в коридоре ТАРДИС.

По выражению лица Джейми было видно, что он поражён так же, как и Зоуи, а может быть даже сильнее. На его менее образованный взгляд это, наверное, было похоже на сказочный клад.

Доктор же, похоже, осматривал всё это с меньшим восторгом. Он кивал так, словно именно такого рода зрелища ему доводилось видеть каждый день, словно именно это он и ожидал увидеть на экране сканера. Зоуи с трудом сдержала разочарованный вздох — она была уверена, что Доктор вёл себя так безразлично нарочно, чтобы разозлить её.

— Похоже на какой-то музей, — осторожно сказала она, надеясь, что Доктор лучше осведомлен, что это такое.

— Но, на мой взгляд, не очень хорошо организованный, — с улыбкой заметил Доктор. — Пожалуй, мне стоит осмотреть его своими глазами, быть может, найду куратора, и дам несколько рекомендаций о том, как навести тут порядок...

По мягкой интонации Доктора можно было подумать, что речь идёт о банальной прогулке в парке, но Зоуи и Джейми путешествовали с Доктором достаточно долго, чтобы понимать, что не всё есть тем, чем кажется.

Доктор коснулся органов управления, и двери ТАРДИС послушно раскрылись.

— Думаю, будет лучше, — говорил Доктор, направляясь к открытым дверям, — если вы пока что останетесь в ТАРДИС.

Джейми тут же шагнул за ним:

— Но Доктор...

— Никаких возражений, Джейми, — Доктор поднял руку, как полисмен, останавливающий автомобили, и его повышенный голос произвёл желаемый эффект — Джейми остановился.

Зоуи его желание идти одному показалась необычным, даже пугающим. Обычно Доктор предпочитал, чтобы при изучении места посадки его спутники были рядом с ним, а не в ТАРДИС.

— Доктор, там снаружи есть какая-то опасность? — тихо спросила Зоуи.

Доктор повернулся к ней и улыбнулся, стараясь успокоить её, насколько это было возможно в таких обстоятельствах.

— Я не знаю, Зоуи, но что-то подсказывает мне, что нужно быть осторожным. Просто на всякий случай. Вы с Джейми оставайтесь тут, а я скоро вернусь.

Доктор быстро вышел за дверь ТАРДИС и закрыл её за собой.

Оставшиеся внутри Джейми и Зоуи удивлённо переглянулись, обеспокоенные этим неожиданным поворотом событий. Они одновременно повернулись к экрану сканера. Если им нельзя быть с Доктором, то, по крайней мере, они могут следить за ним.

На экране они увидели, что Доктор идёт по одному из проходов между рядами артефактов. В этот раз Доктор не останавливался, чтобы осмотреть что-нибудь. Лицо Доктора

снова стало мрачным, но с того ракурса, который отображал сканер ТАРДИС, Зоуи и Джейми не могли этого увидеть.

На капитанском мостике корабля «Надежда» другой экран также показывал изображение Доктора, в этот раз с автоматической камеры наблюдения, расположенной высоко в том помещении, где приземлилась ТАРДИС.

Мерик, новый главный страж, внимательно рассматривал нового нарушителя. Тот был гуманоидного вида; судя по его одежде, он не представлял опасности, но Мерик, основываясь на собственном опыте, не был склонен доверять внешности. Наиболее пугающим в новоприбывшем было то, как он появился. Не вызвав срабатывание ни одной сигнализации, инопланетный корабль — необычайно компактный синий ящик — материализовался во второй сфере, без труда проникнув сквозь защитные экраны, словно телепортировавшись, но без использования телепортационного приёмника.

Фрайка и Юрай, два стража, стояли рядом, ожидая принятия Мериком решения. В отличие от Других, этот пришелец пока что не проявлял враждебности и, похоже, не имел оружия. Это дало стражам время на обдумывание своих действий. Потеряв половину экипажа, они стали осторожнее, чем раньше. Они не хотели необдуманными действиями подвергать риску своё существование.

— Идите во вторую сферу и схватите пришельца, — приказал Мерик после нескольких секунд раздумий.

— Схватить? — переспросил Юрай, и оружие в его руке дёрнулось.

— Схватить, — подтвердил Мерик. — Я хочу его допросить.

Ничего больше не спрашивая, Юрай и Фрайка убежали. Долю секунду Мерик провожал их взглядом, раздумывая, не изменить ли приказ, но затем повернулся к рядам мониторов и запросил воспроизведение аудиовизуальной записи материализации. Он просмотрел её пару раз, меняя скорость воспроизведения, и запустил поиск в базе данных чего-нибудь похожего. Наверняка за всю историю человеческого рода кто-то когда-то уже наблюдал такое.

Во второй сфере Доктор дошёл до дверей, которые, как он понял, должны вести к какому-то высокоскоростному внутреннему транспорту этого корабля. В тот же миг панель рядом с дверями загорелась. Доктор понял, что это может означать лишь одно: к нему едут.

Не имея никаких предположений о природе этого корабля и его обитателях (хотя часть его мозга уже была занята разработкой и проверкой различных сценариев на основе того, что он уже увидел), Доктор предположил, что прямая встреча с приближающимися существами будет ошибкой. Он быстро огляделся в поисках места, где можно было бы спрятаться.

Ряды реликвий человечества, простиравшиеся во все стороны на много миль, предоставляли огромный выбор. Доктор быстро залез в большой резной сундук семнадцатого века, стоявший недалеко от дверей, надеясь, что у чужих нет тепловых или каких-нибудь других сенсоров, которые упростят им задачу и сделают его укрытие временным. Доктор решил скрестить пальцы. На обеих руках. На всякий случай.

А в ТАРДИС, Зоуи и Джейми продолжать смотреть на монитор. Как обычно, ТАРДИС проявляла почти волшебную способность изменять изображение на экране сканера так, что

экипажу было видно именно то, что они хотели увидеть. Изображение увеличивалось много раз, отслеживая перемещение Доктора, удалявшегося всё дальше от ТАРДИС.

Они растерянно наблюдали за тем, как Доктор исчез в сундуке.

— Да что же он делает? — недоумевал Джейми. — В прятки играет?

На экране найденные Доктором двери внезапно раздвинулись, и из кабины пневмо-лифта вышли два существа. Увидев их, Зоуи удивлённо вскрикнула. Даже с поправкой на искажённую перспективу изображения на сканере, два стража были большие, больше двух метров, гуманоиды, но не люди.

— Андроиды, — ахнула Зоуи.

Джейми нахмурился:

— Роботы, что ли? Как йети?

Зоуи покачала головой:

— Эти штуки по сравнению с йети как ТАРДИС по сравнению с велосипедом.

Джейми решил не задавать вопросов, а дать Зоуи продолжить.

— Судя по их внешнему виду, это очень продвинутые андроиды, возможно, их сконструировали люди, и они хотели, чтобы андроиды были на них похожи. Они — искусственная жизнь; механическая, если говорить строго, но это не просто болты и шестерёнки; эта технология намного превосходит примитивную робототехнику йети.

— А эти штуки у них в руках, наверное, оружие, — пробормотал Джейми, который за время своих путешествий с Доктором тоже кое-чему научился, в основном тому, какими разными способами разные существа могут причинять боль другим существам.

На экране двое стражей-андроидов направлялись к месту, где спрятался Доктор, так, словно им было известно его местонахождение.

Джейми потянулся к консоли и нажал на кнопку. Двери ТАРДИС распахнулись.

— Они направляются прямо к Доктору. Может быть, мы сможем их отвлечь, — сказал он, направляясь к двери.

— Но Доктор сказал... — начала было возражать Зоуи, но Джейми уже ушёл.

Зоуи сердито вздохнула. Какое-то мгновение она колебалась. Внешний вид андроидов пугал её, но она не могла позволить, чтобы её оставили сразу и Доктор, и Джейми. Она быстро вышла из ТАРДИС и пошла за Джейми.

Фрайка и Юрай подошли к тому проходу, в котором, по показаниям их сенсоров, пряталось живое существо. Сигнал был нечётким, словно его что-то экранировало, но данные приходили определённо отсюда. Два андроида двигались с максимальной осторожностью, их импульсное оружие было наготове.

Доктор внутри сундука тем временем заматывался в найденную там парчу. Он подумал, что вплетённые в ткань металлические нити могут сбить сенсоры с толку. Также, он попытался силой воли отключить некоторые процессы в своём организме, понижал свою температуру и вообще пытался казаться неживым.

Внезапно оба андроида замерли: их сенсоры указали наличие новых живых существ. Два живых существа, чёткие сигналы, движутся быстро.

Долю секунды андроиды колебались, а затем бросились туда, откуда шли новые сигналы. Если эти новые сигналы были

от Других, то уже не важно, кто был источником предыдущего. Другие были гораздо опаснее любых других существ.

Доктор внутри сундука слышал шаги двух существ, убегающих от того места, где он спрятался. А сколько всего было их? Кажется, из пневмо-лифта вышли только двое, но не ошибается ли он? Доктор решил рискнуть. Он осторожно приподнял крышку сундука на несколько сантиметров и выглянул. Никого не было видно.

Доктор быстро вылез из сундука и побежал к дверям в лифт. Он ударил по тому, что явно было кнопкой вызова, двери тут же раскрылись, а за ними оказалась кабина лифта, всё ещё ждущая возвращения андроидов. Доктор зашёл в лифт и осмотрел панель управления. Предположив, что верхняя кнопка соответствует командному отсеку, он ткнул в неё пальцем. Двери тут же закрылись, и лифт начал беззвучно разгоняться.

Джейми и Зоуи бежали так, словно спасались от смерти... впрочем, так оно, возможно, и было. Для них это было привычно: путешествуя с Доктором, бегать приходилось чрезвычайно часто, как правило, спасаясь от гадких инопланетных монстров и/или от хорошо вооружённых противников.

В результате они оба были в хорошей форме и бежали быстро.

К сожалению, андронды были лучше устроены, находились в ещё лучшей форме, и бежали быстрее.

Спутники Доктора бежали, не имея чёткого плана. Случайным образом они меняли направление, запутывая след, и отчаянно пытались оторваться от преследовавших их чужих, подгонявших их выстрелами из своего странного оружия. На

бегу Зоуи подумала о том, что они постепенно удаляются от своего лучшего убежища — ТАРДИС. Не взирая на страх перед андроидами, она пыталась сохранить здравость мысли.

— В ТАРДИС было бы безопаснее, — пожаловалась Зоуи, когда они свернули за очередной угол.

Джейми на мгновение остановился, чтобы подруга могла его догнать.

— Ага... и Доктора бы поймали. И мы бы тут застряли. Бежим!

Джейми снова побежал; если у него и был страх, то его заглушал азарт погони. Зоуи устало посмотрела как он скрылся за очередным поворотом. Ей казалось, что её лёгкие готовы взорваться, рёбра болели, мышцы ног переставали слушаться, но как-то она заставила себя тоже побежать.

Выстрел из импульсного оружия одного из андроидов, чудом не задевший её, вызвал новый всплеск адреналина в её организме. Андройды приближались. Теперь её гнал вперёд только ужас.

Неожиданно Джейми удивлённо вскрикнул. Зоуи заволновалась: его нашли андройды? Забуксовав на повороте, где он свернул, она остановилась. Джейми смотрел на неё с широкой улыбкой. В руках у него было лазерное ружьё, на поясе был ремень с какими-то гранатами, ещё какое-то оружие висело на плече. Он указал на раскрытые шкафы у себя за спиной:

— Кажется, я нашёл в этом музее оружейный зал!

Двери лифта открылись, из него выпрыгнул Доктор. Как он и ожидал, это был капитанский мостик корабля. Шагая вперёд, Доктор быстро осматривал разные экраны и мониторы, впитывая информацию, завершая рабочую гипотезу

относительно того, где он находился. Увидев, что на мостике был только один андроид, который, похоже, не был вооружён, Доктор решил воспользоваться прямым подходом:

— Здравствуйте, меня обычно называют Доктор. Вы не позволите взглянуть на сигнал, за которым вы следуете?

Ничего не ответив, андроид повернулся лицом к Доктору, и стало видно, что на самом деле оружие у него есть. Крепко сжимая его в руке, он направил его на Доктора.

— Если вы не возражаете, разумеется, — сказал Доктор, уже не таким уверенным голосом.

По крайней мере, мы больше не бежим, — мысленно ухмыльнулась Зоуи. Она пряталась, втиснувшись между двумя большими ящиками с доспехами. Она пыталась успокоить учащённое дыхание, но сердце продолжало стучать неровно, и так громко, что она боялось, что одно лишь это выдаст её присутствие. Она хотела бы залезть внутрь одного из доспехов, но андройды были так близко, что шансов успеть у неё не было. Вместо этого ей повезло найти и включить персональное защитное силовое поле, но она сомневалась, что его силы хватит на то, чтобы выдержать долгую атаку. Она отказалась брать оружие. Хотя умом она понимала необходимость временами прибегать к насилию, она бы всё равно не решилась стрелять, и предпочитала искать возможности обходиться без оружия. Она знала, что этим была похожа на Доктора, и тайно гордилась этим.

Джейми был менее щепетильный, но, учитывая в какой культуре и в какой эпохе он вырос, это можно было понять. Тем не менее, Джейми в бою не был бесстрашен, просто он смаковал свой ужас. Для Джейми страх был частью войны,

частью жизни, чем-то, что нужно смиренно принять, как смерть на поле боя.

Быстро обыскав коллекцию оружия, Джейми полез вверх по полкам этого прохода, надеясь занять более выгодную позицию для стрельбы по андроидам. Скоро он поднялся на несколько метров выше пола.

Зоуи внизу молилась, чтобы его план сработал. Забравшись так высоко, он, конечно, занял доминирующую высоту. Но в то же время стал более доступной целью.

На капитанском же мостике Доктор с облегчением понял, что Мерик не видел причин стрелять сгоряча. Пока что Доктор убедил его в том, что он вряд ли один из Других — какими бы те ни были — но всё ещё не убедил в том, кто он такой. А зря, ведь ТАРДИС базе данных корабля была известна.

— Ваш корабль нам известен. Он принадлежит путешественнику во времени, называемому Доктор.

Доктор при этих словах не смог сдержать лёгкую улыбку:

— Приятно быть знаменитым. Полагаю, в определённых кругах я несколько известен...

— В соответствии с нашими записями, у вас должен быть спутник.

— Обычно да. Я люблю компанию.

Доктор широко улыбался. Всё шло лучше, чем он надеялся.

— Бенни с вами?

Доктор непонимающе нахмурился:

— Бенни? Нет, я не знаком с никакими Бенни. Был Бен, но он покинул меня какое-то время назад. Они появляются, а потом уходят, знаете ли.

Однако это был не тот ответ, которого ожидал его собеседник.

Со своей верхней точки Джейми хорошо было видно андроидов, свернувших в проход, в котором он и Зоуи остановились. Джейми затаил дыхание. Раньше он никогда не был так близок к великанам, и с такого расстояния они были ужасным зрелищем, больше и холоднее даже, чем киберлюди.

Стараясь не обращать внимания на капли пота, которые начали стекать с его лба в глаза, Джейми посмотрел в видоискатель своего энергетического оружия и прицелился. Одной рукой он нащупал то, в чём правильно опознал регулировку мощности, и установил её в максимальное положение. Он не знал, как это оружие подействует на андроидов, и подействует ли вообще, но если то, что Зоуи сказала об их конструкции, правда, он знал, что против них нужно использовать всю доступную ему мощность.

И он знал, что он должен остановить их. Они уже продемонстрировали готовность стрелять без предупреждения. Даже если у них и были вопросы, похоже, они не собирались начинать с поиска ответов.

Мысленно произнеся молитву Богу, в которого он уже давно перестал верить, Джейми нажал на курок. Тут же из ствола вырвался пучок энергии и ударил в грудь андроида.

Поражённый андроид — Юрай — дёрнулся, и по его телу пошли электрические разряды. Его оружие выпало у него из рук, но сам он продолжал стоять. Увидев это, Фрайка навела своё оружие туда, откуда была атака.

Из своего укрытия Зоуи могла лишь с ужасом смотреть, как андроид выстрелила в направлении Джейми. Там, где занял позицию Джейми, раздался сильный взрыв и посыпался дождь искр. Зоуи увидела, как бесчувственное тело храброго горца, словно в замедленной киносъёмке, выпало со сломанных

полок. С ужасным стуком оно упало на металлический пол и замерло.

Оба андроида, один всё ещё не восстановившийся после прямого попадания Джейми, шли к подстреленному шотландцу, нацеливая на него оружие. Зоуи понимала, что если она ничего не сделает, они убьют её друга. Она потянулась рукой за спину, в стоявший там ящик с оружием, пытаясь найти хоть что-нибудь, что можно было использовать против андроидов. Её руки нащупали что-то холодное и круглое.

Не осмеливаясь остановиться и подумать, боясь, что её тогда парализует страх, Зоуи выпрыгнула в проход и побежала к андроидам. Одним быстрым движением она швырнула круглое устройство в их сторону, а сама прыгнула к Джейми и снова включила своё защитное устройство, закрывая силовым полем себя и друга. Сфера — импульсная граната — один раз отскочила от пола, а затем взорвалась, высвободив смертоносную энергию — сильнейший электромагнитный импульс, который полностью разрушил внутренности андроидов. Не в силах больше контролировать свои блоки питания, они просто взорвались, отбросив защищённых силовым полем Зоуи и Джейми катиться по проходу, как мяч.

Остатки двух андроидов тихо горели в конце прохода. Всё остальное замерло.

В командном отсеке, прерывая допрос Доктора Мериком, заревела сирена.

Разговаривая, Мерик и Доктор позабыли о мониторах, но сейчас, повернувшись к ним, поняли всё без объяснений. Оба увидели дымящиеся останки двух андроидов, а чуть в стороне от них двух спутников Доктора. Доктор увидел, что Зоуи выключила защитное силовое поле, чтобы помочь Джейми.

Доктор с облегчением заметил, что Джейми был жив, хотя и не шевелился. Зоуи пыталась ему помочь.

На другом экране появился обратный отсчёт, начавшийся с трёх минут. В то же самое время компьютерный голос произнёс простое, но ужасное сообщение:

— Запущено самоуничтожение.

— О нет. Так не годится. Выключите его! — тут же воскликнул Доктор.

— Боюсь, это невозможно. После последнего налёта Других мы запрограммировали систему уничтожить «Надежду», если хоть один из нас будет убит. Мы не можем позволить сокровищам человечества попасть в их руки.

Доктор был одновременно поражён и возмущён:

— И вы решаете их все уничтожить? Какие же вы после этого хранители?

— Мы последние, последние, кто остался от человеческого рода. Если мы не можем выполнить нашу миссию, воспользоваться имеющимся ДНК для создания новой процветающей расы, то будет лучше, если мы и всё, что создали люди, будет уничтожено.

Доктор качал головой:

— Нет, нет, нет. Это всё ошибка. Мы вам не враги. Зоуи просто хотела защитить Джейми. Вам не нужно из-за нас уничтожать корабль...

Доктор подошёл к пульту, ближайшему к экрану с обратным отсчётом самоуничтожения (теперь он показывал две минуты и двадцать две секунды).

— Объясните, как получить доступ к вашему базовому программному обеспечению... Должна быть возможность что-то сделать.

— Джейми, очнись, пожалуйста. Джейми!

Её голос дрожал от волнения. Несмотря на все её научные познания, навыки первой медицинской помощи она так толком и не освоила. Если бы только она нашла время сесть и прочитать какое-нибудь руководство на эту тему. Имея память как у компьютера, она бы выучила всё необходимое в считанные минуты.

Джейми застонал, открыл глаза, и начал тереть рукой голову. Быстро моргая, он сделал несколько глубоких вдохов и попытался говорить:

— Я их пристрелил?

Зоуи решила, что небольшая ложь поможет её другу, а правду о том, что их врагов уничтожила она, лучше умолчать.

— Да, Джейми. Спасибо. Ты можешь встать?

— Ага, я в порядке.

Джейми сел, а потом встал на ноги, качаясь при этом так, что Зоуи подумала, что он просто не хочет показывать перед ней свою слабость.

— Ты уверен?

Джейми сердито посмотрел на неё — он же сказал, что он в порядке, разве нет?

— Мы, МакКриммоны, из крепкого десятка. Ну что, пойдём искать Доктора? Если тут есть ещё такие андрониды, ему может понадобиться наша помощь.

На мостике Мерик и Доктор молча работали у разных пультов, мельтеша пальцами по клавиатурам. На экранах с невообразимой скоростью пролистывались строки машинного кода.

На экране с обратным отсчётом цифры дошли до 60 секунд. Одна минута до полного уничтожения всего наследия

человеческого рода, а с ним и Доктора, Зоуи, и Джейми. Доктор мельком взглянул на экран, чтобы увидеть, сколько времени ему осталось на сотворение чуда.

Двери пневмо-лифта раскрылись, и на мостике появились Зоуи и Джейми. Увидев Мерику, Джейми бросился вперёд с бластером в руке. Доктор посмотрел на них и покачал головой. Зоуи остановила Джейми.

— Что происходит, Доктор? — спросил шотландец, как всегда, ничего не понимая.

— Не сейчас, Джейми... пожалуйста, мне нужно отключить самоуничтожение.

Зоуи поняла смысл слов Доктора, когда увидела экран с обратным отсчётом. Сейчас он показывал 30 секунд.

Мерик, андроид, с безнадёжным видом повернулся к Доктору:

— Бесполезно, Доктор, спасайте себя и своих спутников.

Доктор про себя отметил, что Мерик его всё-таки признал, но не стал ничего говорить по этому поводу. На это не было времени.

— Нет. Нельзя сдаваться. Понимаете... Этот кризис случился по нашей вине... Так что я обязан попытаться всё исправить.

— Когда мы... то есть, ты... уничтожил остальных, это запустило самоуничтожение, — объяснила Зоуи для Джейми.

— Ага, опять я во всём виноват, да?

— Тихо, тихо... сейчас не время искать виноватого, Джейми, — сказал Доктор, лихо набирая на клавиатуре коды последних команд. — Сейчас время для поздравлений, — сказал он, отходя от пульта.

На экране обратного отсчёта загорелись цифры 00:00:13, затем 00:00:12, а затем всё замерло.

— Доктор! У вас получилось! — радостно крикнула Зоуи.

Доктор скромно улыбнулся и указал на Мерику:

— Вообще-то я не один работал... — он подошёл к своим спутникам и радостно пожал им руки. — Простите, что попросил вас остаться в ТАРДИС. Боюсь, что в этот раз мы наломали дров.

— Но всё закончилось хорошо, разве нет? — оптимистично спросила Зоуи.

— Думаю, да, Зоуи. Думаю, да...

Доктор повернулся к Мерику:

— Вы говорили, что у вас есть тело одного из напавших на ваш корабль Других?

Мерик кивнул.

— Можно мне на него взглянуть? Мне любопытно, что именно им от вас нужно.

— Разве это не очевидно, Доктор? — ответил Мерик. — Им нужна имеющаяся у нас человеческая ДНК. Именно к ней они направлялись. Если бы им нужны были сокровища, они могли бы взять их с любой части «Надежды». Но они направились напрямиком в хранилище ДНК. Это и есть их цель.

— Да, я не сомневаюсь в этом, — согласился Доктор. — Но всё-таки, зачем?

На борту главного корабля флота Других командор с удивлением изучал показания сенсоров. В командном отсеке царила привычная, прописанная уставом, суэта. Это было невзрачное место, лишённое индивидуальности, просто хорошо отлаженный механизм. Здесь дизайн целиком подчинялся функциональности: каждый пульт, каждый экран были созданы ради максимальной ясности, чтобы ничего не отвлекало, весь отсек был воплощением холодного рационализма.

Во внутренних системах преследуемого корабля случился какой-то кризис, это произошло вскоре после их неудачной атаки. Командор понятия не имел, что вызвало изменение состояния добычи, но заглядывать в зубы дарёному коню он не собирался. Сенсоры показывали, что вся оборонительная система «Надежды» отключена, и запущено самоуничтожение. А затем самоуничтожение приостановилось, хотя полностью его и не отменили. Оборонительная система при этом оставалась отключенной.

Теперь «Надежда» была слепа и беззащитна. Наконец-то долгая охота может завершиться. Пришло время атаковать всеми силами.

Командующий отдал приказ.

Близились начало последней битвы.

Доктор вернулся на капитанский мостик со странным выражением лица. Ни Зоуи, ни Джейми не проявили желания помочь Доктору в изучении Другого, но оба жаждали услышать результаты. Мерик тоже хотел знать, что именно выяснил Доктор. Он теперь был последним стражем, он знал, что он был последним препятствием на пути Других к их цели. Дополнительные данные о природе его врагов могли дать ему столь нужный перевес.

— Ну что, Доктор? — нетерпеливо спросила Зоуи.

Доктор поднял взгляд, исполненный бесконечной грусти. Ему не хотелось ничего говорить, но он понимал, что что-то сказать надо.

— Что же, я осмотрел тело, и узнал всё, что мне нужно было знать о Других.

Он сделал паузу, словно тщательно подбирая слова. Затем, тяжело вздохнув, продолжил:

— Другие — поразительно мутировавшие, эволюционировавшие, агрессивные гуманоиды.

— Мутанты? — спросила Зоуи. — Что за мутанты?

— Человеческие мутанты, Зоуи, — грустно ответил Доктор. — Человеческие в том же смысле, как и вы с Джейми. Другие — последние потомки человеческого рода.

Ни Зоуи, ни Джейми никогда раньше не слышали в голосе Доктора столько отчаяния. Наступила долгая тишина.

— А зачем им нужна эта ДНК? — спросила Зоуи.

— Мне кажется, что Другие хотят использовать «чистую» человеческую ДНК для того, чтобы вернуть часть того, что потерял их род: сострадание, человечность. Но мне кажется, что для них это уже слишком поздно. Их попытки вернуть хоть какую-то крупицу человечности обречены на неудачу; они слишком далеко зашли в свой эволюционный тупик. Слишком далеко, чтобы была надежда вернуться из него. Они будут становиться всё более и более агрессивными и злыми, до тех пор, пока либо они убьют всё живое, либо сами будут убиты.

Доктор замолчал. Похоже, больше ему нечего было добавить.

— Сожалею, Мерик. Должно быть, твои создатели были из числа последних «чистых» людей. Когда они умерли, это, наверное, было концом человеческого рода.

Доктор снова замолчал, чтобы подчеркнуть сказанное, он явно был расстроен тем, что пришёл к такому выводу.

Джейми обвёл глазами комнату, не зная ни как реагировать на услышанное, ни как поднять другу настроение. То, что он увидел, лишь усугубляло ситуацию.

— Доктор! Смотрите! — воскликнул Джейми, с ужасом указывая на экраны, отображавшие наружную часть корабля.

Огромное множество абордажных кораблей возникало из черноты космоса и приземлялось на поверхностях «Надежды».

— Оборонительная система отключена; её нельзя включить, пока задержано самоуничтожение, — объяснил Мерик.

На экранах было видно тысячи Других, выходявших из кораблей и прорезающих внешнюю оболочку «Надежды».

— В этот раз вам нужно уйти, Доктор, — продолжал Мерик. — Бегите. Как только вы добегите до ТАРДИС, я снова запущу систему самоуничтожения. Таким образом, вы спасётесь, а я смогу выполнить свою миссию единственным оставшимся способом, уничтожив тем самым Других.

Доктор хотел возразить, но Мерик, останавливая его, поднял руку:

— Некогда спорить, Доктор. Меня создали в надежде на то, чтобы дать человечеству новый старт, но теперь я вижу, что моя судьба, мой долг состоит в том, чтобы уничтожить то зло, которым стало человечество. Идите.

Доктор повернулся к своим спутникам и кивнул:

— Джейми, Зоуи, идите! Возвращайтесь в ТАРДИС. Я вас догоню.

Зоуи и Джейми зашли в лифт и скрылись из виду.

Доктор снова повернулся к Мерику:

— Вы уверены, что нет другого выхода?

Мерик покачал головой:

— Да, но есть кое-что, что вы можете для меня сделать.

— Быть может, мне взять что-то из вашей коллекции? — предположил Доктор.

Мерик подошёл к бронированной двери и ввёл на клавиатуре код доступа. Дверь открылась. За ней на полке стояла картина. Картина была квадратом размером около

метра, на ней были изображены два лица — мужское и женское. Изображение было создано торчащими металлическими стержнями, Доктор узнал в этом форму изобразительного искусства, бывшую популярной на Земле в 21-ом веке, что в свою очередь было возрождением интереса к игрушке 20-го века, в которой люди могли оставлять отпечатки в раме, заполненной похожими стержнями.

Мерик дал картину Доктору:

— В стержнях закодирована запись сигнала, на который мы летим. Это произведение было заказано и выполнено в честь нашей миссии. Если ничего больше от людей не останется, я бы хотел, чтобы осталось это. Она называется «Лица Человечества».

Доктор мрачно кивнул и взял картину:

— Сделаю, что смогу.

Им обоим на экране было видно, что Другие уже проникали внутрь корпуса корабля. Пора было уходить.

— Вы можете запустить самоуничтожение и уйти с нами, в ТАРДИС...

— Нет, Доктор. Я был создан для выполнения конкретной задачи, и после уничтожения корабля этой задаче придёт конец. Предоставьте меня моей судьбе.

С грустным взглядом Доктор снова кивнул и быстро побежал к лифту.

Позади него андроид, последний почти-человек, повернулся к пульту компьютера и отменил задержку самоуничтожения.

Через несколько секунд Доктор забежал в ожидающие его раскрытые двери ТАРДИС, запер их, и звездолёт взорвался огромным шаром разрушительной энергии, залив всю

ближайшую планетарную систему ярким светом сверхновой звезды.

Весь составной корабль под названием «Надежда», тысячи Других, атаковавших его, андроид-страж Мерик — все мгновенно были распылены на составлявшие их атомы.

Выжила только ТАРДИС, ускользнувшая оттуда в пространственно-временном континууме.

Немного позже (насколько вообще слово «позже» имеет смысл в машине времени; к тому же, по словам Доктора, ТАРДИС сместилась на много тысячелетий в прошлое, в период, предшествующий тому, когда от людей произошли Другие) ТАРДИС материализовалась на одной из планет в самом центре густонаселённой части вселенной, и Доктор со спутниками хорошо отдохнули на одном из курортов. Пока они там были, Доктор поместил последний артефакт человеческого рода в одну из многочисленных художественных галерей города. Он не стал себя утруждать объяснениями того, что это такое, и что оно символизирует, он просто сообщил название, рассчитывая, что предмет искусства может говорить сам за себя.

По возвращении в ТАРДИС Джейми спросил у Доктора, удалось ли расшифровать тот странный сигнал ТАРДИС, из-за которого они оказались на корабле-музее.

— О да, Доктор, — добавила Зоуи, нахмутив лоб, вспоминая со свойственной её незаурядной памяти точностью, что Мерик, по словам Доктора, сказал об артефакте. — Мерик сказал, что образец сигнала закодирован в картине. Вы узнали, откуда он идёт?

Доктор с отрешённым видом пожал плечами, словно думая о чём-то другом:

— Нет, не узнал. Иногда в будущее лучше сильно не всматриваться. Особенно в своё собственное.

— Доктор... Я подумал... — неожиданно сказал Джейми.

Зоуи прикусила язык, чтобы удержаться от едкого комментария.

— Большинство Других погибли при самоуничтожении «Надежды», да? — продолжал Джейми.

Доктор кивнул.

— Ага, но это же был не весь их род, верно? Где-то там, в далёком будущем, есть, наверное, огромное множество таких существ. Человеческих монстров, творящих что-то ужасное, — Джейми был шокирован этой мыслью.

Доктор мрачно кивнул:

— Боюсь, ты прав, Джейми, очень боюсь, что ты прав.

Внезапно, на мгновение стало немного холоднее и немного темнее, словно ТАРДИС разделяла мысли своего владельца, а затем всё снова стало как обычно, и корабль нёсся сквозь невозможность пространственно-временного континуума к их собственному неизвестному будущему и к невообразимым новым приключениям.

ФИГОУВИ

Гарет Робертс

Прихрамывая, мисс Монодин зашла в маленький, тесный командный отсек «Фазтона», опираясь на трость, что-то сердито шепча и качая головой. Её взгляд остановился на наполовину выпитой бутылке виски и стоящем рядом с ней на приборной панели стакане, после чего в её горле что-то устрашающе заревело, как вулкан.

— Уилчук! — закричала она. — Уилчук!

Кресло пилота быстро развернулось. У сидевшего в нём человека глаза были широко раскрыты от страха; он понимал, что если убежит, то будет ещё хуже, и поэтому сидел, как приколотый, глядя на приближающуюся хозяйку.

— Я же тебе говорила, — сказала она, растягивая каждое слово, — не пей, только не в этом полёте.

Он склонил голову, и она разозлилась ещё сильнее:

— Ты чего расселся?! Ты мужик или мышь? — она подняла руку и начала бить его ладонью по голове в такт своим наставлениям. — Это тебе не прогулка, Уилчук!

Немного удовлетворившись (она любила начинать день с небольшой взбучки, а найти предлог иногда было сложно), она остановилась. Её рука порозовела и пекла. Она прижала руку к губам, чтобы ослабить боль.

Уилчук заговорил:

— Но, мисс Монодин, — лепетал он, — там же ничего нет, — он махнул рукой в направлении экрана носового сканера. У них по курсу всё было абсолютно чёрным, без единой детали. — Ни линий сообщения, ни планетарных систем, ни мусора.

Она зашипела:

— Идиот. Ты думаешь, этот Фигоуви только нас пригласил? Кроме нас, может быть ещё сколько угодно других претендентов. Я велела тебе не оставлять вахту! — ней снова возвращался гнев.

— У меня уже восемнадцать часов вахта, — сонным голосом сказал он, бросив тоскливый взгляд на встроенную в стенку койку. — А там нет ничего, только пустота. Мне скучно.

Мисс Монодин сильно шлёпнула его по скуле:

— Я тебе покажу «скучно». Ты пьян, Уилчук. И зачем я только с тобой связалась?

— Потому что я денег мало беру, — пробормотал он.

Её лицо покраснелось, как свёкла:

— Заткнись! Заткнись! — она схватила бутылку с виски и занесла её над головой. — Сколько раз говорить, не смей при мне упоминать деньги!

Она швырнула бутылку в угол, где та замкнула какие-то провода, а затем грубо схватила пилота за горло.

— Когда я была маленькая, — рычала она, я видела, как мой отец освежевал разозлившего его человека. Он спустил с него шкуру от головы до пальцев ног, — в этой части рассказа она сжала руку сильнее, — и заставил его самого нести её на своих плечах наружу, в открытый космос. Если бы мне не был нужен пилот, я бы с тобой то же самое сделала! — она с силой оттолкнула его на приборную панель. — С этого дня чтобы был трезв как стёклышко!

Она ждала от него извинений, но взгляд Уилчука что-то привлекло — мигающий огонёк на экране переднего обзора. Он указал на него пальцем:

— Это невозможно. Что-то обнаружено.

Мисс Монодин прищурилась и посмотрела на экран.

— Слишком маленькое для корабля.

Уилчук пожал плечами:

— Может быть, маленький корабль?

Она снова схватила его:

— Здесь? Так далеко в тёмной зоне, откуда до ближайшего спутника-заправщика нужно лететь на дальнюю сторону Абарантикоса? Не будь идиотом. Это какой-то астероид.

Силуэт сместился к центру экрана и начал расти, расползаясь по координатной сетке.

— Он прямо у нас на пути!

Затуманенные глаза Уилчука моргнули, он сидел ошарашенный, словно ночное животное, перепуганное светом прожектора.

— Ну, рули же, рули! — кричала мисс Монодин, теряя самообладание.

Астероид был уже так близко, что сканеры «Фаэтона» позволяли разглядеть детали его неправильного, остроугольного контура. Одна пробоина — и их разорвёт, они будут бесцельно вертеться, как и любой другой мёртвый кусок космического мусора.

Руки Уилчука быстро работали на приборной панели.

После нескольких месяцев путешествий на борту ТАРДИС (если измерять с точки зрения её восприятия) Мэл начинала лучше понимать характер Доктора. По её мнению, его было почти невозможно описать, его личность была столь же яркой и пёстрой, как и его одежда. Как только ей начинало казаться, что она его поняла, он проявлял какую-то абсолютно неожиданную грань своего характера; эту тактику он использовал в равной степени и против своих друзей и против своих врагов. Он мог небрежно прокомментировать смерть какой-нибудь галактики, а затем погрузиться в депрессию от

вида больного дерева; восхвалять чудеса какого-то далёкого звёздного скопления, а через минуту заявить, что никогда об этом скоплении не слышал. При первом знакомстве он мог показаться бестактным и эгоистичным, но в его хвастовстве была большая доля самоиронии, и она много раз видела его прощающим и сострадающим, что опровергало все обвинения в бессердечности. Короче говоря, если о Докторе и можно было сказать что-то определённое, так это то, что с ним, несмотря на эксцентричную внешность, всегда было интересно.

Его теперешняя навязчивая идея возникла совершенно случайно. ТАРДИС дёрнулась в полёте, и с высокой полки прямо на его курчавую голову свалилась книга. Книга оказалась научным текстом, столь глубокомысленным, что Мэл ничего в нём не понимала, а раскрылась книга на странице, которую Доктор назвал «захватывающим трудом, посвящённым явлению, известному как интерстициальный сдвиг». Доктора тут же охватило желание проверить эту теорию, для чего он материализовал ТАРДИС внутри дрейфующего астероида, вынес лазерный резак, и начал бурить породу в поисках особого минерала.

И вот Мэл стояла в центре самой большой полости внутри астероида, запрокинув голову, разглядывая величие этого места. С могучей арки свисали ржаво-красные сталактиты, словно занавес над сценой. Под ними были сплетения странных каменных образований. Мэл была поражена окружавшей её красотой, чувствуя себя крохотной на фоне вечности. Даже девятьсот с лишним лет возраста Доктора бледнели на фоне геологического возраста этого одинокого обломка.

— Доктор, это просто фантастика, — крикнула она через плечо. — Только подумать, мы единственные существа,

которым довелось тут когда-либо побывать, — она вздохнула.
— Какая поразительная привилегия.

Доктор отставил в сторону свой лазерный резак и, беззаботно направляя луч своего фонарика то в одну сторону, то в другую, подошёл к ней. Свет отбрасывал на стены полости две тени: её — маленькую и стройную — и его — высокую и широкую.

— Всего лишь игра света и теней, Мэл.

Он поднял руку, и от неё на стене появилась тень, похожая на кролика, который начал прыгать. Мэл легонько шлёпнула его по руке, но, не выдержав, рассмеялась:

— Ты испортил торжественную атмосферу.

— Нет тут никакой атмосферы, нечего портить — напомнил ей он. — В этом одиноком обломке атмосферы нет.

Они дышали кислородом из цилиндров, которые они захватили в ТАРДИС.

— В любом случае, не стоит тут обживаться. Я уже почти закончил.

— Ты нашёл то, за чем мы сюда пришли?

— Да, Мэл, — он сложил миниатюрный резак, которым пользовался для более тонкой работы, и положил его в карман. — Знаешь, это будет восхитительный эксперимент. Он может стать предтечей поразительного прорыва в области интерстициальной физики.

У него загорелись глаза, и Мэл знала, что это плохая примета. Сейчас его понесёт в лирику.

— Я сказал «прорыв»? Это слишком слабое слово. Нет, наша работа станет окончательным разгромом всех скептиков. Дерзким шагом, смертельным ударом по всем критикам!

Мэл фыркнула:

— Может быть, конечно, и так, но ты так и не объяснил, что именно мы должны делать.

На мгновение ей показалось, что он вот-вот взорвётся. Он смотрел на неё с раскрытым ртом так, словно она сказала что-то поразительно глупое. Затем, напрягшись, он взял себя в руки.

— Делать? Делать? Мэл, мы будем «делать», как ты затейливо выразилась, эксперимент, который станет революцией в области исследований сдвига!

Мэл набрала полную грудь воздуха, и собралась сказать, что понятия не имеет о всяких исследованиях сдвига, но не успела, потому что и её и Доктора сбило с ног. Было такое ощущение, что они находятся в эпицентре взрыва. Астероид вокруг них трясся, их швыряло то вверх, то вниз. В то же время звучал невероятно громкий гул. Мэл завизжала, потеряла равновесие, и полетела кувырком. Подумав, она прижала к себе руки и ноги и стала ждать, пока дрожь утихнет.

К счастью, всё утихло буквально через пару секунд. Она медленно села, вытряхнула грязь из волос, и убедилась, что не ранена, если не считать пары царапин и синяков. Она посмотрела по сторонам, но Доктора нигде не было. Она позвала его, затем нахмурилась. Да куда же он мог пропасть? Они же рядом стояли, когда их тряхнуло. Она позвала его ещё раз, и в этот раз в её голос закрался страх:

— Доктор, ты где?

— А где я могу быть?

К её удивлению, его ответ донёсся сверху. Она запрокинула голову и с трудом сдержала хохот. Дородная фигура Доктора застряла на стене между двумя скальными выступами.

Он протянул руку вниз и поболтал пальцами:

— Кажется, мне удалось воткнуться между молотом и наковальней. Ты мне не поможешь?

Мэл сложила руки и мило улыбнулась:

— Даже не знаю, стоит ли? Ты там висишь, как ангелочек.

В конце концов она сжалась над ним и помогла слезть.

— Отчего было землетрясение?

Он отряхнулся и сурово сверкнул глазами:

— Землетрясение? Ничего подобного. Что-то на нас наткнулось. Судя по звуку удара — космический корабль.

Он показал порванный во время происшествия манжет рубахи:

— Посмотри, теперь хоть выбрасывай.

— Космический корабль? — не понимала Мэл. — Ты же вроде бы сказал, что мы очень далеко от космических магистралей?

— Так и есть, — ответил он. — И, тем не менее, в этот астероид врезался космический корабль.

— И мы чудесно изобразили собой погремушку, — вздохнула Мэл. — Ладно, нечего переживать. Кости целы.

— Ну и что, — бушевал Доктор. — Я хочу знать, что тут делает корабль, которым управляет маньяк-самоубийца. Чтобы натолкнуться на препятствие такого размера, нужно вообще ничего не уметь. Тут какая-то загадка, и её нужно разгадать, — он кивнул в сторону ТАРДИС и пошёл туда.

— Постой, Доктор, — протестовала Мэл. — А как же эксперимент?

— Да ну его, — последовал ответ. Доктор уже заходил в двери полицейской будки. — Разумеется, этот инцидент гораздо важнее каких-то абстрактных изысканий.

— Разумеется, — вздохнула Мэл.

Покоряясь его эксцентричности, она подняла лазерный резак и тоже пошла в ТАРДИС.

— Нанесены только слабые повреждения, — с огромным облегчением доложил Уилчук. — Царапины на правом заднем стабилизаторе.

Мисс Монодин глянула на отчёт бортового компьютера и глубоко вздохнула:

— Всего метр или два в любую сторону, и нас бы разорвало на части.

Она протянула руку и сильно сжала плечо Уилчука.

— Я до сих пор не могу поверить, что он там был, — лепетал он. — Я не мог никак такое предвидеть.

Она впилась ногтями в кожу его шеи.

— Разве что, если бы не сводил своих глаз с экрана, кретин, — она отпустила его и размяла пальцы. — Веди нас дальше. До места встречи уже недалеко.

Уилчук сверился с картой.

— Да, примерно через полчаса должны быть на месте. Если, конечно, — в его глазах промелькнул страх, когда он пересёкся с ней взглядом, — не случится ничего непредвиденного.

Что-то проворчав, мисс Монодин ушла.

Доктор, прищурившись, смотрел на дисплей на консоли ТАРДИС. Заглянув через его плечо, Мэл увидела что-то вроде спирали, протянувшейся через космос.

— Это энергетический след, да? — спросила она.

Он кивнул:

— Энергетический след очень плохо экранированных двигателей того корабля. Они представляют опасность для здоровья.

Появился ещё один, похожий рисунок.

— О, ещё следы. Много кораблей. Но что они все тут делают? — протиснувшись мимо Мэл, Доктор обошёл консоль и потянулся к управлению сканером. — Ну что, посмотрим?

Мэл повернулась к экрану сканера, на котором разъезжались заслонки. Открывшееся изображение завораживало. Перед ними висела в пространстве огромная космическая платформа. Длинной посадочной полосой она напомнила Мэл авианосцы с Земли, только она была в три раза больше и выглядела состарившейся и изношенной; между посадочными дорожками были островки из голого металла. Вокруг дока на равных расстояниях были расположены четырнадцать платформ, все, кроме одной, занятые кораблями. Поражало разнообразие их конструкций. Один из кораблей больше всего был похож на гигантский хрустальный куб, в котором бурлила заряженная статическим электричеством голубая жидкость. Другой был приземистый, чёрный, и многогранный, как кристалл; рядом с ним стояла космическая яхта, высокий белый парус которой вздымался на ионном потоке, который яхтой же и генерировался.

— Эти корабли все разные, — заметила она. — Узнаёшь какой-нибудь?

Доктор заворчал:

— Боюсь, что да. Вон тот, — он указал на приземистый чёрный корабль, — принадлежит хелонийцу.

Мэл вздрогнула, вспомнив свою предыдущую встречу с этими дикими рептилиями.

— А вон то, — он указал на хрустальный куб, — принадлежит какому-то айзпиеру. Это такие похожие на хлорку существа, из весперусов. Не могу себе представить, что может быть между ними общего, не говоря уже обо всех остальных, — он задумчиво постучал пальцем по подбородку. — Надо же, как любопытно.

— Хм, — согласилась Мел. — С чего бы это такой разношёрстой банде тут собираться? — ей пришла в голову неприятная идея: — Может, они тут о чём-то нехорошем хотят договориться?

— Что, военный совет? — Доктор отмахнулся рукой. — Вряд ли. Кроме того, посмотри в каком состоянии эта платформа Тёмная, одинокая, разваливающаяся. И ни капельки не военная.

— Её могли нарочно замаскировать, — сказала Мэл.

— В таком удалённом месте нет смысла маскироваться. В конце концов... — Доктор замолк, так как на экране появился ещё один космический корабль.

Мэл успела разглядеть побитый серый корабль с почерневшими треснутыми закрылками.

— А вот и наш невнимательный пилот, — сказал Доктор. — Заходит на посадку.

Он что-то переключил на консоли, и изображение на сканере увеличилось, чтобы показать детали космического дока. В центре его стоял пятиугольный блок, без окон и других деталей, а к нему подходили узкие тоннели от посадочных площадок.

— Давай материализуемся вон там, — торопила она Доктору. — Это, должно быть, их база, кто бы они там ни были.

Но Доктор внезапно насторожился:

— Не спеши, Мэл.

Её это озадачило:

— Идём, Доктор. Обычно ты не такой сдержанный. Я думала, ты хочешь разгадать эту загадку.

— Да, хочу, — ответил он. — Но появляются всё новые и новые загадки. Посмотри на эти показания.

Он подозвал её к себе и указал на панель на консоли, в которой Мэл узнала интерфейс сенсоров окружающей среды. Взглянув на мерцающий экран, она нахмурилась.

— Это невероятно, — сказала она. — Вокруг этой космической платформы огромный сгусток энергии.

Доктор вздохнул:

— Ага. Но какой именно энергии?

Мэл ещё раз посмотрела на показания приборов.

— Странно. Сенсор не показывает.

— Не показывает? — размышлял Доктор. — Или не может определить? — он посмотрел на платформу. — И нет никаких аккумуляторов энергии или чего-нибудь похожего. Во всяком случае, достаточно больших, чтобы вызвать возмущение такой магнитуды.

— Тем более, нужно это расследовать, — с энтузиазмом сказала Мэл.

Доктор улыбнулся:

— Мэл, ты такая неумолимая, — и он потянулся к выключателю материализации.

Недоверчиво прищурившись, Варзлад Избитый обвёл взглядом всех, присутствовавших в зале (кроме, разумеется, своего верного товарища-рептилии Джерлота). Хотя его гидравлические суставы уже требовали дополнительной смазки, он оставался дерзким, и был готов применить силу

против любого проявления враждебности. Близость этих странных существ настораживала его. В наступившие времена избегать встреч с гуманоидами стало невозможно, но втайне Варзлад мечтал о днях империи: странно выглядевшие живые существа беспокоили его больше всего. К примеру, айзпиер — облакообразная сущность, наполовину газообразная, наполовину жидкая, помещённая в зависший в воздухе в непрозрачный куб. Дальше были два морока: высокие и двуногие, с карикатурно большими туловищами и с куполообразными черепами. И он едва смог себя заставить посмотреть на склизкий мех граймыра, вонючее тело которого было покрыто жужжащими синими мухами. Не смотря на несколько десятилетий путешествий и приключений в космосе, Варзладу всё ещё было тяжело понимать невербальные языки других видов. Тем не менее, ему казалось, что все остальные тоже чувствуют беспокойство.

Джерлот прошептал ему в ухо:

— Сэр, уже почти полдень.

Варзлад заворчал:

— Хорошо. И так уже много времени потратили. Не нравится мне это ожидание, — он нагнулся к своему товарищу и прошептал. — Что касается остальных, то я уверен, что никто не сможет перебить нашу ставку.

— Согласен, сэр, — с энтузиазмом кивнул Джерлот. Единственным оставшимся у него глазом он обвёл собравшихся. — Не думаю, что кто-то из них может составить нам конкуренцию, сэр. Молокососы они, да?

— Противников нельзя недооценивать, — сказал Варзлад. Его панцирь слегка опустился. — Если вспомнишь, именно так мы потеряли империю. Предусмотрительность важна в любых конфликтах. Ты бы лучше...

Его перебила большая синяя дверь в конце зала, автоматически распахнувшаяся, чтобы впустить ещё одну делегацию. Все посмотрели на пришедших. Варзлад заметил, что даже айзпиер повернулся, чтобы взглянуть.

Это почти наверняка были чистокровные люди. Одна мужская особь — розовая, округлая, с волнистой жёлтой шерстью на голове — и одна женская — размером поменьше и с оранжевой шерстью. Они, оглядываясь, зашли в зал. Мужчина кивнул и приветливо сказал:

— Доброго всем вечера!

Затем, к изумлению Варзлада, он быстро направился к хелонийцам.

— Здравствуйте!

Джерлот зашипел, а Варзлад немного перенёс свой вес на задние ноги.

— А тут довольно уютно, не правда ли? — продолжал мужчина, оглядывая большой зал. — Многовато синего, как на мой вкус. Простите, я забыл представиться, — и он протянул один из своих адаптирующихся придатков. — Я известен как Доктор.

Он замолчал, словно ожидая от них какой-то реакции, но это имя Варзладу ни о чём не говорило. Доктор указал на женщину:

— А это мой друг и постоянная спутница, Мэлани Буш.

— Известная как Мэл, — приветливо вставила женщина.

Варзлад предположил, что от него ждут ответа.

— Варзлад, — грубо сказал он.

— Джерлот, — так же грубо сказал Джерлот.

Наступила напряжённая тишина.

— А, — сказал Доктор. — Ну, раз вы не настроены говорить...

И он ушёл, а за ним ушла и женщина. Глядя им вслед, Варзлад прищурился ещё сильнее.

Как только они оказались в стороне от остальных, Мэл потянула Доктора за рукав и недовольно прошептала:

— Тебе обязательно нужно было их злить?

— Я их не злил. Просто проверил одно предположение.

— Не посвятишь меня в него?

Он вздохнул:

— Ну, они обо мне ни разу не слышали, так? А если добавить к этому то, что ни один хелониец не может не похвастаться своим званием...

Мэл кивнула:

— Понятно. Они не военные?

— Ну, на этой стадии их истории хелонийская армия не такая, какой ты её помнишь. Но нет, тем не менее, они не военные. Эти двое не являются официальными лицами. А последней точкой являются вон те рисунки, — он указал на старшего хелонийца, Варзлада.

Мэл присмотрелась к его панцирю, и среди отколов и ожогов увидела нарисованный символ: перевёрнутый красный крест, а над ним три зелёные точки.

— Что это значит?

— Беглые заключённые, — сказал Доктор. — Такие рисунки характерны для исправительных заведений вдоль всех пелопеннских границ. И что мы теперь можем предположить обо всех остальных? — он обвёл рукой большой синий зал.

За время путешествий с Доктором Мэл научилась не судить по внешности, но сейчас вокруг неё было столько разных инопланетян, что она не могла подавить тревогу.

— У меня такое чувство, что мы наткнулись на какую-то гадкую затею, — сказал Доктор. — Эти бездельники кого-то ждут. Но кого?

Мэл могла бы рискнуть высказать предположение, но тут вход снова открылся, и вошли две экстраординарные (правда, к счастью, человеческие) фигуры.

Первой шла крупная, тяжело дышавшая пожилая женщина, тяжело опиравшаяся на трость с серебряным набалдашником. Она была обета в простой чёрный костюм с юбкой, а её скорчившееся лицо было красным и злым. От неё не отставал нерешительный подозрительного типа мужчина, который был гораздо моложе. Он был одет в мятую тунику, и от него несло машинным маслом и ржаным виски. Мэл подумала, что он и есть причина их несчастного случая.

Доктор, похоже, подумал о том же. Он шагнул вперёд, взялся за лацканы пиджака (верный признак того, что он собрался в очередной раз сострить), и сказал:

— Здравствуйте! Кажется, мы с вами сталкивались, — головы и аналогичные голове органы собравшихся в зале существ повернулись в его сторону. — Я и моя спутница находились на том астероиде, на который вы так неосмотрительно наткнулись. Повезло, что никто из нас не пострадал.

Молодой пилот ухмыльнулся:

— А ты кто вообще такой?

Доктор снова представился сам и представил Мэл.

— Обычно принято, — продолжил он, — чтобы после столкновения его участники остановились и обсудили случившееся.

Хромая, старуха подошла ближе. С каждой минутой она становилась всё краснее и краснее.

— А что, — проревела она таким голосом, что ушам стало больно, — вы делали внутри астероида? — костлявой рукой она сжимала серебряный набалдашник своей палки. — Как можно винить кого-то в том, что он не подумал, что там кто-то есть? — когда она говорила, маленькие капельки вылетали у неё изо рта и падали на воротник Доктора. — Тем более, вы сами сказали, что никто не пострадал.

В разговор вступила Мэл:

— Это исключительно по счастливой случайности. Мы могли погибнуть.

Старуха фыркнула:

— Меня это не касается.

Она кивнула своему ассистенту:

— Уилчук!

— Да, мисс Монодин?

— Нет у меня времени на этих клоунов. Пойдём места занимать. Уже почти полдень.

Она посеменила прочь, и Уилчук пошёл за ней. Они присоединились к сборищу существ, встав между айзпиером и двумя ново-александрийцами.

— Думаю, ты прав, — прошептала Мэл Доктору. — Все они какие-то подозрительные.

Доктор на несколько секунд задумался, а затем тихо и спокойно сказал:

— Мэл, может быть, сходишь и рассмотришь их корабль? Вдруг что-то важное заметишь.

Мэл, от природы любопытная, с радостью согласилась:

— Ладно. А ты чем будешь заниматься?

— Я... Я, пожалуй, останусь тут и присмотрю... — он кивнул в сторону инопланетян и улыбнулся, — за тем, что тут происходит.

Сканирующие механизмы показали, что в зал вошла последняя делегация. Всё было готово. Можно начинать. Уже полдень. Фигоуви активировался.

Мысли мисс Монодин никак не могли успокоиться. Она ещё раз посмотрела на присутствующих гуманоидов и нахмурилась ещё сильнее, чем обычно.

— Кто они такие? — ворчала она. — Что им здесь нужно?

Уилчук услышал её:

— Может быть, то же, что и нам?

Она отвесила ему оплеуху:

— Разумеется, нет. Сам подумай. Такие, как мы, одеваются не броско, держатся в тени. Привлеку к себе внимание — и ты труп. А посмотри на этот дурацкий пиджак, — она указала на Доктора. — Он хочет, чтобы вся Вселенная знала о его присутствии.

— Да, — сказал Уилчук, — тот ещё франт. И девчонка какая-то ненастоящая. Может быть, они представители закона?

— Нет. Но они... — она крепко схватила Уилчука за руку и прошипела. — Смотри!

Рыжеволосая девушка, пошептавшись со своим наставником, куда-то ушла.

— Куда она, интересно, пошла?

У Уилчука расширились глаза:

— Вы думаете, что они могли...

— Задумать то же, что и я? — закончила его вопрос мисс Монодин. — Возможно. Иди за ней.

Уилчук кивнул и вышел.

Джерлот толкнул Варзлада в бок:

— Этот Доктор возвращается, сэр.

Варзлад поднял взгляд. Человек с жёлтой шерстью шёл к ним, засунув руки в карманы. Он кивнул на большую синюю дверь:

— А они не торопятся, правда? — он надул щёки. — Воздух тут... хоть топор вешай.

Варзлад подозрительно прищурился:

— Это было бы невозможно. Да и зачем?

Доктор вздохнул:

— Это была шутка. Острота.

Варзлад смотрел на него, не понимая.

— Я выразился образно.

Варзлад медленно покачал головой:

— Я вас не понимаю и понимать не хочу. Пожалуйста, не говорите с нами. Это ни к чему.

— Просто проявил дружелюбие, — обиженно сказал Доктор. Он наклонился к Варзладу. — Так за что вы сидели?

Заговорил Джерлот:

— Это ещё одна из ваших острот?

— Разумеется, нет, — Доктор кивнул на один рисунков на Варзладе. — Я имел в виду, что все мы здесь за что-то сидели. Иногда мне кажется, что я большую часть своей жизни провёл в неволе.

Варзлад зло смотрел на него.

— Я просто пытаюсь общаться.

— С человеком мне не о чем общаться, — сказал Варзлад. Затем он лихо выхватил из-под панциря острый нож и прижал его к горлу Доктора. — Ещё хоть один вопрос, ещё хоть одна эта ваша острота, и я утолю ваше любопытство, сделав вам второй рот. Правда, больше вы после этого лепетать уже не будете!

В его горле заклокотало, и он оттолкнул Доктора.

— Это было очень остроумно, сэр, — сказал Джерлот.

Доктор потёр шею:

— Да, очень весело. А я-то удивлялся, почему хелонийцы так редко встречаются.

Варзлад хотел что-то ответить, но в этот момент раздалась музыка, и большая синяя дверь в дальнем конце зала, наконец, раскрылась. Позади неё было темно. Все собравшиеся замолчали, в воздухе зависло ожидание.

Из двери выскользнул ослепительный шар, светящийся ярким зелёным светом. Варзлад, встревожившись, размял мышцы, но шар остановился перед ними, зависнув в воздухе в двух метрах от пола. Яркость его сердцевины не позволяла его рассмотреть, его постоянное искрение и покачивание ослепляли.

Из шара раздался голос:

— Добро пожаловать, — голос был высокий, металлический, дребезжащий, вежливый, и со странной интонацией. — Я очень рад, что вы смогли прибыть. Надеюсь, что полёт у всех прошёл гладко и без проблем.

Пожилая женщина, опираясь на трость, проковыляла ближе.

— Не надо нам этих любезностей. Ни у кого из нас нет лишнего времени. Где твой хозяин? Где Фигуови?

— Я и есть Фигуови, — сказал шар.

По залу прокатилась волна удивлённых голосов. Варзлад посмотрел на Доктора и с удивлением увидел, что у него изначально глупое лицо приняло совершенно иное, жёсткое выражение.

Джерлот сместился немного вперёд:

— Какая разница, как он выглядит? Когда начнётся аукцион?

— Да, — сказал айзпиер. Его куб медленно вибрировал, раскачивая жидкость внутри. — Уже не терпится начать торги.

— Всему своё время, — сказал Фигоуви. — Я уверен, что вы хотели бы осмотреть лот.

— Разумеется, — прорычал Варзлад. — Выносите его уже.

В его поддержку раздался хор хриплых голосов и шорох чешуи, перьев, и других частей тела.

— Я могу сделать это очень быстро, — сказал Фигоуви. — Смотрите.

Из его сердцевины вспыхнуло светящееся щупальце, которое, извиваясь, направилось за дверь, из которой появилось существо. Несколько секунд спустя щупальце вернулось, принеся «Лицо Человечества» — мужское и женское лица, по которым словно пробежала рябь — оптический эффект из-за составляющих изображение стержней. Варзлад и пожилая женщина подошли ближе, чтобы рассмотреть. Фигоуви наклонил «Лицо» так, что его поверхность сверкнула в лучах мощного освещения зала.

— Как видите, — сказал Фигоуви, — я не преувеличивал. «Лицо Человечности» восстановлено до идеального состояния. Пропадавшее несколько веков. Его ценность почти неисчислима.

Помолчав, он многозначительно добавил:

— Почти.

Доктор, нахмурившись, шагнул вперёд. Его нижняя губа дрожала.

— У меня такое чувство, словно кто-то прошёлся по моей могиле. В армейских ботинках. Могу ли я спросить, откуда у вас оно?

Фигоуви не спешил с ответом. Увидев Доктора, он подпрыгнул и опустился, и Варзладу на мгновение показалось, что он заметил под электрической оболочкой странного существа какую-то активность. Затем голос уверенно ответил:

— Можете спрашивать. Но отвечать я не буду.

Айзпиер снова терял терпение:

— Давайте уже делать ставки. Надоело мне тут торчать.

— Хорошо, — протрещал Фигоуви, и от его тела отделилось второе щупальце.

В этот раз он сформировал в воздухе большую, примерно круглую поверхность. На этой поверхности появился ряд стандартных галактических символов.

— Начинаем торги, — сказал Фигоуви. — Начальная цена — сорок тысяч мега-кредитов.

Один из ново-александрийцев возмутился:

— Сорок тысяч!

— Честная цена, разве не так? — сказал Фигоуви. — Лот является одним из самых редких, самых необычных, самых ценных во всём известном Космосе.

Включилось табло, на котором была указана начальная цена.

— Начинаем торги, — прокрипел айзпиер. — Сорок пять тысяч!

— Пятьдесят, — прожурчал граймыр.

— Пятьдесят пять, — сказала мисс Монодин, стукнув своей палкой по металлическому полу.

Варзлад и Джерлот многозначительно переглянулись.

У Фигоуви мембрана распознавания затрепетала при виде высокого гуманоида мужского пола. Механизмы, связанные с его интерфейсом идентификации, щёлкали и жужжали, пытаясь

интерпретировать смысл прибытия этого незнакомца. Было проведено тщательное изучение этого мужчины, и его референсные данные были сопоставлены с закодированными данными в запасном ядре Фигуови. Несколько секунд спустя во фронтальной доле промелькнула серия изображений: искажённая и много раз копированная двухмерная запись, на которой был изображён этот незнакомец, энергично жестикулирующий руками, и беззвучно кричащий на собравшихся вокруг него серьёзных сановников. Эту запись сменила загадочная последовательность других лиц, причём каждый из этих мужчин был запечатлён в какой-нибудь невероятно героической позе.

Сенсоры Фигуови подёргивались от возбуждения. Это Доктор!

Мэл легко нашла дорогу к местам посадки. Коридоры платформы были безликие, металлические, безупречно чистые, и чем дальше она шла привычной быстрой походкой, тем тревожнее становилось у неё на душе.

— Такое чувство, что я что-то не замечаю, — сказала она сама себе, остановившись на одном из поворотов и потирая подбородок.

С тех пор, как они с Доктором попали в эту обстановку, ей было не по себе. Дело было не во внешнем виде инопланетян в главном зале (ей было не впервой находиться в такой странной компании), а скорее в каком-то жутком ощущении нереальности. Эти скучные коридоры усиливали это впечатление. Было такое впечатление, что, несмотря на старый возраст платформы, никто ею раньше не пользовался.

Тем не менее, от умозрительных заключений толку не было. Она пошла дальше и вышла к широкому белому

терминалу, на вогнутой поверхности которого было четырнадцать стыковочных люков. Она выбрала первый попавшийся и выглянула во встроенную в него прозрачную панель. Там был короткий коридор, который вёл к покоробленному и ободранному металлическому люку.

— Это, должно быть, корабль той старухи, — предположила она. — Похоже, ему довелось побывать во многих переделках.

Следующая дверь была точно такая же, и сквозь окно в ней Мэл увидела знакомое основание хелонийского корабля в виде неправильного многогранника. Третьим было судно ново-александрийцев. В нём не было ничего примечательного, глазу было не за что зацепиться. Но ей всё равно было не по себе, её беспокоило что-то, и она не могла понять что именно.

— То, что я тут стою, Доктору ничем не поможет, — вздохнула она.

Она посмотрела на четвёртую дверь, решив провести расследование тщательно. Выглянув в смотровое окно, она моргнула, чтобы удостовериться, что у неё всё в порядке со зрением.

За этой дверью ничего не было. За переборкой был короткий коридор, а в его конце — пустота космоса и далёкие холодные звёзды.

Подумав, она постаралась мысленно восстановить изображение платформы, которое показал сканер ТАРДИС. Следующим кораблём должен был быть куб айзпиера.

— Может быть, он не пристыкован, — прошептала она.

С разгоревшимся любопытством она пошла к пятой двери, за которой, как она помнила, был корабль граймыра. И пять ничего.

Она отошла в сторону, размышляя над этой головоломкой.

— С чего бы это им улетать? — произнесла она вслух. — Сматываться вот так — совсем не в духе головорезов.

Её размышления были грубо прерваны грязной мужской рукой, обхватившей её за талию, и прижавшейся к её лицу тёплой щетинистой щекой, вонявшей спиртным.

— Ты всегда сама с собой разговариваешь? — спросил её мужчина. — Выглядишь со стороны как сумасшедшая.

Это был голос пилота земного корабля.

Мэл попыталась вывернуться и ударить его ногой.

— Убери свои грязные руки!

Но вырваться ей не удалось. Он грязными пальцами схватил её за шею.

— Не сопротивляйся, куколка, — прошептал он.

Мэл почувствовала, как что-то вдавилось в её поясницу. Перепугавшись, она спросила:

— Что это в меня упирается?

— Это бластер, — прошипел он. — Так что даже не думай кричать и звать кого-то, ясно?

Он потащил её к первым стыковочным портам, туда, где был корабль его хозяйки.

— Даже и не подумаю, — вздохнула Мэл.

Аукцион происходил быстро, гораздо быстрее, чем хотелось бы Варзладу. В голове у него стучал пульс; цена взлетала всё выше и выше. Стартовая цена была уже удвоена.

— Девяносто тысяч, девяносто тысяч, — сказал Фигоуви, качнувшись в сторону граймыра, указывая лидера торгов; тот тоже кивнул в ответ. — Кто-нибудь предложит больше?

— Сто, — сказала мисс Монодин.

Варзлад оскалился:

— Сто двадцать.

— Сто сорок, — сказал айзпиер.

— Двести, — рывкнул Варзлад, топнув передней лапой так сильно, что его когти высекли из пола искры.

Среди собравшихся наступила тишина. Граймыр шелохнулся, отчего несколько мух взлетели. Жидкость в кубе айзпиера сильно бурлила, что говорило о внутреннем конфликте.

Джерлот пододвинулся ближе к своему командиру и прошептал:

— Сэр, вы приближаетесь к пределу кредита, согласованного с Крёстной Матерью!

— Спасибо, что напомнил, — резко ответил Варзлад.

— Двести одна, — сказал айзпиер.

— Двести десять, — сказал Варзлад.

— Сэр, Крёстная Мать! — протестовал Джерлот.

— К чёрту его, — зашипел Варзлад. Он указал на лот: — Это «Лицо Человечества». Сделано из физломия. Ни Крёстная Мать, ни эти идиоты, не понимают его ценность. Я знаю коллекционера в секторе Вэйленс, который заплатит за него в пять раз больше. Так что молчи!

К ним подлетел Фигоуви:

— Вы о чём-то спорите, господа?

— Нет, не спорим, — быстро сказал Варзлад. — Итак, на чём мы остановились?

— Вы лидируете со ставкой двести десять, — сказал Фигоуви.

— Тогда пускай будет двести двадцать, — насмешливо сказал Варзлад светящемуся шару.

— Двести двадцать, — повторил Фигоуви довольным голосом. — Кто-нибудь предложит больше, чем двести двадцать тысяч мега-кредитов?

Все молчали. Айзпиер и граймыр не шевелились, опустив свои придатки. Мисс Монодин стояла неподвижно, с невозмутимым лицом.

Потрескивая, Фигоуви перелетел к «Лицу».

— Хорошо. Двести двадцать тысяч раз, двести двадцать тысяч два...

— Стойте!

Голова Варзлада резко повернулась на голос. Оказалось, это был Доктор, который в начале торгов отступил в конец зала, и о нём забыли. Он прошёл сквозь толпу вперёд, и стал прямо напротив Фигоуви.

— Триста тысяч мега-кредитов, — сказал он.

Мэл никогда не чувствовала себя такой беспомощной. Уилчук нашёл верёвку, привязал Мэл к стулу в углу командного отсека, и потянул верёвку, чтобы убедиться, что она не развяжется. Обстановка вокруг была отвратительная. В маленькой кабине пилота было тесно, она нуждалась в ремонте, на нескольких панелях торчали наружу провода, а из неоновых огоньков, предупреждающих о неполадках, на панелях управления светились половина. Воздух был пропитан машинным маслом и алкоголем, каждые пару минут раздавался скрежет мотора.

Она смотрела, как Уилчук возился у панели управления.

— Мрачное тут место, — сказала она.

Он не ответил.

— Тут всё разваливается, — продолжила она. — Даже если бы вы врезались в тот астероид, тут бы вряд ли что-то сильно могло ухудшиться.

— Закрой свой писклявый рот, кукла! — прохрипел Уилчук, возясь с органами управления.

Мэл привыкла, что к её советам не прислушивались. Это её не расстраивало; обычно она оказывалась права.

Она вздохнула:

— Раз уж я всё равно пленница, то мог бы и рассказать, что вы задумали.

Он усмехнулся и покачал головой.

— Ты что, тупая? — он кивнул на полётный экран корабля, отображавший чёрную пустоту космоса. — Мы умчимся обратно домой, сильно обогатившись. Мисс Монодин скоро вернётся с аукциона с «Лицом».

— Я не понимаю, — сказала Мэл. — С аукциона?

Уилчук осклабился:

— Ну, да. Она получила приглашение Фигоуви на прошлой неделе. В последнее время она залегла на дно. Много потеряла в серьёзной сделке, сейчас у неё не лучшие времена. А этот Фигоуви явно не знает об этом. Она справится, — его глаза затуманились, он погрузился в изображение на экране. — Я получу полпроцента от цены.

Мэл фыркнула:

— Полпроцента? Что-то маловато.

Он усмехнулся:

— Этого мне хватит на то, чтобы прожить всю жизнь на одной из экзотических планет, а большего мне и не нужно. Больше не надо будет ни на кого горбатиться, — он погрузился в мечты. — Ещё пара недель, и я буду купаться в хрустальных источниках Уффэ...

— А что вам от *меня* нужно? — спросила Мэл. Она попыталась пожать плечами: — Ну, посмотрите на меня. Ну чем я могу вам помешать?

— Заложник нам пригодится, — ответил он. — А с этой ролью ты очень хорошо справишься, — подойдя к ней, он

провёл грязным пальцем по её волосам. — И, возможно, я не вытерплю, ожидая предстоящие радости. Я могу не выдержать их предвкушения. Ты ведь не такая уж и противная.

Мэл вздрогнула от этих низких намёков:

— Может быть, лучше продолжите предполётную проверку?

Он улыбнулся и убрал руку.

— Ты права. Нам скоро нужно будет очень быстро уматывать отсюда.

В его голосе она уловила опасение. Скорее всего, подумала она, он боится своей грозной хозяйки.

Переключив на панели несколько тумблеров, он нахмурился. Он вернул их в исходное состояние, а затем снова переключил. Это по-прежнему ни к чему не привело.

— В чём дело? — спросила Мэл.

— Стыковочные зажимы, — ответил он. — Они не разжимаются.

Он что-то сделал на панели, и на экране возникла диаграмма. Она изображала внутренность какого-то запирающего механизма, видимо того, который удерживал корабль на платформе. Мэл постаралась запомнить три массивных зажима, прижимающих люк корабля к шлюзу. Уилчук в третий раз щёлкнул переключателями, и в третий раз это ни к чему не привело. На диаграмме механизмы зажимов даже не шевельнулись.

Уилчук выругался:

— Мы застряли!

Сделанная Доктором ставка поразила всех, кто присутствовал в зале. Даже загадочный Фигуви, казалось, на секунду зашипел от шока. Варзлад беспокойно семенил

лапами. Краем глаза он увидел, что Джерлот что-то бормочет и матерится. Из остальных участников аукциона заметную реакцию проявила лишь мисс Монодин, у которой грудь раздулась, как у птицы-стервятника, а лицо стало пунцовым.

— Что же, Доктор, — сказал Фигоуви. — Окончательная цена — триста тысяч мега-кредитов. Производите оплату.

Доктор прикусил губу.

— А, — сказал он. — А вы принимаете чеки?

Варзлад зарычал:

— Глупости! В приглашении было указано, что оплата должна производиться немедленно посредством кредитной карты!

Говоря это, он поднял одну из своих передних лап и сделал ей три круговых движения, что все, кроме Джерлота, приняли за естественное выражение его раздражения.

— Это верно, Доктор, — согласился Фигоуви.

Доктор обиделся:

— Чек из банка Панторуса автоматически гарантирован, — он прищурился. — Кстати, что-то я не припоминаю, чтобы говорил вам кто я такой.

— Платите, Доктор, — сказал Фигоуви.

— Да, да, — сказал Доктор, похлопывая себя по карманам со стыдливой улыбкой. — Вы знаете, кажется, я забыл свою чековую книжку в другом пиджаке. Вот дурак.

— Так не пойдёт, — громко сказала мисс Монодин. Она обращалась к Фигоуви. — Этот парень просто идиот. Его ставку нужно проигнорировать.

— Согласен, — Фигоуви отступил от Доктора и повернулся к Варзладу. — Лот должен достаться хелонийскому представителю мистеру Варзладу. Вы, кажется, предлагали 224 тысячи?

— 220, — быстро поправил Варзлад.

— В таком случае, давайте завершим покупку, — сказал Фигоуви. — Вашу кредитку, пожалуйста.

Варзлад вынул её из кармана на ремне и протянул Фигоуви. Тонкое щупальце из искрящегося света взяло из его лапы карточку и поместило её рядом с табло. В тот же миг на экране появились окончательная цена «Лица» и детали счёта карты Варзлада.

— Сейчас произойдёт передача кредитов, — сказал Фигоуви.

Он громко зажужжал и загудел, а искрящаяся зелёная рамка табло стала расплывчатой.

Варзлад посмотрел на Джерлота. Через несколько секунд они станут богаче, чем могли себе представить. Но на лице его помощника был страх. Варзлад видел Джерлота в последний раз. Мгновение спустя пылающее красное марево охватило парня. Он ужасно вскрикнул, но ничего уже нельзя было поделать. Красное марево сделало свою работу: панцирь Джерлота сгорел, а за ним и плоть. За секунду до того, как он осыпался пеплом, стал виден его скелет, охваченный мерзким жёлтым свечением.

— Джерлот! — вскрикнул Варзлад, раздираемый яростью. Он посмотрел на Фигоуви: — Зачем вы его убили? Вы же знаете, что он не мог вам ничего плохого сделать.

Фигоуви мерцал и вертелся, словно в растерянности:

— Я его не убивал.

Заговорил Доктор:

— Варзлад, мне кажется... — и он указал рукой через плечо.

Варзлад медленно повернулся. Мисс Монодин больше не опиралась на свою палку. Она распрямила спину, вся её поза

излучала уверенность в себе, а щёки, всего минуту назад бывшие воплощением дряхлости, налились румянцем. А её палка, которую она подняла и навела на собравшихся, ярко светилась на конце. Она направила палку на Фигоуви.

Она заговорила твёрдо и ясно, не проявляя никаких эмоций.

— Это ионный конвертер, — торжественно заявила она.

— И что он делает? — спросил Доктор.

— Ионы конвертирует, — рявкнула мисс Монодин. — Все формы энергии можно конвертировать, — она указала палкой на Фигоуви. — Все формы.

Фигоуви немного сдвинулся и сжался, словно от страха.

Мэл вздохнула, глядя как отчаявшийся Уилчук запускал механизм стыковки; уже, наверное, в сороковой раз. Зажимы по-прежнему не разжимались.

— Это же невозможно, — тяжело дышал он, в очередной раз пытаясь что-то сделать с органами управления.

— Быть может, какая-то неполадка, — сказала Мэл.

— Заткни рот, — рявкнул Уилчук.

Он потянулся рукой под пульт управления, отодвинул часть металлической панели, залез вовнутрь, и вынул оттуда бутылку виски. Трясущимися руками он открутил пробку.

Мэл закатила глаза:

— Выпивка не поможет! В случае кризиса вам нужна будет ясная голова!

Он недовольно посмотрел на неё и сделал первый глоток. Более жалобным голосом Мэл сказала:

— Послушайте, я выгляжу неказисто, но вообще-то я программистка. Если вы меня развяжете, я смогу помочь.

Он подозрительно на неё посмотрел и снова выпил.

— Даю слово, — добавила она. — На мой взгляд, мы с вами в одной лодке, я тоже не хочу застрять здесь.

Уилчук встал и проворчал:

— Никаких фокусов?

Она покачала головой, и он взялся развязывать её. Освободившись от верёвок, он потёрла затёкшие запястья и подошла к приборной панели.

Она быстро запустила резервные программы механизмов зажимов. Перед ней высветились идеально выровненные столбики цифр. Она озадаченно прикусила губу:

— Странно. Всё вроде бы в порядке.

Её внимание привлёк мигающий голубой огонёк на дисплее.

— Хотя, постойте-ка...

Она набрала ещё какие-то команды, и содержимое экрана поменялось.

— Я перенастроила сенсоры, чтобы они сканировали то, что находится совсем рядом с нами, — сказала она Уилчуку. — Вдоль корпуса корабля регистрируется странный энергетический профиль. Возможно, это внешнее воздействие.

— Как силовой луч? — спросил Уилчук.

— Возможно.

Мэл нетерпеливо постукивала пальцами по панели, пока компьютер пытался выполнить её запрос. Наконец, содержимое экрана поменялось на какую-то непрерывную систему петель.

— Что это? — спросил Уилчук.

Мэл мельком взглянула на него, и увидела, что он выпил уже почти всё, что было в бутылке.

— Это распределение энергии, — объяснила она. — И оно не естественное, слишком повторяющееся.

— И это... — Уилчук рыгнул и покачал головой. — И это нас не отпускает?

Мэл откинулась на спинку:

— Думаю, да. Вот только слишком оно мощное для такой простой задачи. Мы заметили его из ТАР... из нашего корабля, когда приземлялись. Оно генерируется в огромных количествах, — она указала на выход: — Предлагаю зарыть топор войны, объединить наши ресурсы, и попытаться вырваться отсюда.

Уилчук отложил в сторону пустую бутылку и навёл на неё пистолет:

— Ты о чём?

Мэл нагло развернулась, чтобы уходить. Она подумала, что Уилчуку не хватит смелости стрелять.

— Кто-то пытается удержать нас тут. Всех нас. Если мы останемся по разные стороны баррикады, ему это будет на руку.

Нетерпеливо махнув рукой, чтобы он шёл за ней, она вышла из кабины пилота «Фаэтона».

Доктор беспокойно осмотрел зал аукциона. Когда мисс Монодин стала угрожать оружием, он подумал, что сейчас начнётся схватка. В конце концов, он был окружён представителями одних из самых агрессивных рас галактики. Однако большинство делегатов скорее испугались, и только Варзлад и два ново-александрийца как-то прореагировали на смерть Джерлота. Куб айзпиера завис неподвижно; граймыр слегка высунул свой покрытый шипами язык, чтобы поймать муху; мороки смотрели на всё это с вежливым равнодушием. В общем, перспективы были непонятны.

Мисс Монодин снова указала на Фигоуви:

— Отпусти «Лицо Человечества». Отдай его мне!

Фигоуви слегка покачивался. Доктор заметил, что с каждым покачиванием он медленно, но неуклонно смещался обратно к двери, из которой так эффектно появился.

— Боюсь, — холодно сказал он, — что вы нарушили условия нашего соглашения. Аукцион отменяется.

— Гони его сюда, — орала мисс Монодин, и её лицо становилось всё более пунцовым, — а не то я уничтожу тебя, и сама его возьму!

— Я не могу позволить... — дрожа, заговорил Фигоуви, а затем рискнул.

Он метнулся назад, и двери его логова раскрылись, чтобы впустить его. Мисс Монодин бросилась вперёд с несвойственной её преклонному возрасту скоростью, и выстрелила в направлении закрывающихся дверей. Доктор шагнул вперёд, чтобы рассмотреть, и увидел, что луч ионного конвертера попал в цель с поразительной точностью. Ослепительно-красный луч угодил прямо в центр Фигоуви. Тот забулькал и зашипел, а затем двери закрылись. В тот же миг освещение моргнуло, а табло и «Лицо Человечества» исчезли.

На секунду наступила тишина. Затем мисс Монодин, ворча, пошла вперёд. Неловко зажав свою палку подмышкой, она попыталась открыть дверь. Толстыми красными пальцами она безуспешно пыталась зацепиться за тонкую щель между дверью и стеной.

Доктор фыркнул:

— Не думаю, что вы этим чего-нибудь добьётесь.

Варзлад горько рассмеялся:

— Глупая землянка. Ваш план провалился. Ну что, мы можем... — он внезапно замолчал.

Удивившись этому, Доктор обернулся. Он сразу понял, почему замолк хелониец.

В зале проведения аукциона почти никого не было. Остались только он сам, Варзлад, мисс Монодин, дымящиеся останки Джерлота, и два растерянных ново-александрийца. Мороки, айзпиер, граймыр, и все остальные просто исчезли. Из-за внезапной тишины мисс Монодин тоже повернулась в сторону зала.

— Где они все? — неуверенно проговорила она, забыв ненадолго свою злость.

Доктор подошёл тому месту, где раньше стоял граймыр в окружении вонючих мух, и задумался. Затем широко улыбнулся и щёлкнул пальцами:

— Ну конечно! Как же я сразу не догадался.

Не успел никто потребовать у него объяснения, как со стороны сходного трапа раздались шаги. Узнав их, Доктор улыбнулся:

— Ага, верная Мэлани.

И точно, скоро она вбежала в зал, а за ней, пытаясь не отставать, забежал растрёпанный Уилчук.

— Доктор, — начала она со свойственной ей эмоциональностью, — тот энергетический след, который мы засекли из ТАРДИС, он каким-то образом удерживает... — она замолчала и растерянно посмотрела по сторонам. — А куда делись айзпиер, мороки и...

— И вся королевская рать? — озорным голосом закончил её фразу Доктор. — Очень хороший вопрос.

Он перешёл к центру сцены, и уверенно сказал всем оставшимся: — Что же, я так думаю, что наш «друг» Фигоуви и сам прибёг к коварным уловкам.

Варзлад шагнул ближе:

— Вы имеете в виду, что остальные не были телесными? Что их тут вообще не было?

Доктор кивнул:

— Именно так, — он повернулся к Мэл. — Это объясняет энергетический след. Поддержка иллюзии присутствия остальных, их кораблей, и, возможно, даже самого товара.

Мэл нахмурилась:

— Но они были настоящие, я проталкивалась сквозь них. Я даже их запах чувствовала!

Доктор беззаботно махнул рукой:

— Раз плюнуть для того, кто разбирается в ультраграфической гологистерии.

Мисс Монодин гулко ударила палкой по полу:

— В течение всего аукциона они повышали ставки.

— И те, в итоге, поднялись до невообразимых высот, — вставил один из ново-александрийцев.

Варзлад выругался на хелонийском диалекте:

— Я был готов выложить эту сумму. Из фондов самой Крёстной Матери, — от стыда он опустил голову и быстро спрятал кредитную карту в панцирь. — Я бы их обанкротил, и ничего бы не приобрёл.

Один из ново-александрийцев нервно дёрнулся:

— Этот Фигоуви очень силён. Нужно немедленно улетать.

Первым на это ответил пьяный Уилчук.

— Размечтались, — горько сказал он. — Наши корабли не смогут взлететь.

— Но Фигоуви ослаблен, а то и уничтожен, — сказал Варзлад.

Доктор покачал головой и взялся руками за лацканы пиджака:

— Ослаблен, да. Но я уверен, что он быстро восстановится, — он многозначительно посмотрел на Мэл: — Думаю, наш «корабль» тоже не взлетит. Придётся нам объединить наши усилия, чтобы выбраться отсюда.

Ответа на это не последовало; похоже, собравшиеся скептически относились к этому предложению.

— Другого предложения не будет, и, думаю, нам нужно поторопиться.

Варзлад тревожно двигал лапами, а ново-александрійцы, казалось, были готовы согласиться.

— Нет! — сказала мисс Монодин и снова навела на них свой ионный конвертер. Она обернулась и поднесла светящийся конец палки к самому лицу Доктора. — Ты очень много знаешь.

Доктор вздохнул:

— Уверяю вас, мадам, это всего лишь догадки. Любой блестящий ум пришёл бы к тем же самым выводам. Уберите, пожалуйста, эту штуку.

Мисс Монодин подошла ближе.

— Раз ты такой умный, — резко сказала она, — может, откроешь эту дверь? — она кивнула на убежище Фигуови.

— Думаю, это было бы неразумно, — сказал Доктор.

Мисс Монодин выразительно на него посмотрела:

— А, то есть ты можешь это сделать?

— Я мог бы спрыгнуть с утёса, — возмущённо сказал Доктор, — но это было бы плохой идеей, не так ли?

— Я бы так не сказал, — пробормотал Варзлад.

А мисс Монодин вместо ответа просто толкнула его оружием к двери.

— Открывай! Эта голо-как-там-её технология, она мне нужна. За неё можно будет заломить хорошую цену в

ближайшем же космопорте, как только я до него доберусь. Без вас.

— Честное слово, я... — начал Доктор.

Чтобы придать веса своим словам, мисс Монодин небрежно махнула палкой и выстрелила в Варзлада. Тот вскрикнул от удивления, закипел, а затем испарился, оставив после себя лишь пепел, такую же кучку углеродистого материала, как и его соотечественник.

Мэл была в шоке:

— Да чем он вам мешал?!

Мисс Монодин сердито глянула в её сторону:

— Для такой маленькой девочки у тебя слишком большой рот. Заткни его, а то следующей будешь, — она снова ткнула палкой Доктора. — Открывай!

— Доктор, не слушай её! — протестовала Мэл.

— У меня нет выбора, — сказал он и полез рукой в карман.

Вынув из кармана маленький, но мощный режущий инструмент, которым он пользовался на астероиде, он принялся за дверь.

В центре своего логова Фигуови щебетал от волнения. Потеря хелонийца его не сильно расстроила. 250 тысяч мега-кредитов были ерундой по сравнению с наградой за голову Доктора! А если добавить ещё и награду за мисс Монодин, то барыш получался очень неплохой. Ново-александрійцы были небольшим довесочком.

Он смотрел на сенсорный экран, на котором Доктор прорезал дверь. Плаваясь, куски металлического покрытия густыми каплями стекали вниз.

Доктор выключил резак:

— Ну, вот и готово. Очень просто. Подозрительно просто, я бы сказал.

Мисс Монодин отобрала у него резак и указала палкой в темноту логова Фигууви:

— Иди первый.

Доктор покорно шагнул в дверной проём, который всё ещё дымился. За ним зашли подгоняемые мисс Монодин ново-александрійцы. Следующим должен был идти Уилчук, но он побледнел и покачал головой.

Мисс Монодин схватила его за рукав:

— Ты опять напился! — проревела она. — Марш вперёд!

Она попыталась втолкнуть его в дверь, но он сопротивлялся, пытаясь отбиваться ногами. Тогда она запрокинула голову и сильно его боднула. Он пошатнулся, потерял равновесие, и свалился в дверь. Из носа у него потекла кровь.

Мэл подошла к мисс Монодин и, не сказав ни слова, пошла за остальными.

Она оказалась в маленькой тёмной прихожей. Впереди был виден слабый свет, оттуда доносился приглушённый голос Доктора. Спотыкаясь, она пошла на голос, и через некоторое время оказалась в комнате, от вида которой у неё перехватило дыхание.

Доктор и все остальные стояли в окружении сверкающих драгоценностей, куч банкнот самого разного вида, произведений искусства несравненной красоты, и нескольких стопок книг. Всё это было расположено без особого порядка; Мэл это напонило вид комнаты её младшего брата на Земле. Все драгоценные предметы выглядели так, словно их небрежно швырнули.

В руках у Доктора было что-то, похожее на очень большой рубин.

— Мэл, что скажешь об этом, — он кинул камень ей.

Она осмотрела идеальную огранку камня:

— Кажется абсолютно настоящим, но я думаю, что это очередная иллюзия.

— Нет, нет, — он забрал у неё камень и посмотрел на него против света. — Это всё настоящее. Настоящий клад с сокровищами. Но странно, что это всё хранится тут. Как сказал один мой старый друг, главная радость богатства состоит в хвастовстве богатством.

— Давай пока что забудем о твоём Адаме Смите, — сказала Мэл. — Откуда тут всё это взялось?

Доктор осмотрелся.

— Это ранний Галоострофус, а вон то, если я не ошибаюсь, пара сиссоранских столовых ложек. Да, некоторые из этих предметов пропали много тысяч лет назад, их умыкнули буквально из-под носа самых заядлых коллекционеров и кураторов музеев.

— И это сделал Фигуови? — спросила Мэл, понизив голос и подойдя поближе.

— Вот это я и не могу понять. Я понимаю, зачем Фигуови были нужны хелонийцы, которые были готовы платить деньги. Но зачем звать их, — он указал на ново-александрийцев, — и мисс Монодин? У меня сложилось такое впечатление, что у неё нет ни копейки, — Доктор прижал палец к губам. — Мне кажется, что очень скоро всё прояснится, — прошептал он, и к ним зашла мисс Монодин.

На мгновение она отвлеклась на сокровища, но затем взяла себя в руки.

— Опять фокусы, — она трижды стукнула палкой по полу.
— Фигоуви! Выходи!

И тут же из какой-то незаметной полости возник Фигоуви, сияющий ещё ярче, чем прежде.

— Я смотрю, ко мне незваные гости явились, — мягко сказал он.

Мэл это существо увидела в первый раз; она была впечатлена его яркостью и спокойной манерой держать себя.

Мисс Монодин что-то переключила на своей палке и подняла её.

— Я не собираюсь возвращаться с пустыми руками, — строго сказала она. — Вы знаете, что с вами может сделать это оружие. Отдайте мне то, чем вы подделываете всё это, — она указала на разбросанные драгоценности, — или я вас уничтожу, и заберу всё сама.

Фигоуви приблизился к ней, и что-то в его потрескивающем ядре говорило о том, что он не в духе.

— Вы ошибаетесь. Эти предметы — часть моей коллекции.

Доктор поднял палец:

— Не могу не спросить. Какой смысл для такого фейерверка-переростка, как вы, во всех этих запасах?

Фигоуви сместился, чтобы обратиться к нему:

— Моё предназначение — накапливать богатство, Доктор. Как вы скоро сами узнаете.

Мисс Монодин потрясла палкой, чтобы вернуть внимание к себе:

— Слушай меня! Ты отдашь мне секрет фокуса, или мне убить тебя, чтобы получить его?

Из Фигоуви вытянулось ещё одно световое щупальце.

— Прежде, чем я отвечу на ваш вопрос, вам, пожалуй, следует взглянуть на ещё одну часть моей коллекции.

Щупальце прошло над скрытой в стене панелью, и в дальней части сокровищницы внезапно вспыхнул яркий свет.

Мэл вскрикнула. Потому что Фигоуви показал несколько рядов перевёрнутых стеклянных куполов, и во многих из них находились существа, выглядевшие мёртвыми. Она не знала, что и думать об этом поразительном сборище пленённых инопланетных существ; некоторых из них она узнала, например, стеклоеда и кротона.

Доктор оценивающе присвистнул:

— Вот уж действительно «галерея преступников».

— Все они, — сказал Фигоуви, — находятся в анабиозе. До тех пор, пока моя задача не будет выполнена.

Отлетев от мисс Монодин, он обратился ко всем:

— Добавление вас в их ряды повысит суммарную денежную награду на миллионы.

— Так вот зачем этих бедолаг сюда позвали! — сказала Мэл. — Какая гадость!

— Спокойнее, Мэл, — сказал Доктор.

Фигоуви пренебрежительно протрещал:

— Хватит уже тратить время на разговоры, — он развернул щупальце, и не успела мисс Монодин вскрикнуть, как оно схватило её. — Рона Беатриса Монодин, вас разыскивают на пятидесяти восьми планетах за такое количество преступлений, что нет смысла их перечислять. Полная сумма вознаграждений за поимку превышает сорок миллионов мега-кредитов. Добро пожаловать в ваш новый дом.

Щупальце мерцало; мисс Монодин закричала и со всех сил нажала на активатор на своей палке. Это ни к чему не привело. А затем она просто исчезла.

Мэл моргнула, и когда её глаза открылись, она увидела престарелую противницу в первом ряду коллекции Фигоуви с навсегда сердитым лицом.

Первым прореагировал на случившееся Уилчук. Он поднёс руки ко рту:

— Пощадите, о нет, нет...

К удивлению Мэл, Фигоуви засмеялся:

— Не бойтесь. Вас мне добавлять к коллекции нет смысла. Вы очень плохой экспонат, — он повернулся к Доктору. — А вот вы гораздо интереснее.

Доктор умиротворяюще поднял руки:

— Это, конечно, очень лестно, но энтузиазма особого не вызывает. А ещё у меня есть к вам несколько вопросов.

Фигоуви приблизился:

— Да?

— Вот мне интересно, — сказал Доктор, — а для кого именно вы накапливаете всё это богатство?

— Для Синдиката, — ответил Фигоуви. — Я летаю по Вселенной от их имени.

— Понятно, — сказал Доктор. — И давно уже? Я хочу сказать, кое-что из этого очень старое. Этого кварка моль уже доедает. Разве ваш Синдикат не расстроится?

— Родной планеты Синдиката больше нет, — сказал Фигоуви. — Возвращаться мне некуда. Я просто продолжаю действовать в соответствии со своей изначальной программой.

Мэл вздохнула:

— Типичная безупречная компьютерная логика.

Фигоуви пренебрежительно затрещал.

— Простите её, — сказал Доктор, — она не умеет держать язык за зубами.

Прищурившись на шар, он сказал:

— Ваша база данных, я полагаю, содержит всю информацию обо мне?

— О, да. Беглый повелитель времени, большая награда.

— Ясно.

Доктор порылся у себя в карманах и вынул карандаш и кусок бумаги.

— Фигоуви, — торжественно сказал он. — Я предлагаю сделку. Как повелитель времени, я могу предположить вам гораздо большую добычу, чем я сам.

Он начал что-то писать.

Фигоуви подошёл ближе:

— Что там?

Доктор прижал бумажку к груди:

— Не подглядывайте!

Закончив писать, он сложил бумажку пополам.

— Моё предложение такое. Отпустите меня, мою спутницу, и этих джентльменов, а я дам вам эту бумажку.

— Да что же вы можете мне предложить?

Доктор надул губы:

— Ну, как насчёт галактических координат Галлифрея, а?

Фигоуви возбуждённо жужжал:

— Галлифрея? Планеты повелителей времени?

— Её самой. Только подумайте, какие номера вы сможете там проверить. Секреты путешествий в пространстве и времени могут стать вашими.

Фигоуви принял решение.

— Дайте мне эту бумажку, Доктор!

Доктор покачал головой:

— Если вы нас отпустите, то я выкину её из дверей ТАРДИС, но ни моментом раньше. Согласны? — он погрозил Фигоуви пальцем. — И даже не пытайтесь отобрать её.

Сверьтесь со своими данными: мои рефлексy молниеносны. Я просто съем бумажку.

Наступила тишина.

— Ну, что скажете?

Фигоуви размышлял:

— Галлифрей... да, да. Идите, Доктор, и забирайте всех своих друзей! Идите! Но помните... никаких фокусов, иначе я усилю энергетическое поле, и вы останетесь тут навсегда.

— Договорились, — обрадовался Доктор. — Пожал бы вам руку, но у вас её, похоже, нет.

Он показал всем, чтобы шли за ним, и пошёл к выходу.

Мэл бросила последний взгляд на мисс Монодин и пошла за ним. Десять минут спустя она прощалась с Уилчуком у дверей «Фазтона».

— Пожелала бы вам удачи, но мы ведь враги.

— Поверить не могу, что мы улетим отсюда, — сказал он.
— Но я рад, что теперь свободен от Монодин.

Он повернулся к шлюзу корабля.

— Теперь, наверное, эта развалюха моя.

— Садитесь, и летите прямо в будущее, — сказала Мэл, заставив себя на прощание улыбнуться.

Люк перед ней закрылся; несколько секунд спустя сработали зажимы и корабль улетел.

Она поспешила к Доктору, который прощался с ново-александрийцами.

— И запомните, — говорил им он, — если вы на своей планете наведёте порядок, то перестанете быть такой доступной жертвой. Хватит уже сваливать в кучу всё, что вы нашли или узнали — устройте большую библиотеку. Если правильно всё сделаете, люди будут платить за то, чтобы взглянуть на ваше добро.

Дверь их корабля закрылась, и они улетели.

— О чём это ты? — спросила Мэл, когда они шли к ТАРДИС.

— Ново-александрійцы знамениты тем, что как сойки собирают всякое барахло, — сказал он. — Особенно им нравятся книги, что, как мне кажется, говорит об их стремлении к знаниям. Но информация, которую они так увлечённо собирают, никогда не обрабатывается и не каталогизируется. Фигоуви нужна была эта их кipa знаний, которую можно было бы выгодно продать на открытом рынке. Я им посоветовал собраться вместе и начать сохранять данные как следует. Тогда бы они не приняли такое сомнительное приглашение, которое прислал им Фигоуви.

Они подошли к ТАРДИС. Доктор с многозначительным видом спросил:

— Твой друг благополучно улетел? Вы с ним, похоже, хорошо ладили.

Мэл закатила глаза:

— Не говори такое, Доктор! Да даже если бы он был мускулистым адонисом, склонным к карманного размера рыжим. Мне больше нравится путешествовать с тобой.

Она осмотрелась:

— Но это всё ерунда. Где Фигоуви?

Фигоуви явился как по команде. Доктор тут же закрыл двери ТАРДИС:

— Не приближайтесь. Помните о нашем уговоре.

— Разумеется. Вы свободны. Но не забывайте и о своей части сделки.

Доктор помахал Фигоуви запиской:

— Как же я могу забыть? Спасибо.

Он подогнал Мэл в дверь, и быстро зашёл вслед за ней.

Через секунду раздался загадочный скрежещущий звук, и похожая на полицейскую будку оболочка корабля начала становиться полупрозрачной. Фигоуви беспокойно покачивался. Затем в щель закрывающейся двери элегантно вылетела сложенная в виде самолётка бумажка.

Выполняя соглашение, Фигоуви отключил силовое поле, и ТАРДИС стала прозрачной, а затем, мигая синим фонарём на крыше, исчезла.

Фигоуви бросился на перехват самолётка.

Мэл наблюдала, как Доктор суетится у консоли ТАРДИС, что-то довольно напевая про себя, щёлкая переключателями. Сверкающая центральная колонна гладко опускалась и поднималась.

— Чуть не попались, — сказала Мэл, опускаясь в кресло.
— Ну?

— Что «ну»?

— Ты не собираешься задать курс на Галлифрей?

— А зачем мне туда лететь?

Мэл вскочила с кресла:

— Чтобы предупредить Верховный Совет, разумеется!

Доктор улыбнулся:

— О чём предупредить?

— О Фигоуви! — не выдержав, крикнула Мэл. — Ты, конечно, очень искусно спас нас от него, но как насчёт твоих соплеменников? Думаешь, они тебе спасибо скажут за то, что ты направил к ним такое аморальное существо?

Доктор с самодовольным видом взялся за лацканы пиджака.

— Но Фигоуви не полетит на Галлифрей, — довольным голосом сказал он.

— Но... — Мэл запуталась, — я же видела, как ты отдал ему координаты.

Доктор покачал кучерявой головой:

— Нет, Мэл. Ты видела, как я отдал ему бумажку. Может быть, я и упоминал координаты, но отдать ему согласился только бумажку, — он гордо запрокинул голову. — Мне пришло в голову, что хотя такая машина, как Фигоуви, и была создана для эксплуатации доверчивости органических существ, вряд ли она была рассчитана на аналогичное коварство со стороны своих жертв.

У Мэл был ещё один вопрос:

— Тогда что ты написал на бумажке?

Доктор улыбнулся:

— Да так, ребячество. Впрочем, «детство предвещает человека, как утро предвещает день»...

Мэл потянула его за рукав:

— Доктор!

Он уткнул большой палец в нос и, размахивая остальными пальцами, сказал:

— Ня-ня-ня-няня!

ПЕРЕКРОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Стивен Моффат

Переведено при участии TellmeMoar

Лунный университет, корпус

Хаммерштайна, малая аудитория. 2643 г.

Невысокий человек на трибуне вынул из жилета часы и бросил быстрый взгляд на аудиторию. Около четырнадцати миллионов, — прикинул он. Почти наполовину заполнена. В следующие десять минут, наверное, появятся остальные виртуальные слушатели, загруженные из... чего-то там. «Вечно забываю эти технические термины, — подумал он. — В них столько согласных».

Протягивая руку, чтобы перелистнуть текст (на своём Ноутматик Как-его-там), он заметил, что она немного дрожала. Нервы, конечно. И это понятно. Он ведь сегодня не просто читал лекцию, он собирался изменить историю. И очень многое зависело от того, правильно ли он всё сделает. С любовью подготовленная лекция (восемь недель собственно написания, тридцать лет исследований, и горькая обида в течение всей жизни) беззвучно прокручивалась на экране Видтроника Какого-то-там.

Десять минут. Как раз хватит, чтобы быстро перечитать...

Выдержка из конспекта лекции профессора

Кэнди.

Доктор Кто?

(Заметки для лекции во Фрэнклине)

Доктор Кто? Хороший парень или полная сволочь?

(Пристальным взглядом окинуть аудиторию. Игнорировать хихиканье.)

При том количестве исторических свидетельств, которое обнаружено на сегодняшний день, мало кто до сих пор сомневается, что путешествующий во времени Доктор — это больше, чем просто миф или, как утверждалось, сговор обкурившихся посреди ночи историков.

Он реален, и он где-то есть. Вопрос в том, а нужен ли он нам?

Единственный выживший мортоид с Тёмной Планеты однажды заметил: «Никогда не спорьте о политике с Доктором. Он просто проберётся к вам по вентиляционной шахте, дестабилизирует вашу политическую инфраструктуру, и взорвёт вашу солнечную систему».

(Если кто-то засмеётся, с пониманием улыбнуться. Если нет — сохранять серьёзный вид.)

Далекам со Скаро он, конечно, известен как Ка Фарак Гатри. Это принято переводить как «Несущий Тьму», хотя профессор Литтл убедительно показал, что этот перевод, как правило, придумал сам Доктор. Более точно, и с сохранением свойственной далекам иронии, Ка Фарак Гатри означает «Хороший парень — для тех, кто двуногий». И это, пожалуй, характеризует Доктора лучше, чем что-либо другое. Он никогда не понимал шутки далеков.

Так нужен ли он нам? Нужен ли нам этот единоличный крестовый поход по нашей истории, покровительствующий нашим предкам и похищающий молодых женщин? Да, да — похищающий! И просто избавляющийся от них, где и когда ему заблагорассудится, когда они стареют или надоедают. Представьте на минутку состояние горюющего родителя, чья дочь не умерла, и не пропала в привычном смысле, а стала

Королевой-Воительницей на Торос Бета. Представляете, каково ему оправдываться, в то время как полиция перекапывает его сад?

Кстати, по поводу женщин, которые с виду добровольно становились спутницами Доктора. Спонсоры этой лекции выпустили специальное полноцветное издание, посвященное этим многочисленным несчастным, которое доступно в фойе всем, желающим продолжить исследование самостоятельно.

Меня попросили сказать вам, что оно включает никогда ранее не экспонировавшиеся голограммы Джо Грант, Тиган Джованка, и...

Новая Александрийская Библиотека, 2668

Г.

— Простите, у вас в отделе археологии есть мини бар?

На мгновение Библиотекарь даже не желала поднять взгляд. Ей хотелось продолжать смотреть на экран, сосредоточиться, и надеяться, что дура, задавшая этот дурацкий вопрос в конце очень долгого дурацкого дня, поймёт намёк и испепелится. Она выждала целую секунду — ни вспышек пламени, ни осыпающегося пепла. Проблема с современными людьми, — с горечью подумала Библиотекарь, — в том, что они абсолютно не воспитаны.

Она выждала ещё две секунды (точно рассчитав — чуть дольше, и тебя сочтут глухой, чуть быстрее — подумают, что тебе интересно) и подняла глаза. Хорошее личико, плохие серьги; неужели эта одежда выбрана осознанно?

Плохие Серьги улыбнулась (ошибка новичков) и повторила свой вопрос (она что, впервые в жизни библиотекаря видит?)

— Разумеется, там есть минибар. Это же библиотека, в конце концов!

Плохие Серьги с триумфом шлёпнула рукой по стойке и повернулась к невысокому человеку в ужасном свитере:

— Вот видишь. Теоретически, я добила своего!

Ужасный Свитер хмурился. Задумавшись, он постучал по подбородку ручкой страшного зонта (боже мой, зонт был в тон свитеру) и сказал:

— Ладно, можешь сходить. Но написанные тобой книги тебе нельзя читать!

— Можно, я сделаю копии? Сэкономит мне время, когда я соберусь писать их.

— Ни в коем случае. Они на этот счет чрезвычайно строги.

— Повелители времени?

— Критики.

Она кивнула:

— Тогда я лучше буду вести себя хорошо.

Когда она повернулась, чтобы идти, Ужасный Свитер направил на неё зонт. Это выглядело как предупреждение.

— И особенно — твой дневник!

— Мой дневник опубликуют?

— Ты, возможно, сидишь сейчас там, и что-то в нём переписываешь.

Плохие Серьги вздохнула:

— То есть я так и не избавилась от этой привычки, да?

— Иногда к нему очередь из тебя выстраивается.

Скривившись, Плохие Серьги повернулась и направилась через приёмный зал в сторону транспортных кабинок. Библиотекарь решила испытывать к ней сильную неприязнь, и это было уже двадцать восьмое такое решение за этот день. Без малейшего любопытства она отметила, что, едва дойдя до кабинок отдела археологии, Плохие Серьги украдкой взглянула на своего спутника, будто проверяя, не смотрит ли он. Затем

она быстро сменила направление и проскользнула в другую кабинку. Отдел художественной литературы, — отметила про себя Библиотекарь, всё еще без малейшего интереса.

Не заметив этого, Ужасный Свитер, к которому библиотекарь решила испытывать сильную неприязнь (*двадцать девять*), остался на своём месте, облокотившись на зонт и хмуро уставившись в пол, будто пытаясь взглядом прожечь его. У неё промелькнула мысль, что он, возможно, и прожёт бы, если бы действительно захотел этого, и от удивления она заморгала. Она не собиралась думать об этом! Откуда у неё эта мысль? Внезапно она поняла, что думает о том, что нет смысла волноваться о странной случайной мысли, неожиданно возникшей у неё в голове, и что она может немедленно подумать о чём-нибудь другом. Так она и сделала. Она снова сосредоточилась на экране каталога и заверила себя, что для привлечения её внимания понадобится гораздо больше, чем какой-то садовый гном в глупой шляпе.

Внезапно мужчина перестал её игнорировать (Чёрт! И надо было на него пялиться?) и поднял взгляд на неё. Хмурости как не бывало, будто щёлкнули переключателем, а её место заняла редкозубая улыбка, как у семилетнего мальчика, радостно показывающего своей маме найденных в саду червяков.

— Я ищу книгу, — сказал он.

Не сводя с него глаз, она выдержала паузу в целых четыре секунды, иронично изогнув бровь на третьей, чтобы не оставить никаких сомнений в своих способностях.

— Принимая во внимание тот факт, что это библиотека, — ответила она с четко выверенной едкостью, — и даже не просто библиотека, а единственная величайшая, всеобъемлющая библиотека из всех; учитывая, что один только наш отдел каталогизации пересекает две линии смены даты, и что

гиперзвуковой монорельс необходим для передвижения по одному лишь разделу детективов; что любая книга, любого типа, когда-либо написанная за всю историю, во всей известной Вселенной, хранится в этом помещении; беря всё это во внимание, могу ли я осмелиться предположить, что вы пришли в нужное место?

Идиотская детская улыбка стала ещё шире — видимо, не только червяки, но ещё и дохлая мышь в бутылке из-под молока.

— В таком случае, у вас должна быть «Бойня на Дельтерусе 5: Полная сводка об истреблении последних дельтеронов дракоидами» Дэвида Хиттеншталя.

— Надеюсь, вы простите меня, что я ещё не выучила весь наш каталог, включающий, по сути, каждое слово, когда-либо написанное разумными существами? Вчера у меня был выходной.

— Большую часть времени Дэвид был разумным существом. Следовательно, у вас должна быть его книга.

— Корпус 4300Б, этаж 2348, сорок пятый кабинет, вторая сверху полка. Это на самом полюсе, так что захватите пальто.

К её удовольствию, он выглядел удивлённым.

— Как я уже сказала, я пока ещё запомнила не весь каталог... Испытайте меня завтра.

Он снова улыбнулся, снял шляпу (он что, сделал это не отрывая руки от зонта? Нет, это было бы глупо!) и проворно развернулся на каблуках. Она позволила ему поднять ногу в направлении транспортных кабинок.

— Допуск к этому тексту, разумеется, ограничен. Так что нет возможности дать вам разрешение прочесть его, увидеть, или даже просто находиться поблизости.

Его нога зависла в воздухе. Затем, с ловкостью клоуна, он ударил по ней зонтом и развернул себя лицом к ней. Как будто сценка из мюзик-холла, — подумала она. Правда, она не знала, что такое сценка из мюзик-холла. Да откуда же эти мысли берутся?

— Скажите, — сказал он, — а не могли бы мы прийти к какого-либо рода пониманию относительно слова «ограничен»?

— У нас отличный раздел словарей. Полагаю, там очень приятно в это время года.

— Я имел в виду скорее какого-то рода договорённость, к которой мы могли бы прийти. Только между нами.

Снова улыбка и движение бровями. Нелепо, но казалось, что его шляпа двигается в такт. При других обстоятельствах она могла подумать, что он к ней клеится, но стоящий перед ней странный суетливый мультяшный персонаж скорее мог предложить прогулять вместе уроки и наворовать в саду яблок.

— «Ограничен», — протянула она с выражением, — означает «ограничен».

— А! Так вы и словари тоже выучили.

— Скучно однажды было — в течение обеда справилась.

— Для меня жизненно важно увидеть эту книгу. Так уж вышло, что у вас единственная существующая копия.

— Верно.

— И что у вас такая система безопасности, что даже я не могу проникнуть.

Она подняла бровь настолько, чтобы изобразить максимальную иронию:

— Даже вы.

— Если только, конечно, вы не дадите мне особое разрешение и необходимые коды доступа.

— Что даже не обсуждается.

Когда он наклонялся вперёд, его лицо попало в тень (какая тень? откуда там тень?) и на мгновение показалось, что его глаза горят.

— Жизни, — сказал он, почти рыча, — на кону.

— Дельтероны были полностью сметены дракоидами сто лет назад. Думаю, поздновато уже что-то предпринимать.

— Информация в этой книге...

— Засекречена.

— Она важна для меня.

— Не вижу для этого причин.

Он снова улыбнулся, но в этот раз улыбка была грустной.

— Скажем так, я — доктор истории.

Она ухмыльнулась так, как улыбаются, чтобы дать людям знать, что они много на себя берут.

— Вы имеете в виду, что вы её изучаете?

— Я имею в виду, что я её лечу.

И он выдержал её взгляд. Что-то странное было в его глазах...

На одно головокружительное мгновение она ему поверила. Она знала, что ему действительно нужна книга, знала, что может доверять ему абсолютно, знала, что решается судьба многих жизней, и только этот невероятно выглядевший несостоявшийся актёр мюзик-холла может что-то изменить. Она уже вбивала коды авторизации, и сложные процедуры доступа должны были снять книгу с полки на другой стороне планеты, всосать её в гипер-трубу, и вывалить на стол перед ней. Щёлкая пальцами по сенсорной панели, она лишь надеялась, что это ещё не слишком поздно, молила о том, что не отняла у этого странного человечка слишком много времени...

Её рука замерла, и лишь мгновение спустя она осознала почему. Мюзик-холл? Опять мюзик-холл? Что такое мюзик-холл и почему она о нём думает?..

О Боже! Она отдёрнула руку от сенсорной панели. О, милосердный Боже!

Лихорадочно она отменяла запрос книги и процедуры авторизации. Её охватила дрожь от внезапного понимания и от страха перед тем, кто (теперь она это знала) стоял напротив её конторки. Она заставила себя обернуться на человечка в ужасном свитере с гадким зонтом. Конечно, она же раньше его никогда не встречала, а он выглядел совсем не так, каким она его себе представляла. Но это был он. И, Боже помоги, она чуть было не поддалась.

— Что-то не так? — спросил он.

Она подавила в себе приступ паники. Ладно, значит, это был он. Какого чёрта! — думала она. Она же всегда знала, что он может тут объявиться, такая возможность никогда не исключалась. Она справится, если просто возьмёт себя в руки. Просто посмотри ему в глаза, — говорила она сама себе, и подумай: «Ну и что?» А ещё лучше — представь, что он твой муж. Твой муж в тот вечер, когда ушёл!

Она снова посмотрела на него, прямо в его горящие глаза, не вздрогнув.

— Я хочу, чтобы вы поняли, — сказала она, и в её голосе не было ни капли дрожи, — что бы вы ни делали, что бы ни пробовали, что бы ни замышляли, нет ни единого шанса, что вам когда-нибудь позволят приблизиться к этой книге. Это вам ясно?

Судя по его ответному взгляду, он был поражён. Даже задет. Полностью насладившись моментом, она тихо добавила:

— Я знаю, кто вы.

— Знаете? — спросил ССПВ.

Выдержка из конспекта лекции профессора Кэнди.

Почему, вы думаете, ему удаётся за двадцать пять минут, на любом звездолёте, одними разговорами освободиться из камеры предварительного заключения и сесть в кресло капитана? Потому что он привлекательный? Вы видели его портреты. Он не особо привлекателен! Согласно всем сообщениям, он непостоянен, заносчив, груб, безрассуден и, вполне возможно, безумен.

Так что вам стоит подумать, почему любое военное подразделение, с которым он сталкивается, передаёт ему ключи от оружейного склада, не говоря уже о своём командовании, причём ещё до того, как с него сняты подозрения в убийстве, из-за которых они его только что арестовали.

Почему? Поймите, Доктор — это не личность в привычном нам понимании. Он то, что я называю ССПВ — Сложное Событие в Пространстве-Времени. Вообще-то, я полагаю, что он — самое сложное событие в пространстве-времени из всех, где-либо и когда-либо встречавшихся. И, как любое такое событие, его непросто изучать, поскольку само его присутствие изменяет то, как мы мыслим.

Подумайте: у него есть телепатические способности, которые автоматически переводят любой язык во Вселенной, не только для него, но и для всех оказавшихся в его непосредственном окружении. Все его так называемые спутники, похоже, странствовали по всей Вселенной, наивно полагая, что весь Космос говорит на их языке, и почему-то не считали это даже слегка удивительным. Вывод неизбежен. Он не только переводит язык для окружающих, но и использует то

же телепатическое управление для подавления любого любопытства по этому поводу. А ещё подумайте: если он постоянно так меняет наше восприятие, то в чем ещё мы обмануты?

Его схожесть с человеком так успокаивает. Но подобен ли он и вправду человеку? Это так убедительно — он даже носит нашу одежду. Но возможно ли это? Наибольшую же тревогу вызывает то, что все, кто знаком с Доктором, утверждают, что он хороший человек, даже герой. Но сами ли они пришли к такому мнению? Или это он за них решил?

Новая Александрийская Библиотека, 2668

Г.

Библиотекарь неподвижно стояла возле конторки. Её дыхание постепенно приходило в норму. Она смогла отказать, и он умчался, похоже, недовольный этим. Пока всё хорошо.

— Ты в порядке? — Уолтер нависал над её плечом (естественно) и она в тысячный раз задумалась о том, почему она терпела ассистента, который не только был невообразимо безвольным, но ещё и досаждал ей своей влюблённостью в неё.

— В порядке. Просто трудный клиент.

Она кивнула в сторону ССПВ, едва видного на дальнем краю приёмного зала. Он шагал туда-сюда с почти комичной поспешностью, и что-то яростно бормотал себе под нос. «Не столько трудный, сколько опасный», — подумала она. Тем не менее, нет причин беспокоить Уолтера.

— А, ты о Докторе!

Это был первый случай на её памяти, когда она посмотрела на Уолтера с удивлением.

— Ты его знаешь?

— Типа того. Все твои предшественники были его старыми друзьями.

Она нахмурилась.

— Все?

— До последнего. Даже забавно, если вдуматься.

Более чем забавно. Вообще-то, весьма опасно. Вслух же она сказала:

— Это объясняет, почему он заходит сюда, рассчитывая на особое отношение. Хотел взять Хиттеншталя.

— «Бойня на Дельтерусе 5: Полная сводка об истреблении последних дельтеронов дракоидами»? Корпус 4300Б, этаж 2348, сорок пятый кабинет, вторая сверху полка?

— Именно.

— Скучноватая в середине.

Немного поколебавшись, она постаралась спросить непринуждённым голосом:

— Мои предшественники... они обслуживали его на особых условиях?

Уолтер ответил уклончиво. Вернее, он всегда был уклончив, а сейчас ответил немного более уклончиво, чем обычно.

— Ну, я же сказал, они были его друзья.

— То есть, они выдавали ему тексты для ограниченного доступа? — не сдавалась она.

Уолтер исполнил впечатляюще уклончивое пожатие плечами, словно задействовав как минимум три плеча, и сменил тему:

— А почему Хиттеншталь в ограниченном доступе?

— Потому что дракоиды теперь наши друзья. И поэтому любые небольшие нарушения, за которые они были ответственны в прошлом, всё усложняют.

— Они уничтожили целую расу!

— И люди будут им попрекать этим.

— Это был геноцид.

— Вот видишь!

— Андреа, не могу поверить, что даже ты...

Андреа! Она чуть не вздрогнула от этого имени. Обычно им пользовался только Уолтер, а для себя и для других она была просто Библиотекарь. Она перебила его раньше, чем он успел негодуяще пролепетать ещё что-то.

— Разумная степень скрытия информации была частью договора.

— Это гадко, бесчестно, и абсолютно аморально!

— Конечно. Зато они позволяют нам пользоваться их пляжами.

— А как же дельтероны?

— Нет планеты — нет пляжей.

Поджав недовольно губы, Уолтер развернулся, чтобы уйти.

— Кстати, — добавила она ему вслед, — я подумывала задержаться после работы и заняться с тобой опасным сексом.

Дёрнувшись, чтобы обернуться на неё, голова Уолтера чуть не свернула его шею.

— Правда? — прохрипел он с открытым изумлением.

Она мягко улыбнулась:

— Нет.

Уолтер, по её мнению, скорчил такое лицо, каких она ещё не видела.

— А, — сказал он. — Ясно. Шутка. Хорошая. Понял. Хорошо.

Он снова повернулся, чтобы уйти, и почти сразу опять развернулся к ней, краснея и моргая, как это свойственно слишком чувствительным натурам.

— Ты знаешь, — сказал он, и она с трудом верила, что он это говорит, — иногда я просто поражаюсь: как тебе удалось стать такой?!

Она пожала плечами:

— Моя дочь убита, муж меня бросил. Просто повезло, наверно.

В течение мгновения его бросало то в продолжавшуюся ярость, то в более привычные приступы извинения, затем, определившись, он ушёл в помещение для персонала, хлопнув за собой дверь.

Почти восхитительный, — подумала она, — но так надоедливо восхитительный. У неё возник смутный интерес — что же такое он мог в ней увидеть, и на мгновение ей даже захотелось посмотреть в зеркало. Это было невозможно. Она скривилась, вспоминая то утро, когда ей стало так противно от случайного взгляда на своё лицо, что она запретила в библиотеке любые зеркала. Не самый здоровый порыв, возможно, свидетельствующий об аутофобии, — подумала она и замерла. Откуда взялся этот жалкий диагноз?

Он снова стоял у конторки, буквально в метре от неё, а она даже не услышала, как он подошёл — как будто хотел застать врасплох!

— Вы знаете, — сказал он, — я не могу передать, как важно, чтобы я увидел эту книгу. Если я немного её почитаю — никому ведь не повредит, не так ли? Каким образом? Располагая же информацией из этой книги, вы даже не представляете, сколько страданий я смог бы предотвратить.

Она посмотрела на него и вдруг поняла, что отказать этому человеку стало настолько проще просто потому, что он ей очень не нравился. Даже вызывал отвращение. На мгновение она уставилась на него с показной холодностью.

— «Жизни на кону» — так, кажется, вы сказали? — в конце концов произнесла она.

— Много жизней. Невинных жизней.

— Невинных? Это точно?

Она вспомнила свою дочь, заглядывавшую в глаза, доверчиво прижимающуюся к ней и спрашивающую, есть ли в мире монстры. Пять лет, просто красавица, за десять секунд до своей смерти. Она с трудом подавила воспоминание.

— Так передайте этим невинным людям с их невинными жизнями, — сказала она даже жестче, чем собиралась, — что жизнь, невинная или нет, несправедлива.

Словно гроза надвинулась на его лицо:

— Ваше последнее слово?

— Аминь.

— Ясно.

На мгновение он задумался. Он вынул из пиджака карманные часы и раскрыл их. Внутри вместо циферблата были ряды кнопок. Его пальцы забегали по ним; это выглядело как последовательность сложных вычислений.

— Если моя попутчица вернётся раньше, чем я, — сказал он, не поднимая взгляда, — передайте ей, что я не надолго, — он посмотрел на неё, и его глаза показались очень тёмными. — Мне нужно отлучиться по небольшому делу.

Выдержка из конспекта лекции профессора

Кэнди.

Как далеко он может зайти? Если кто-то стал на его пути, кто-то, на кого он не мог повлиять обычными способами, кто-то, кто стоял между ним и его потребностью навязать Вселенной свою волю, как далеко готов зайти наш героический, великодушный Доктор?

Новая Александрийская Библиотека, 2668**Г.**

За полками блеснул синий цвет и раздался скрипучий, будто что-то перемалывалось, рёв, что-то среднее между разозлённым львом и возмущающимся астматиком.

Из читального зала раздался целый хор «тсс». Библиотекарь почувствовала, как у неё проходит нервное напряжение, которое она до этого не осознавала. Все исторические свидетельства говорили о том, что такой звук сопровождал прибытие и отбытие ССПВ, каким бы загадочным транспортным средством он ни пользовался (рассказывали сказки о старой телефонной будке, но это же глупости!).

Итак, он ушел из виду и, слава Богу, из её сознания. Но ушел не надолго, — напомнила она себе. И что дальше? — думала она, нервно барабанила пальцами по конторке. Несомненно, он попытается снова, и в этот раз шуточки уже закончатся.

Он возьмётся уже всерьёз, и эта мысль определённо не радовала. Мысленно она вспомнила текущие системы защиты и меры предосторожности. Безупречно! Вообще-то, даже смертельно, если возникнет на то потребность. Она была убеждена, что ССПВ знал об этом тоже; он не производил впечатления человека, который бы потруился просить о чём-то, если бы знал, что может это просто взять.

Так что же он может теперь предпринять? Что он может попробовать? Ответ, — подумала она торжествующе, — ничего. Абсолютно ничего! На мгновение она почти засияла. Вряд ли этот человечек часто сталкивается с кем-то, кем ему не удаётся манипулировать, как ему заблагорассудится.

Возвращаясь к работе, в зеркале позади своего стола она заметила у себя на лице легкую ухмылку триумфа.

С другого конца зала донеслось жужжание транспортной кабинки. Она обернулась и увидела, что из отдела литературы вернулась Красивые Серьги. Она вышла из кабинки и так же воровато огляделась, как и раньше, когда она так заинтриговала Библиотекаря. Чем бы Красивые Серьги ни занималась, её друг, ССПВ, не был в курсе. Не очень типичная ситуация, — язвительно подумала Библиотекарь, — и, возможно, не безопасная. Судя по её виду, Красивые Серьги тоже не считала, что она в безопасности. Крепко прижав к груди книгу, она быстро прошла в читальный зал.

— Простите, — позвала Библиотекарь.

Красивые Серьги дёрнулась, словно пойманный воришка, и Библиотекарь почувствовала себя виноватой. Она попыталась благосклонно улыбнуться.

— Вашему другу понадобилось выскочить на минутку. По делу.

— По делу? — Красивые Серьги кивнула. — Предупредите меня, если приблизится конец света.

Хороший ответ, — подумала Библиотекарь в то время как Красивые Серьги направилась искать стол. Но этот ответ прозвучал так, как будто не был шуткой. На мгновение ей захотелось пойти следом, завязать разговор, может, даже выяснить что-то о ССПВ или о том, отчего у кого-то может возникнуть желание путешествовать с такой личностью, но за спиной раздалось нетерпеливое покашливание.

Возле конторки стояло идеальное воплощение трудного клиента, начиная с барабаниющих пальцев и заканчивая сжатыми губами и недовольно приподнятыми бровями. В

восемнадцатый раз за этот день Библиотекарь решила сильно невзлюбить кого-то.

Прошёл час, прежде чем у Библиотекаря появилась возможность как бы невзначай пройти рядом со столом, где сидела Красивые Серьги. Перед ней лежала открытая книга, из которой она аккуратно копировала одну из страниц в свой дневник, или что-то на него похожее. Библиотекарь вежливо склонилась над её плечом.

— Мы могли бы скопировать для вас это, если нужно.

Красивые Серьги дёрнулась, будто коснулась оголённого провода, и захлопнула книгу.

— Спасибо, нет, не важно, я уже закончила.

Это было произнесено в большой спешке и сопровождалось худшим изображением непринуждённой улыбки, которое довелось увидеть Библиотекарю за последний месяц. Эта женщина явно делала что-то за спиной ССПВ. Но делало ли это её союзницей? Выясним, — решила она. Спровоцируем её немного.

— Так ваш друг бросил вас, да?

Ироничная улыбка:

— Поверьте, он поступал и хуже.

— В самом деле?

— Ещё как.

Она вернулась к своему дневнику. Библиотекарь не уходила, отчаянно ища способ продлить разговор. На мгновение её взгляд задержался на серьгах женщины. У неё было смутное чувство, что до этого они ей не так нравились, но это было невозможно. Её первой мыслью наверняка было «какие они красивые».

— Мне пришлось отказать ему в выдаче книги. Его это не порадовало.

— Могу себе представить.

— Он рванул в сторону и начал ходить туда-сюда, что-то бормоча себе под нос.

— Такой он, Доктор. Обычно всё заканчивается тем, что он разговаривает сам с собой, поскольку никто не может понять, о чём он.

Так, пора немного надавить.

— Горе от ума?

— Нет. От ужасной дикции.

Они вместе засмеялись (хорошо, налаживается связь) и с соседнего столика раздалось «тсс!». Библиотекарь бросила в том направлении испепеляющий взгляд. Она же библиотекарь, чёрт возьми, кто на неё может шикать?! На неё смотрела женщина с острыми чертами лица. Ещё один человек для неприязни, — резко решила она, — уже двенадцатый за сегодняшний день.

— Такие уж эти мужчины, верно? Исчезают, когда меньше всего этого ждёшь.

Красивые Серьги вскинула брови:

— Личный опыт?

— Разведена, — призналась Библиотекарь. — Вроде как разведена. Он просто однажды вечером сказал, что пошёл в магазин. Но, по хитрому взгляду на его жирной глупой роже, я понимала, что он не вернётся!

Красивые Серьги улыбнулась такому описанию.

— Вы явно всё ещё скучаете по нему, — сказала она с иронией.

Настало время для обезоруживающей честности.

— Да, — просто сказала она.

Та женщина, похоже, смутилась и быстро сменила тему.

— С Доктором всё не так. Он этим не интересуется.

Отличная возможность!

— А чем он интересуется?

— Преимущественно монстрами.

Библиотекарь почувствовала, как её рука вцепилась в спинку стула, а пальцы сжались до боли. Воспоминания прорвались, как это было всегда, когда её заставляли врасплох. Чёртова процедура улучшения памяти! Двадцать лет назад её дочь, в её крепких объятиях, спросила: почему ей снятся монстры, если в мире нет никаких монстров? Снаружи лозы хлестали и рвались к окнам, но не было никакого ветра. Тише, Гвенни, конечно же, монстры существуют. Но они не такие уж плохие. Знаешь, монстрам тоже снятся кошмары. Маленькое личико смотрело вверх, удивлённое этой идеей, а затем сдвинуло брови и стало формулировать вопрос.

Через три секунды её позвоночник сломается и она умрёт. Из окна раздался звук ломающейся древесины...

— Андреа?

Рядом с ней стоял Уолтер, а Красивые Серьги смотрела на неё с беспокойством. С привычным болезненным усилием она подавила своё воспоминание.

— Простите, всё в порядке. Просто задумалась.

— Ну конечно, — Уолтер, похоже, не верил. — Чтобы ты знала: я выскочу в отдел науки и технологии. Скоро вернусь.

— Я справлюсь тут без тебя.

— И, это... — он оглянулся на Красивые Серьги, которая поняла, что ей лучше дальше не слушать, и снова погрузилась в книгу; Уолтер наклонился ближе. — Ты что-то говорила об опасном сексе?

Она улыбнулась:

— Да?

— Оказалось, что сегодня я всё-таки свободен.

Иногда он такой милашка! Она коснулась пальцем его носа.

— Ты ведь ничего из-за меня не отменил, нет? Потому что я считаю, что тебе пора начать встречаться с кем-нибудь твоего возраста.

— Спасибо, но я рад встречаться с тобой.

Такой милашка!

— Ладно. Но предупреждаю, сегодня я настроена особенно опасно.

— Отлично! — он снова выглядел озабоченным. — Ты уверена, что ты в порядке?

— Я же сказала, всё хорошо.

Он всегда так беспокоится о ней! Почти надоедлив, но так восхитительно надоедлив.

— А что случилось в отделе науки и технологии?

— Жалоба.

— Помни: клиент всегда прав.

Он задумчиво покачал головой.

— После всего того, через что ты прошла, как ты стала такой хорошей?

— Тибетская техника управления мыслями, — ответила она и подумала, не принял ли он это за шутку.

Судя по его улыбке — принял.

— До встречи! — сказал он и направился к транспортным кабинкам.

— Рыжий Парик! — сказала Библиотекарь, внезапно вспомнив.

Красивые Серьги удивлённо посмотрела на неё.

— Простите?

Библиотекарь нахмурилась.

— Заменяющий учитель у меня в школе много лет назад. Он заменял у нас пару месяцев, научил нас тибетскому управлению мыслями; сказал, что оно сделает нас лучше.

Красивые Серьги смотрела на неё растерянno, явно пытаясь понять, какое это имеет отношение к ней.

— И я только что поняла, — продолжила Библиотекарь, хмурясь всё сильнее. — Он был похож на вашего друга Доктора!

И на мгновение он всплыл в её памяти как живой: странная невысокая фигура в безнадёжно очевидном рыжем парике. «Зачем он ему? — смеялись они. — Маскировка?»

— Здравствуйте, класс, — сказал он со смешным акцентом. — Мистер Руни решил взять небольшой отпуск, и я его какое-то время буду заменять.

Выдержка из конспекта лекции профессора Кэнди.

Доктор путешествует во времени. Никогда не забывайте об этом, это ключ к пониманию того, почему он так опасен. Большинство из нас в меру наших возможностей вовлечены в написание истории. И только Доктор занимается её переписыванием.

Новая Александрийская Библиотека, 2668

Г.

Поразительно! — думала Библиотекарь. Просто поразительно! Старый Рыжий Парик и ССПВ так похожи: чудная, нервная манерность, внезапные улыбки, зачастую неразборчивый акцент — и она так долго этого не осознавала! На какой-то миг ей почудилось, что она не замечает что-то

очевидное, но мысль об этом почему-то было очень трудно удержать, и она её отбросила.

Как бы там ни было, — напомнила она себе, — у неё есть обязанности. Каким бы очаровательным она лично его не находила, ССПВ следовало отказать в выдаче Хиттеншталя! Она посмотрела туда, где всё ещё сидела за столом его спутница. Она уже закончила делать выписки из книги и, похоже, заклеивала части своего дневника. Эта женщина — ключ, — подумала она. Как бы выудить из неё что-нибудь полезное?

Зажужжала транспортная кабинка — её ассистент вернулся из отдела науки и технологии.

— С жалобой разобрался, — сказал Джеймс. — Напишу отчет и ознакомлю тебя.

Он исчез в помещении для персонала. Всегда такой формальный, — подумала Андреа. С внезапной болью она вспомнила застенчивого, очаровательного Уолтера. Его что, и вправду уже год как нет? Конечно, иначе всё равно не вышло бы — их постоянно влекло друг к другу, и решение прекратить работать вместе было правильным. В конце концов, — подумала она, — есть вещи, которые слишком хороши, чтобы рисковать ими.

Она ласково посмотрела в сторону стола возврата книг, где крупный широкоплечий мужчина усердно набирал текст на консоли огромными, загрубелыми от тяжелого труда руками. Повинуясь озорному порыву, она подошла, наклонилась, и укусила мужа за ухо.

— Думаю, тебе нужно знать, — прошептала она, зная, что это вгонит его в краску, — что сегодня я особенно опасна.

И выгляжу тоже опасно, — подумала она, заметив своё отражение в зеркальной стене позади конторки (как же все

смеялись, когда она её устанавливала — считали её самовлюблённой!) Фредди улыбнулся в ответ и сжал её руку. В читальном зале она заметила мужчину, который посмотрел на них с отвращением. Она показала ему язык и впервые за эту неделю решила кого-то сильно невзлюбить.

Странно, Супер Серьги тоже не сводила с них глаз, но её выражение лица было скорее удивлённым, чем недовольным. Очень удивлённым, вообще-то. Почти растерянным. Решив, что этот повод для продолжения разговора ничем не хуже других, Андреа подошла к ней.

— Проблемы? — спросила она.

Супер Серьги выглядела обеспокоенной.

— Не моё дело, конечно, но кто этот мужчина которого вы... куснули?

— Фредди. Мой муж. Я ведь рассказывала о нём, верно?

— Вообще-то, вы рассказали мне о том, как он вас бросил.

— Бросил меня? — она засмеялась. — Фредди?

Вообще-то, — подумала она, — это не так уж и невообразимо. Собственно, в один из вечеров в тот ужасный год после смерти Гвенни это почти произошло. Он несколько дней не разговаривал, и в один из вечеров, отводя глаза, сказал, что выйдет в магазин. Она была уверена — абсолютно уверена — что он не вернётся. Но несколько часов спустя он вернулся. И он стал совсем другим, исполненным каких-то планов, уверенный, что они смогут начать всё заново. Лишь через месяц новой жизни он признался, что случилось на самом деле.

Конечно же, он бросал её, собирался автостопом добраться до космопорта и отправиться куда угодно, и прямо за порогом дома он остановил огромный синий грузовик. Полностью синий, по его словам, покрытый странными покрашенными в синий деревянными досками, и с синим мигающим огнём

наверху кабины. Странно, но его бок украшала написанная крупными буквами надпись «Зовите На Помощь Здесь».

Водитель — странный невысокий мужчина — предложил подбросить до самого космопорта, и он с радостью согласился. Поездка была долгой, и шофёр ни на минуту не умолкал, хотя по сей день Фредди не может вспомнить, о чём он говорил. Но, что странно, когда он в конце выскочил из кабины и помахал грузовику на прощание, он обнаружил, что стоит у порога своего дома. Ещё более странным было то, что он зашёл в дом с уверенностью, что больше никогда не захочет уйти.

— Вы в курсе, — спросила Супер Серьги, — что ваша причёска в течение последних пяти минут изменилась?

Что за глупости! Как она могла измениться? Она посмотрела на свое отражение в одном из многочисленных зеркал в читальном зале.

— И что ни с того, ни с сего, на вас появился макияж, которого до этого не было?

Да о чём она вообще?

— Уверяю вас, я не меняла в течение всего дня ни причёску, ни макияж.

Супер Серьги задумчиво посмотрела на неё, барабанив ручкой по подбородку.

— Этот ваш учитель, — в конце концов сказала она, — Рыжий Парик. Его фамилия была, случайно, не Смит?

Андреа опешила:

— Откуда вы знаете?

— У нас он тоже преподавал, — на губах у Супер Серьги читалась ирония. — Послушайте, — продолжила она, — Доктор мой друг, и, по большей части, замечательный человек, хоть и ведёт себя как последний мерзавец. Но будьте с ним

осторожны, ладно? — она колебалась, как будто говорила больше, чем ей следовало. — Он вмешивается в жизни людей.

Андреа улыбнулась.

— Думаю, я знаю о вашем друге больше, чем вы представляете.

— Я не думаю, что хоть кто-нибудь знает о Докторе больше, чем Доктор того хочет, — снова поколебавшись, она указала на свой дневник, всё ещё лежавший перед ней раскрытым. — Вы знаете, что я тут делаю?

— Похоже, заклеиваете что-то в своём дневнике.

— Иногда, когда с прошлым тяжело справиться, я возвращаюсь и переписываю его. Я меняю события, — её взгляд стал жёстким. — Доктор делает то же самое. Но оборудование у него лучше.

Переписывает прошлое! Андреа стало неудобно, но она не могла понять из-за чего. Ладно, пора задать серьёзный вопрос!

— А что вы сегодня такое делали, что хотели скрыть от Доктора?

На мгновение Супер Серьги испугалась и посмотрела на библиотечную книгу, лежащую рядом с её дневником.

— Это было так заметно?

— Не думаю, что он что-нибудь заметил.

Снова колеблется, в этот раз дольше.

— Некоторое время назад, — наконец сказала она, — у меня был стильный маленький компьютер, который имел удалённый доступ практически к любой базе данных. И однажды, просто от нечего делать, я запустила поиск упоминаний о Докторе. Он оказал значительное влияние на историю своим незаметным способом, но обычно он осторожен и не позволяет, чтобы это было где-то записано. Много я, разумеется, не нашла, но нашла вот это, — она указала на

книгу. — Я не могла добраться до самого текста, потому что его хранят только в печатном виде, но мне удалось выяснить, что в ней упоминается Доктор. Вот я и решила взглянуть на неё, когда Доктор сказал, что сегодня мы будем здесь, — она пододвинула книгу к Андреа. — Первая страница, пролог. Думаю, вам тоже стоит взглянуть.

Дрожь охватила Андреа, когда она увидела название книги.

Выдержка из конспекта лекции профессора

Кэнди.

Последствия того, что Доктор разгуливает по нашей Вселенной, могут быть колоссальными. Например.

Два человека беседуют о политической теории, а Доктор, проходя мимо, слышит их. Едва ли даже остановившись, он объясняет им, в чём они неправы, и к чему им на самом деле нужно стремиться. В результате этого эти двое людей меняют своё мышление и свои планы, и в последующие годы закладывают основы новой цивилизации в солнечной системе Кантрасси. В наши дни Кантрасская империя, охватившая всю Галактику, является результатом будничного вмешательства Доктора, по крайней мере, так полагает Профессор Литл в своей статье на эту тему, а, зная, насколько исчерпывающим было его исследование, я не вижу причин не согласиться с ним.

Многое в мышлении Кантрасси, конечно, является следствием влияния Доктора, хотя мало кто из них осознаёт это. Один из осознавших, их самый знаменитый поэт и философ Оркнелл, лишь однажды упомянул Доктора в своих трудах, и то лишь в прологе собрания своих сочинений «Четыре времени года и свадьба». К сожалению, невозможно заполучить эту книгу, так как Доктор предусмотрительно

скупил все её экземпляры. Было бы восхитительно узнать, что на самом деле написал Оркнелл.

Новая Александрийская Библиотека, 2668

Г.

«Четыре времени года и свадьба»! Книга всё время была тут, а она и не подумала заглянуть в неё. Вполне возможно, у неё в руках был единственный экземпляр во вселенной, который ССПВ не смог приобрести.

Она раскрыла книгу на конторке и быстро нашла пролог.

На планете Дестрас, — читала она, — где астрология — высочайшая форма науки, четверо из старейших и мудрейших астрологов своего времени обратились за советом к астрологу, который был ещё старше и мудрее, чем они.

— Нас беспокоит будущее, — сказали они. — Оно всё время меняется. Вначале оно одно, потом другое. Вначале война, потом мир. Вначале любовь, потом разлука. Если честно, хотелось бы, чтобы оно немного уgomонилось. Что, — умоляли они объяснить, — это всё значит?

— Это значит, — сказал старик, с улыбкой глядя на звёзды, — что Доктор что-то затеял.

И всё? И это всё? Она закрыла книгу, сбита с толку и разочарованная. Довольно интересная, — допустила она, — и любопытная идея о том, что где-то невысокий человек был занят переписыванием будущего, пока его подруга сидела за своим дневником, переписывая прошлое, но это не давало ей ничего, чего бы она уже не знала.

Переписывание прошлого, — размышляла она. Эта фраза ужаснула её вновь, но она не могла понять почему. Если бы только, — грустно подумала она, — прошлое и вправду можно было бы переписать. На неё снова нахлынули воспоминания, и

в этот раз она не могла с ними справиться. В этот раз, и так случалось каждый день, каждый день за последние двадцать лет, она проживёт это снова.

Чтобы не упасть, она схватилась за конторку, и оказалась снова в доме на Арголия 4, в ту ночь, когда растения ожили и поглотили город. Лозы со свистом хлестали по окну спальни, а Гвенни тесно прижалась и спросила о монстрах из своих кошмаров.

— Тише, Гвенни, конечно же, монстры существуют. Но они не такие плохие. Знаешь, у них тоже бывают кошмары.

(В библиотеке к ней направлялась странно знакомая женщина).

Спасательные вертолёты были уже в пути, она знала это, но они придут поздно. Слишком поздно. Через мгновение раздастся треск древесины. Ещё через секунду лоза прорвётся в окно, обовьёт Гвенни, и аккуратно сломает её пополам. За три секунды до смерти Гвенни нахмурила брови и задала свой последний вопрос, на который не суждено было получить ответ.

(— Тебе плохо? — спросила странно знакомая женщина).

— А что, — спросила Гвенни, — видят монстры в своих кошмарах?

— Меня, — раздался голос со стороны входной двери.

Вся библиотека завертелась. У Андреа подкосились ноги. Молодая женщина поймала её и удержала.

— Мама? — спросила она.

В течение одного мимолётного мгновения Андреа чувствовала перемены. Она чувствовала, как новое прошлое разворачивается в её памяти, а старые воспоминания тают.

От такого потрясения она ахнула и прижалась к красивой женщине, которая была её дочерью.

— Что с тобой, мама?

— Доктор, — сказала Андреа, — что-то затеял.

— Андреа! — радостно улыбался ССПВ. — Чудесно выглядишь. Ещё чудеснее, чем три часа назад. Какая ты молодец. Кстати, мне очень нравятся зеркальные потолки. Для библиотек это так необычно!

Андреа улыбнулась. Чтобы о нём ни говорили, он не мог не нравиться; да и вообще у неё не было желания не любить кого-нибудь.

— Здравствуй, Доктор! — сказала она.

— Мне следовало спросить раньше. Как поживает твоя не менее чудесная дочь?

— Уже два дня как дипломированный доктор.

— Доктор Гвендолин Тэлвининг, — сказал ССПВ, судя по голосу, очень довольный собой. — Неплохо звучит.

— Говорят, её последняя работа перевернёт медицинскую науку. Вообще-то, она хочет поговорить с тобой об этом. Ты знаешь что-нибудь о нанитах?

— Они очень милые, — с важностью ответил он, — но они не игрушки.

Она рассмеялась, а затем снова стала серьёзной.

— Мы тебе стольким обязаны, Доктор, — сказала она. — Если бы ты не оказался там в тот вечер...

Он комично пожал плечами.

— Я просто проходил мимо, и у меня был с собой очень сильный гербицид, опрыскиватель, и команда экспертов-садоводов. И снова эта очаровательная дерзкая улыбка.

— Кстати, — продолжил он, — о той засекреченной книге, о которой мы говорили ранее. Может быть, ты сможешь найти способ выдать её мне?

Андреа ласково улыбнулась своему старому другу — как он ещё мог просить об этом? Она взяла его руку, сжала, и посмотрела ему в глаза.

— Нет, — сказала она.

Выдержка из конспекта лекции профессора

Кэнди.

Он вам не друг. Помните хотя бы об этом, если не запомните остальное. У него есть возможность сделать так, что он понравится почти любому, но если он так делает, значит, у него есть на то какая-то причина. Это часть какого-то сложного плана, который нам никогда не постичь. Уже только по этой причине мы, как биологический вид, должны научиться справляться без нашего самозванного ангела-хранителя.

(Обвести взглядом их всех, долгая пауза перед финалом).

Возможно, именно сегодня, в этом зале, мы сделали первый шаг в нашей учёбе говорить Доктору «нет».

Новая Александрийская Библиотека, 2668

Г.

— Нет? — у него было лицо четырёхлетнего сорванца, которому только что сказали, что выходной отменяется, хотя он всю неделю вёл себя хорошо. — Но... — продолжил было он, но, похоже, так и не нашёл что сказать.

Она грустно улыбнулась ему.

— Я сегодня размышляла о своей жизни. Не правда ли, странно, что я решила отправиться работать на планетно-библиотеке, чтобы пережить сердечную боль, которой никогда не было? Также странно и то, что мы с мужем работаем вместе, хотя в правилах это чётко запрещено. Это особенно странно, если учесть, что по профессии он фермер. Вообще-то, когда я

задумалась, я осознала, что в моей жизни очень многое не сходится. Интересно, — добавила она, глядя ему в глаза, — не стоит ли кто-то за всем этим?

Последовало долгое молчание.

— Я знаю, что ты сделал, — сказала она тихо.

— Андреа... — она не дала ему закончить.

— По крайней мере, у меня есть какое-то общее представление о том, что произошло. Я понятия не имею, какой была моя жизнь до того, как ты её переписал. Думаю, она была не очень радостной, и почти наверняка моей дочери сейчас бы не было...

— Андреа, — настаивал он, уже тихий и серьёзный, — были три ключевые тактические ошибки, допущенные дельтеронами в их битве с драконоидами. Мне нужно знать, что это за ошибки.

Она проигнорировала его.

— Я благодарна тебе за то, что ты сделал, конечно. Я даже люблю тебя за это. Чего ты, собственно, и добивался, верно? Но любой, способный сделать то, что ты сделал со мной, просто ради того, чтобы получить книгу, очень опасен. И я уверена, что не могу оправдать выдачу засекреченной книги такому опасному человеку, как ты.

Снова длинное молчание. Она посмотрела в читальный зал. Не покидая своего места, Сумасбродные Серьги следила за их спором. Она снова посмотрела на ССПВ.

— Но спасибо, — сказала она, — за всё.

И, повернувшись, она пошла к экрану каталога и села работать. Через мгновение она услышала, как Сумасбродные Серьги сказала:

— Это не тот момент, когда ты кричишь «обратно в ТАРДИС»?

— Боюсь, что именно тот.

— Достойный противник достался в этот раз, похоже.

— Хм!

Их шаги удалялись. Она услышала голос ССПВ, удивительно чёткий, несмотря на расстояние:

— Что же могло её так настроить против меня?

Лунный университет, корпус

Хаммерштайна, малая аудитория. 2643 г.

Завершив просмотр конспекта лекции, невысокий человек поднял взгляд и увидел, что тридцати миллионная аудитория наконец-то полностью загружена — виртуалы сзади, на галёрках свёрнутого пространства, а телесные впереди. Он осмотрел первый ряд, который был буквально в трёх метрах от него. Прямо в центре, глядя на него, сидела молодая женщина. Красивое умное лицо с намёком на вызов в тёмных глазах. На лацкане у неё был синий значок, указывающий на то, что она сейчас проходила процедуру улучшения памяти, возможно, для работы в одной из крупных библиотек или в информационных центрах. Побочным эффектом этой процедуры было то, что на начальных стадиях она станет исключительно восприимчива к услышанным идеям.

Чтобы она сегодня ни услышала во время лекции, оно останется с ней навсегда. Вот только (он снова себе напомнил) он сегодня не читал лекцию — он менял историю. Он стукнул по кнопке удаления, стёр всю лекцию с Ноутматика, и широко улыбнулся аудитории:

— Профессор Кэнди не смог сегодня прийти, так как неожиданно взял выходной, — произнёс самое сложное событие пространства-времени в истории Вселенной, нервно теребя фальшивый ус, — и я решил его заменить.

С серьёзнейшим взглядом он уставился на восемнадцатилетнюю Андреа Тэлвиннинг.

— Я хотел бы поговорить с вами о том, как важно давать друзьям библиотечные книги.

**Выдержка из журнала выдачи книг Новой
Александрийской Библиотеки.**

Хиттеншталь, Ч. на Дельт.

Текст №12256834750485009

Уровень доступа 1

Текущий статус: возвращена после двух недель пользования
Доктором, без определённого места
жительства.

Авторизация: Андреа Тэлвиннинг.

Полное название: «Чудо на Дельтерусе 5: Полная сводка об
отражении дельтеронами нашествия
дракоидов».

ВРЕМЕНЕХРАНИЛИЩЕ

Бен Джинс

Ксо'рил, казначей корабля-хранилища «Сопутствующая Безопасность», держа в руках планшет, нетерпеливо топал, глядя вниз, на две ступни, торчавшие из внутренностей установки для переработки отходов. Ступни были такие же нелепо большие, как и сам их владелец.

— Долго ещё, Доктор? — спросил Ксо'рил.

— Секундочку, — раздался из агрегата приглушённый голос. — Ну вот, — внезапно Доктор выскользнул из установки и тут же вскочил на ноги. — Можете попробовать, — сказал он, отряхивая ладони.

Ксо'рил кивнул инженеру Ра'лану, и тот повернулся к клавиатуре. Доктор тем временем несколько раз обмотал вокруг шеи свой длинный вязаный шерстяной шарф. Ра'лан посмотрел на приборы, потом проверил всё ещё раз, и, наконец, повернулся к Ксо'рилу и Доктору:

— Доктор увеличил эффективность установки на два процента, — сказал он.

Ксо'рил поднял взгляд на Доктора... поднимать пришлось высоко. Ксо'рил был лорком, и самый высокий лорк, которого ему доводилось встречать, был бы Доктору едва по грудь. Он быстро посмотрел на планшет, который держал двумя руками, и третьей рукой набрал цифры, в то время как четвёртая рука задумчиво чесала его затылок.

— Что же, Доктор, — сказал он. — Два процента... и койка, говорите, вам не нужна?

«Сопутствующая Безопасность» перевозила главным образом грузы, а пассажиры спали в единственной общей спальне.

— Верно.

— И тот предмет в трюме — ваш единственный багаж?

— Именно так.

— Тогда давайте прикинем... — пальцы Ксо'рила забегали, выполняя вычисления. — Предположим, что вы будете есть два раза в день...

— Вряд ли, — сказал Доктор с улыбкой, которая померкла при виде нахмурившегося Ксо'рила.

— Каждому пассажиру положено есть два раза в день, Доктор, — сказал Ксо'рил. — Это неизменная часть бюджета.

— Ну, раз неизменная...

— Два приёма пищи в день, стандартное потребление ресурсов корабля для млекопитающего вашего... кхм... размера и с вашим метаболизмом... и вы сделали вклад в вышеназванные ресурсы в размере... Доктор, вы заработали право находиться на борту «Сопутствующей Безопасности» на протяжении одной недели, трёх дней, тринадцати часов и семи минут, начиная с этого момента, — с чувством выполненного долга Ксо'рил ввёл эту цифру в планшет.

Доктор расстроился:

— Что, так мало?

Ксо'рил быстро пересмотрел числа. Разумеется... И тут он заметил ошибку. Он провёл вычисление для рептилии.

— Приношу свои извинения, Доктор, на самом деле семнадцать часов и девять минут. Советую вам, Доктор, больше не пытаться пробраться на корабль лорков без билета. Другие казначеи могут оказаться строже, чем я.

— Уверяю вас, я не...

— Прошу вас, Доктор, не хочу даже и слышать об этом.

Ксо'рилу доводилось слышать самые разные оправдания, но, по его мнению, всё всегда сводилось к одному и тому же: тот, у кого нет билета — безбилетник. Из планшета высунулась карточка, которую Ксо'рил вручил Доктору. На ней шёл обратный отсчёт.

— Когда цифры дойдут до нуля, вам придётся заплатить за дальнейшее пребывание или каким-то образом отработать его. Разумеется, и то и другое можно сделать не дожидаясь истечения срока. Хорошего вам дня.

Когда он зашёл в ТАРДИС, навстречу ему выкатился К-9. Доктор сел в кресло и нагнулся, чтобы погладить К-9 за ушами-антеннами.

— Мы находимся в самом безопасном месте во Вселенной, — сказал он.

— Хозяин?

— Мы на лоркском корабле-хранилище, — продолжил Доктор.

— Хозяин?

Доктор ухмыльнулся. То, что задумывалось как быстрый осмотр, вынужденно затянулось, пришлось модифицировать их установку переработки отходов, чтобы этот разозлившийся Ксо'рил не вышвырнул его и ТАРДИС в космос (Безбилетник! Надо же!). Вот что случается, когда пытаешься проехаться у лорков без оплаты; в его возрасте пора бы уже об этом знать. У лорков ничего не бывало даром.

— Мы на лоркском корабле-хранилище, — снова сказал он. — Ты никогда не слышал о лорках?

— Подтверждаю.

— Примечательный народ. Они летают по космическим магистралям миллиарды лет. Вроде и смотреть не на что, просто плюшевые мишки с четырьмя руками, но... Они приглядывают за чужими вещами, сколько угодно долго, пока не закончится оплата. Там, в трюме, ящиков столько, что конца им не видно. Они перевозят пассажиров, товары, произведения искусства, еду, данные, и всё с абсолютной сохранностью. Не задают никаких вопросов. Целые цивилизации и культуры оставляют свои ценности у лорков, и лорки готовы жизнь отдать ради защиты сохраняемого. Вооружение этого корабля способно разносить в клочья целые планеты, но им пользуются исключительно ради сохранения нейтралитета.

К-9 не был спроектирован для поддержания светских бесед, поэтому ничего не ответил.

— За небольшую дополнительную плату они могут даже погрузить долгосрочный груз в замедляющее поле. Суёшь его в сейф, включаешь замедляющее время поле, и забираешь потом когда хочешь — хоть через тысячу лет, хоть через миллион.

Доктор покачал головой. Что-то он разболтался.

— Пойдём, устрою тебе экскурсию. Это будет ценным вкладом в твоё образование.

Ксо'рил быстро зашёл в медотсек «Сопутствующей Безопасности». Это было большое помещение, поскольку оно было оборудовано для пассажиров, и даже Ксо'рилу лоркские медики казались маленькими на фоне оборудования.

— Я пришёл, как только освободился. Вы сказали, что что-то случилось.

— Да, спасибо, что пришли, — доктор Шр'кру провела казначея к одной из изоляционных капсул. — Посмотрите.

Ксо'рил посмотрел и отшатнулся. Со второй попытки он разглядел, что в изокапсуле находился драконианин. Его лицо и головной гребень говорили сами за себя. На драконианине не было чешуи, всё его тело было покрыто гноящимися ранами.

— Вчера я его лечила, — сказала Шр'кру. — У него было редкое драконианское состояние, когда новая чешуя начинает расти до того, как сошла старая. Он просто с ума сходил от зуда.

— С проблемой удаления старой чешуи вы справились, — прокомментировал Ксо'рил.

— У меня не было необходимых лекарств, поэтому я дала ему дозу эскулака.

— А вы не перестарались?

— Он был в отчаянии и был согласен платить.

— А, — у Ксо'рила пропали все возражения, — и теперь у него гипер-реакция?

— Хуже того. Сегодня утром он явился с симптомами анлеррианской лихорадки. Это очень тяжёлая болезнь. Вначале облезит эпидермис, потом дермис, а потом всё остальное, вплоть до внутренних органов. Она смертельна, ей всё равно, какой биологический вид атаковать, и она очень заразна. Вирус переносится клетками отпадающей кожи.

При слове «заразна» Ксо'рил побледнел:

— Но вы, тем не менее, ещё не уверены?

— Нет. В этом секторе никогда не было случаев анлеррианской лихорадки, и пациент говорит, что никогда с ней не сталкивался, и даже не бывал в тех частях космоса, где она встречается.

— Значит, это что-то другое? — ухватился за соломинку Ксо'рил.

— Надеюсь, потому что она известна тем, что может убить до половины населения планеты.

— Извините, пожалуйста...

Оба лорка повернулись на голос, к двери. Там стояли двое взрослых людей и ребёнок, и лицо ребёнка было покрыто красной сыпью.

— Наша дочь сегодня проснулась вот такая, — сказала женщина. — А мой муж... Дорогой, покажи врачу.

Мужчина протянул руку — на запястье было пятнышко сыпи.

Ксо'рил и Шр'кру переглянулись. Шр'кру крикнула:

— Сестра!

— Доктор? — подбежала одна из медсестёр.

— Немедленно поместите этих людей в изокапсулы. А вы трое, идёте со мной в каюту для пассажиров. Казначей, мы будем держать вас в курсе.

Шр'кру с ассистентами вихрем умчалась из медотсека, оставив людей и Ксо'рила непонимающе моргать.

— Милостивый Космос, — прошептал Ксо'рил.

Шаги Доктора и жужжание двигателей К-9 эхом отдавались в глубинах трюма. Доктор шёл, засунув руки в карманы, К-9 ехал за ним по пятам. По обе стороны от них, словно миниатюрный Манхэттен, тянулись ряды ящиков и контейнеров.

— Это, разумеется, ещё даже не половина, — сказал Доктор. — Это всего лишь временное хранилище. Хранилища с замедлением времени намного больше. Барахло из цивилизаций, о которых никто никогда не слышал, хранится до тех пор, пока...

— Хозяин! — впервые после выхода из ТАРДИС подал голос К-9.

— Что?

— Один живой объект, 23 градуса относительно нашего текущего перемещения.

Доктор остановился и прислушался. Он услышал какие-то скользящие звуки, которые раз в несколько секунд прерывались «плюхом».

— Похоже, ты прав, — пробормотал он. — Всяких скользунов я много повидал, но вот плюхари встречаются гораздо реже.

По главному проходу по трюму они дошли до пересекающего его маленького прохода и выглянули из-за угла. Лорчонок-мальчик апатично тёр палубу шваброй: шорх, шорх, шорх. Затем он так же апатично макал швабру в ведро: плюх!

— Здравствуйте! — радостно сказал Доктор.

Лорчонок вздрогнул.

— Мне нельзя разговаривать с пассажирами, — сказал он.

Ухватившись за швабру всеми четырьмя руками, он начал быстрее тереть палубу.

— Со мной разговаривать можно, я доктор, — сказал Доктор. Он полез в карман и вынул оттуда мятый бумажный пакет. — Мармеладку?

— Нет, спасибо.

— Как хочешь, — Доктор взял одну из мармеладок и положил себе в рот. — Знаешь, если ты будешь и дальше тереть палубу в одном и том же месте, то протрёшь дыру до самых гравитационных панелей. А даже если начнёшь протирать в других местах, у тебя уйдёт лет двадцать только на этот трюм.

Мальчик остановился и опёрся на швабру.

— Это меня старший папа так наказал.

— Вот так рутина. И чем же ты провинился? Убил кого-нибудь?

— Нет, — дрожащим голосом сказал мальчик и снова взялся энергично тереть палубу.

— Мы так и не представились, — сказал Доктор.

Ответа не последовало.

— Что же, я Доктор, это К-9, а вот это, — он снова протянул бумажный пакет, — всего лишь мармеладки. Я с трудом, но всё-таки удерживаюсь от того, чтобы давать им имена. Лучше сильно не привязываться к тому, кого, возможно, съешь.

— Я спросил хороший ли у него день, — не выдержал мальчик. — Я как-то видел, что на видео так иногда спрашивают, и тоже так сделал.

— И что он ответил? — спросил было Доктор, но тут же понял сам. — А-а! Лорк, который задаёт вопросы?

— Именно так он и сказал.

Доктор постарался сдержать улыбку:

— Знаешь, когда у тебя есть мармеладка, ты не одинок. Они по всей Галактике известны своим терапевтическим эффектом при борьбе с плохим настроением.

Мальчик ухмыльнулся, и согласился взять одну.

— Меня зовут Ц'рил, — робко сказал он.

— Ну вот, будем знакомы. Твой отец... и много 'рилов на борту?

Обязанности членов экипажа обычно наследовались в пределах клана, и зачастую целые семьи перемещались вместе, молодое поколение постепенно сменяло старшее.

— Только мои родители и братья с сёстрами.

— Значит, твой старший отец, должно быть, мой друг Ксо'рил?

Мальчик испугался:

— Он ваш друг?

— Образно выражаясь, — Доктор выпрямился во весь рост.
— Наши с ним точки зрения немного расходятся.

Представив Доктора и отца рядом, Ц'рил засмеялся, чего в конечном счёте Доктор и добивался. Они расстались друзьями. Доктор оставил Ц'рилу пакет с мармеладками, и вместе с К-9 пошёл дальше.

Они дошли до люка между трюмом и жилым модулем, и Доктор занёс ногу над порогом.

— Посторонись!

Доктор быстро отпрянул, и мимо него, топоча ножками, быстро прошмыгнули два лорка в медицинской форме, толкая перед собой на анти-гравитационной тележке стопку изокапсул.

Доктор провёл их взглядом:

— Это у них то, о чём я думаю?

— Внешний вид соответствует стандартным мульти-видовым изоляционным капсулам, — сказал К-9.

Доктор почесал затылок:

— Эх, старина, вот так дилемма. Слева от нас — неизученные ещё нами радости жилого модуля. А справа — что-то, связанное с изокапсулами и очень встревоженными лорками.

Они пошли направо.

Это был пейзаж, который нельзя было отыскать во всём Космосе, он был собран из объединённых сознаний крайалан, чтобы напоминать им о том, что они потеряли. Двойное солнце

сияло сквозь пурпурную дымку неба, но то, что должно было быть мерцающей равниной, покрытой синими флорой и фауной Крайала, представляло собой безликую бесплодную пустыню.

Крайал физически больше не существовал ни в каком виде, но пустыня лучше передавала суть.

Посреди пустыни стояла фигура гуманоида. Крайал был уничтожен гуманоидным народом, и принимать их форму было ещё одним способом напоминать крайаланам об их прошлом. Сам Хранитель ещё не существовал во время войны; только его товарищи помнили о ней. Его фантом был выше других, тело было мускулистым; в его обязанности входило обеспечение безопасности его товарищей и Плана, и он считал свою похожую на Адониса форму полезной для сосредоточения мыслей.

— *Придите,* — пульсировал он. — *Нам нужно поговорить,* — рядом с ним возникли ещё двое. — *У меня интересные новости. На борту корабля эпидемия.*

— *Экипаж сможет её остановить?* — Мыслитель выглядел худым долговязым человеком, который сплёл свои пальцы, взвешивая различные варианты. Его задачей было разрабатывать и исправлять План, учитывать изменяющиеся обстоятельства и дорабатывать План, если это было нужно.

— *Пока что это неизвестно. Медики не понимают, откуда взялась эпидемия. Всех пассажиров перед посадкой сканировали, а раньше это заболевание на борту этого корабля никогда не случалось.*

— *Интересно,* — Наставник, выглядевший бородатым стариком, был самым старшим из них. Он одобрял выбранный курс и направлял их действия. Ничто не делалось без согласия Наставника. — *Переносчик, способный пройти через все системы детектирования... Хранитель, ты должен сделать*

так, чтобы носитель инфекции был идентифицирован. И тогда мы узнаем, пригоден ли он для наших целей.

— *Я едва ли обладаю нужной для этого квалификацией,* — сказал Хранитель.

— *Тогда держись рядом с теми, кто обладает ею.*

Наставник говорил кратко, и Хранитель понимал, почему: по прошествии столь долгого времени, и после стольких не оправдавшихся надежд, было бы глупо позволять себе оптимизм. Но прогнозы были благоприятные.

— Капитан хочет увидеть рапорт, — сказал Ксо'рил.

Ему приходилось почти бегать за доктором Шр'кру, ходившей по медотсеку, раздавая указания подчинённым. Медотсек гудел, как улей, подчинённые доктора работали изо всех сил.

— Три летальных исхода, включая драконианина, — сказала она. — Заражены все пассажиры и четыре члена экипажа.

— И это именно то, что вы и предположили?

— Анлеррианская лихорадка? Ничто другим симптомам не соответствует. Пятеро, — добавила она, когда в люк, шатаясь, зашёл ещё один лорк; одна из сестёр перехватила его, и повела в изокапсулу. — Мы держим самых тяжелобольных в карантине, а тех, у кого более лёгкая форма, в общей спальне. Мы переоборудовали её в палату.

— Как нам её лечить, доктор? Может, сделать прививку другим членам экипажа?

Но Шр'кру к этому времени была уже на другом краю медотсека, разговаривала с медсестрой, и не слышала вопрос.

— Доктор! — повысил голос Ксо'рил.

— Да? — раздался у него за спиной голос. Доктор высунул голову из-за монитора, который скрывал его до этого момента. Пальто и шарфа на нём не было, рукава были закатаны. — Ой, простите, вы, должно быть, её имели в виду, — и он снова сел.

— Доктор! — воскликнул Ксо'рил.

Доктор настороженно выглянул из-за монитора:

— Кто именно?

— Вы! Что вы тут делаете? Вы можете заразить кого-нибудь!

— Заразить? Я очень чистоплотный. Я предложил свою помощь доктору Шр'кру, и она её с радостью приняла.

— У вас есть медицинское образование?

Доктор похлопал стоявшую рядом с ним на столе машину странной формы:

— Исходный К-9 был разработан человеком, который знал кое-что по части борьбы со всякой заразой, да и я в этой области не полный профан. Верно, К-9?

— Подтверждаю, — ответил робот.

— Это робот? — инстинктивно Ксо'рил вынул свой планшет, хотя знал все данные о Докторе наизусть: робот не был зарегистрирован.

— Да ладно вам, — сказал Доктор. — У него автономный блок питания, он полностью на само обеспечении, ресурсы корабля не потребляет, к тому же, отрабатывает свой проезд, помогая мне.

— Держите, Доктор, — это был ещё больший сюрприз: Ц'рил, старший отпрыск Ксо'рила, подбежал с подносом, на котором были образцы крови для анализа. Увидев своего отца, мальчик в ужасе замер.

— А ты что тут делаешь? — прорычал Ксо'рил.

— Я... Я...

— Я его попросил помочь, — не поднимая головы сказал Доктор. Он поместил один из образцов в анализатор и рассматривал его в окуляр. — Шр'кру не хватает рабочих рук, а мне нужен был кто-то на подхвате. Он отличный помощник. Видимо, его хорошо воспитали.

Ц'рил поставил поднос рядом с Доктором и быстро убежал.

— И когда же будет готово лекарство? — спросил Ксо'рил.

— Шр'кру уже синтезирует сыворотку.

— Чудесно! Отлично!

— Процесс её изготовления хорошо задокументирован. Просто нужно время на производство.

Доктор не поднимал взгляд.

— Тогда что вы делаете? — спросил Ксо'рил.

— Выслеживаю переносчик. Каким-то образом он незаметно проник на борт, а предотвратить вторую вспышку так же важно, как излечить первую, вы не находите?

— Хозяин, — вмешался в разговор К-9. — Анализ крови драконианина показал, что количество вирусов анлеррианской лихорадки растёт со скоростью, которая не соответствует известным данным.

— Растёт прямо в образцах крови? — спросил Доктор.

— Подтверждаю.

— Есть идеи, почему?

— Возможной причиной является...

— Эскулак, — пульсировал Хранитель. — *Чудо-лекарство Галактики.*

Крайалане снова встретились в виртуальном ментальном пейзаже утерянного Крайала.

— *Объясни,* — пульсировал Наставник.

— Оно было разработано в институте имени Гвендолин Тэлвиннинг, — пульсировал Хранитель, — оно основано на нанотехнологиях. Обычно его используют в очень тяжёлых случаях. Оно производит анализ прямо на месте, внутри пациента, и разрабатывает свой антидот против того, от чего он болеет. Условием применения является обязательство высылать образцы крови вылеченных пациентов обратно в институт, чтобы информация о подобранном лекарстве могла быть зашита в следующую партию. Каждое поколение Эскулака умнее предыдущего.

Мыслитель был озадачен:

— Эскулак вызвал эпидемию?

— Верно, — пульсировал Хранитель. — Время от времени эскулак действует не так. Каждая партия содержит данные обо всех болезнях, с которыми боролись предыдущие партии, и иногда он борется с заразой создавая ещё худшую заразу.

— Так значит, — пульсировал Наставник, — на борту есть что-то, что умеет создавать организмы в живом теле.

— И это ещё не всё, — от Хранителя исходило довольство собой, и он это знал. — Тот, кто обладает достаточными знаниями и оборудованием, может заставить его производить любые организмы. Один из пассажиров при помощи наностанка из медотсека произвёл из лекарства вирус против этой лихорадки, и его распространили по всему кораблю. Аппарат, который для этого использовали, всё ещё там.

Мыслитель заговорил официальным тоном:

— Для осуществления Плана необходимо схватить этого пассажира, и использовать в наших целях, немедленно.

Наставник согласился:

— Я согласен с изменением Плана.

— С удовольствием, — пульсировал Хранитель и исчез.

Доктор Шр'кру пыталась не смотреть Доктору в глаза.

— Это такая редкость, — сказала она, — такая редкость. Один раз на миллион! В одном случае из десяти миллионов лечение идёт неправильно!

— Вы же сами дали пациенту эскулак, — сказал Доктор, — и не догадались?

— А как мне было догадаться? — причитала Шр'кру. — Вероятность того, что лихорадка была вызвана лекарством, была ещё ниже, чем вероятность естественного возникновения болезни...

— Вся система здравоохранения знала об этом побочном эффекте и скрыла его?

— Преимущества с лихвой перекрывают недостатки. Вероятность того, что пациенту достанется дефектный образец, минимальна.

— Вы это не мне рассказывайте, — отрезал Доктор, — а родственникам ваших четырнадцати умерших, — он пошёл к двери. — Если я понадобится, я буду в трюме. Пойдём, К-9.

Решительно выходя из медотсека, от чуть не столкнулся с Ксо'рилом, отчего тот мог бы отлететь в сторону.

— Доктор, вы куда-то уходите? — спросил казначей.

В ответ ему раздался сердитый рёв:

— Они знали! Знали! Препарат опасен, и они это знали!

Шагая сквозь корабль обратно в трюм, Доктор не прекращал говорить сам с собой. Он хотел, чтобы у него на пути попало что-нибудь лёгкое, чтобы можно было его хорошенько пнуть ногой, но лорки относились к уборке очень тщательно.

— Неэтичные, подлые, аморальные, продажные... *A-a!* — внезапно свет погас, и что-то бросилось на него из бокового прохода.

Доктор упал на пол, и в тусклом свете аварийного освещения увидел в одной из нескольких рук нападавшего металлический блеск. Это был лорк. Доктор сосредоточился на руке с оружием. Лорки эволюционировали на планете с высокой гравитацией, поэтому нападавший был очень сильный, он прижал Доктора к полу. Металлический предмет был всё ближе и ближе...

Красный луч ударил по нападавшему, опрокинув его на пол. К-9 выстрелил из бластера в своём носу ещё раз, а потом ещё раз. Каждый выстрел попадал нападавшему в грудь и опрокидывал его назад, но вместо того, чтобы потерять сознание, он снова и снова вставал и шёл на Доктора. Но, в конце концов, он сдался и убежал.

— Подключаюсь к местным системам, чтобы восстановить освещение коридора, — доложил К-9.

Освещение вернулось, и К-9 спрятал свой бластер.

Доктор медленно сел, потирая шею:

— Спасибо. Ты увидел, кто это был?

— Отрицаю. Программное обеспечение прицельной стрельбы использовало только локатор. Я смог определить только то, что нападавший был взрослым лорком.

— Ну, хоть немного сузил круг подозреваемых.

Доктор посмотрел вдоль коридора в направлении медотсека, куда убежал напавший на него лорк. Ещё одна тайна, ещё одна головоломка... Нет.

— Хватит с меня уже этого места, — сказал он. — Летим отсюда.

Он уже держался рукой за дверь ТАРДИС, когда вдруг услышал крик:

— Доктор!

Любой другой голос он бы проигнорировал. Он бы зашёл вовнутрь и продемонстрировал бы кричавшему краткое, без объяснений, знакомство с галлифрейскими технологиями в виде исчезающей ТАРДИС.

— Здравствуй, Ц'рил.

Мальчик подбежал, тяжело дыша:

— Доктор, пожалуйста, зайдите в медотсек.

— Зачем?

— Я не знаю! Мне сказали только, что это срочно.

— И ты всю дорогу бежал?

— Да! Это срочно!

— Это в последний раз, — сказал Доктор. — И мне есть на что пожаловаться твоему старшему отцу. Веди.

Когда Доктор, Ц'рил, и робот вошли в медотсек, Хранитель напрягся. Потому что всю свою жизнь он скрывался на борту корабля-хранилища, наблюдал и планировал, был глазами и ушами Наставника и Мыслителя. Ему всегда не хватало активных действий, и теперь, когда их время пришло, старая привычка действовать скрытно никак не отпускала его. Его первая попытка схватить Доктора не удалась, и Наставник велел ему действовать, даже если для этого необходимо открыться. Он подошёл к пришедшим.

Шр'кру тоже их заметила:

— Доктор, вы вернулись? — у неё был довольный голос.

— Мне сказали, что это срочно. Ц'рил?

Ц'рил указал на своего отца:

— Папа сказал...

Хранитель схватил мальчика за указывающую руку. Ц'рил вскрикнул. Хранитель дёрнул его к себе, зажал локтем его горло, и отступил в угол. Ц'рил пытался вырваться, но Хранитель держал его перед собой, прижав к его горлу карманный стазер.

— Вначале, Доктор, — сказал Хранитель, — отключите оружие робота. И снимите его.

— Папа, — стонал Ц'рил, — мне больно...

— Тихо, — Хранитель ненадолго сжал шею мальчика немного сильнее. — Делайте, Доктор, — он вдавил дуло в кожу Ц'рила, и тот застонал.

— К-9, — тихо сказал Доктор. — Отключи бластер.

Он вынул из кармана продолговатый звуковой инструмент и присел рядом с головой робота, чтобы отсоединить оружие.

— Шр'кру, — сказал Хранитель. — Пока он это делает, выведите всех из медотсека. Всех, кроме вас и Доктора, вон отсюда!

— Ксо'рил, — сказала Шр'кру, — что за...

— Это не Ксо'рил, — не оборачиваясь, сказал Доктор. — Если внимательно посмотреть, это видно.

Шр'кру, поколебавшись, отдала приказ всем выйти. Медперсонал вышел.

— А теперь закройте и закройте дверь, — сказал Хранитель. — И задрайте люк.

Герметичный люк, изготовленный для защиты медотсека в случае повреждения корпуса, со стуком опустился. Шр'кру заперла и его. Они остались одни.

— С кем имею честь говорить? — спросил Доктор.

— Я Хранитель.

— И как долго вы собираетесь держать мальчика?

— Это зависит от вас, Доктор, — сказал Хранитель. — Мне нужна ваша помощь.

— Могли бы и просто попросить.

— Этот эскулак может производить что угодно, так?

Доктор кивнул:

— Да, любой микроскопический организм.

Хранитель кивнул на один из мониторов, на котором он уже нарисовал необходимые генетические спецификации:

— Изготовьте вот это. Когда будет готово, мы распространим его по всему кораблю, так же, как противохородачную сыворотку.

Доктор посмотрел на монитор.

— Это бактерия.

— Верно. Она безвредная. Во мне она есть, — сказал Хранитель.

— К-9, — сказал Доктор, — проверь это.

— Утверждение верное, — сказал через пару секунд К-9. — Штамм бактерий неизвестной классификации распространён по всему телу казначея Ксо'рила. Он подавляет работу иммунной системы, но, тем не менее, признаков изменений в организме нет.

— За исключением того, что он способен выдержать твои выстрелы, а также явно изменился его характер, — сказал Доктор. — Ксо'рил, Хранитель, или как там вас... Когда я сделаю то, что вы хотите, вы отпустите Ц'рила?

— Отпущу, — сказал Хранитель.

— Тогда я начинаю.

— Сейчас сюда прибежит охрана! — сказала Шр'кру. — Они прорежут дверь. Вам их не остановить.

— Тогда свяжитесь с капитаном, и скажите ему, что если они попытаются что-нибудь сделать, я убью ребёнка, — спокойно сказал Хранитель.

Ц'рил всхлипнул.

— Делайте как он говорит, Шр'кру, — сказал Доктор. — К-9, ко мне. Мне нужна твоя помощь.

Он сел перед нано-станком и взялся за работу.

Хранитель постарался скрыть восторг, который он почувствовал, когда Доктор медленно откинулся на спинку стула и хрустнул суставами пальцев.

— Готово. Будете проверять?

— Это сделать очень легко, — сказал Хранитель. — Возьмите шприц и введите образец ребёнку.

— Не-ет! — закричал Ц'рил.

Он снова начал дёргаться, и Хранителю пришлось зажать его сильнее.

— Это будет не больно, — быстро сказал он. — Ты не пострадаешь. Посмотри на меня! Это будет самое чудесное, что когда-либо с тобой происходило. Быстрее, Доктор!

Доктор не шелохнулся:

— Выживет ли старый Ц'рил?

— Выживет, — сказал Хранитель, — я обещаю. Мы не убийцы, Доктор. Ц'рил останется жив, так же как и Ксо'рил по-прежнему здесь. Они научатся жить в симбиозе, разделяя одно тело. Всё, чего мы всегда хотели — участвовать в жизни галактики на равных с остальными расами.

— Мне такое уже доводилось слышать, но я верю, что вы в это верите, — сказал Доктор.

Он взял шприц и поднёс его к вентилю контейнера с культурой в нано-станке. Шприц наполнился бледной жидкостью.

— Прости, — сказал он всхлипывающему Ц'рилу и ввёл иглу в его руку.

Примерно через тридцать секунд Ц'рил перестал извиваться, и посреди крайаланского ментального пейзажа вспыхнул яркий свет. Крайаланский ребёнок. Юный, ещё ничего не знающий, сомневающийся; полагающийся на защиту и совет взрослых. Хранитель раньше никогда с таким не сталкивался. Он улыбнулся и отпустил лорчонка, поддерживая, чтобы тот не упал. Лицо Ц'рила ничего не выражало, а затем медленно стало удивлённым. Он осмотрел себя.

— *Я живу*, — пульсировал он. Он начал медленно поворачиваться вокруг, пока не оказался лицом к Хранителю.
— *Я такой же, как ты.*

— *Ты — новорожденный крайаланин*, — пульсировал в ответ Хранитель. — *Я и другие взрослые крайалане поможем тебе освоиться в этой жизни. Это не займёт много времени. Скоро ты получишь имя и задачу. А пока подожди, потому что мне нужно многое сделать.*

Он снова взялся за стазер:

— Ну вот, Доктор, мы уже близки к завершению, и у меня в заложниках по-прежнему есть Шр'кру.

— В последовательности вам не откажешь, — сказал Доктор. — Что дальше?

— Приготовьтесь к тому, чтобы распространить бактерий через вентиляцию, так же, как вы это сделали с противолихорадочным средством. А затем вколите его Шр'кру. Ну и, в последнюю очередь, себе.

С Шр'кру произошло то же, что и с Ц'рилом: новый свет в ментальном пейзаже, детский восторг на лице. А крайаланин в Ц'риле тем временем быстро рос: он уже проявлял признаки характера, учился говорить ртом, перенимая эту способность из памяти Ц'рила.

— Готово, — сказал Доктор.

Толстая труба вела из контейнера с культурой бактерии в вентиляцию. Хранитель ввёл код доступа Ксо'рила и отключил очистку воздуха.

— А теперь введите её себе, — сказал Хранитель.

Доктор пожал плечами, закатал рукав, и сделал себе инъекцию.

Что-то было не так. Не было ни света, ни ребёнка. Доктор не изменился.

— В чём дело? Что вы сделали, Доктор? — спросил Хранитель.

— Я? Ничего я не сделал. У нас всегда был иммунитет к крайаланам.

От удивления Хранитель отпрянул.

— *Он знает о нас! Он знает крайалан!* — тревожно пульсировал он, и тут же почувствовал беспокойство двух детей, испугавшихся его эмоций. — *Тише, дети. Не пугайтесь. Всё под контролем.*

Мыслитель немедленно начал их успокаивать, а Наставник занялся проблемой.

— *Ответ очевиден,* — пульсировал он. — *Он — повелитель времени.*

— Повелитель времени? — сказал Хранитель вслух.

В отличие от Наставника и Мыслителя, ветеранов войны, он никогда не сталкивался с повелителями времени, он был

взволнован и напуган тем, что у него под контролем был старый враг.

— Да. Должен заметить, я думал, что вы все погибли, — сказал Доктор.

— Погибли?! — закричал Хранитель. — Хуже, чем погибли, Доктор!

Доктор только молча пожал плечами.

— Вы сами себя назначили хранителями морали во вселенной, но то, что вы сделали с нами, было преступлением против природы!

— Преступлением против природы было то, что вы делали со своими носителями, — сказал Доктор. — Живые существа Крайала эволюционировали для жизни в симбиозе с вами, но вам захотелось распространиться по всему Космосу. Вам надо было заражать другие организмы, не взирая на их достоинство, на их права...

— Повторяю, мы не причиняем вреда своим носителям. Никогда. Мы лишь делим с ним тело.

— Ну, так подтвердите свои слова делом, — сказал Доктор. — Выпустите Ксо'рила, и мы спросим, что он об этом думает.

— *Не теряй время*, — пульсировал Наставник.

Хранитель не сдавался:

— Признайтесь, Доктор, — говорил он. — Вы нас боялись.

— Боялись бактерий?

— Нет, нашего знания. Вы не могли смириться с тем, что у вас есть соперники.

Доктор снова пожал плечами:

— Возможно, наша реакция была чрезмерной. Даже повелители времени были когда-то молоды, и нам стыдно за то, что мы тогда творили, но это не оправдывает то, что вы делаете сейчас. Вы снова взялись за свои старые фокусы, не так ли? Вы

собираетесь заразить «Сопутствующую Безопасность», не спрашивая ни у кого из носителей согласия. А затем и другие корабли-хранилища. И их пассажиров. И их планеты. И...

— Наша культура должна была распространиться по вселенной миллионы лет назад, Доктор. Мы заслужили это, — Хранитель верил в это всю свою жизнь, и не собирался менять свою точку зрения.

Доктор сел и забросил ноги на стол:

— Дайте-ка, я попробую угадать. Парочка выживших — не много, возможно, всего один или два — спрятались в замедляющем время хранилище этого корабля на несколько тысяч лет, назначив, чтобы их разбудил казначей по истечении нескольких поколений. Он вынул их из замедляющего поля, и его заразили в благодарность за это. Выжившие в войне были снова помещены в замедляющее поле, а вы с тех пор переходили от казначея к казначею.

— Вы умны, Доктор.

— Именно так я сам бы действовал. Сколько их в хранилище?

— Всего двое. Они в контейнере для... Что такое?

Доктор смотрел на него с триумфальным видом:

— Вы только что подтвердили мои аргументы. Вы рассказали мне о чём-то, что находится в хранилище. Ксо'рил скорее умер бы, чем разболтал это.

— *Хранитель, не теряй время!* — снова пульсировал Наставник. — *Начинай заражение всего корабля.*

— Нам нужно будет продолжить этот разговор, Доктор, — сказал Хранитель. — Но не сейчас.

Доктор смотрел на машину, распространявшую бактерии по всему кораблю. Медотсек уже был заполнен ими.

Хранитель подошёл к шлюзу, изолировавшему медотсек, набрал код, и люк открылся. Затем он отпер дверь и, подняв руки, уступил дорогу забегающим вооружённым охранникам.

Через тридцать секунд возникли ещё пять новых крайалан.

Хранитель безмолвно обратился к ним. Затем новые крайалане и Шр'кру собрались у двери, а Хранитель дал свой пистолет Ц'рилу.

— Мы идём встречать новорожденных, — сказал он. — А этот ребёнок останется охранять вас. Я могу предположить, что вы смогли бы нанести физический вред взрослому носителю, но не думаю, что вы поднимите руку на ребёнка. Я рассказал ему, как пользоваться оружием.

Доктор и Ц'рил остались одни. Некоторое время они смотрели друг на друга. Крайалан Ц'рила всё ещё был нервный и неуверенный в себе; когда рука Доктора потянулась в карман, он дёрнулся.

— Что вы делаете? — спросил он. Пистолет в его руке дрожал.

Доктор широко улыбнулся и вынул свой запасной пакетик мармеладок.

— Хотел тебя угостить вот этим, — сказал он. — Твоему носителю они понравились.

— Мармеладки, — сказал крайаланин, заглянув в память Ц'рила.

— Они самые. Хочешь?

— Нет.

— Ну, как хочешь. У тебя уже есть имя?

— Нет.

— Что же, тебе его обязательно придумают, — внезапно Доктор наклонился к нему: — Ты молодой, ты ещё не уверен, что есть что, ты полагаешься на защиту Хранителя, верно?

— Да, — крайаланин рукой Ц'рила крепче сжал пистолет, и ствол задрожал.

— Твой носитель тоже молодой, ты знаешь это? Ему тоже страшно. Он не знает, что происходит. Ты же не хочешь нанести ему вред?

— Нет.

— Но ты наносишь, — уверенно сказал Доктор. — Ты делаешь это прямо сейчас. Отпусти его. Дай мне поговорить с Ц'рилом и успокоить его.

Немного помолчав, крайаланин сказал:

— Хранитель просил передать вам, что он постоянно находится на связи со мной, и слышит всё, что вы говорите. Я должен сказать: «Не выйдет, Доктор».

Доктор закрыл глаза:

— Мои комплименты Хранителю.

Затем он снова их открыл:

— Ну и ладно. Подайте мне, пожалуйста, вон тот шприц.

— Нет.

Доктор встал и сам взял шприц с соседнего стола. Затем сел за стол с нано-станком.

— Что вы делаете? — спросил крайаланин.

— Исследую.

— Что?

— Я учёный, — с улыбкой сказал Доктор. — Я всегда что-нибудь исследую.

Он прижал шприц к своей шее и наполнил его кровью. Затем он выдавил кровь в камеру нано-станка и принялся за работу. Его пальцы быстро набирали что-то на клавиатуре, он тихо напевал что-то себе под нос.

Через какое-то время он взял ещё один шприц и взял образец из другого вентиля нано-станка. В этот раз жидкость была прозрачная. У Доктора было довольное лицо.

— Ну что же, это должно... — он вдруг напрягся. — Боже мой, — сказал он. — Это ж надо! — он посмотрел в окуляр, затем, нахмурившись, взглянул на крайаланина, затем снова в окуляр. — Это просто поразительно.

— Что? — нервным голосом спросил крайаланин.

— Просто беспрецедентно. Это явно *amo amat amat*, вполне возможно *nemo me impune lacessit*, а может быть даже *e pluribus unum*. Ты только посмотри на это.

Крайаланин попытался заглянуть в окуляры. Доктор отодвинулся, чтобы ему было удобнее.

— Видишь? спросил Доктор. — Лимфоциты, лейкоциты, стройки, парковки, и все они сосуществуют, что, как тебе скажет любой специалист, невозможно, — он взял в руки шприц. — И, тем не менее, вот они все в одном образце! Это сыворотка, синтезированная из моей крови, иными словами, они и внутри меня тоже, то есть, и внутри тебя тоже, — он словно невзначай протянул руку и сделал Ц'рилу инъекцию.

Крайаланин вскрикнул и отпрянул, поднял пистолет, а затем тело Ц'рила обмякло и Доктору пришлось поймать его. Через секунду Ц'рил открыл глаза.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Доктор.

Ц'рил был растерян:

— Это было ужасно, это было... — слабым голосом сказал он.

— Ты помнишь, что было?

— Оно было внутри меня, — голос Ц'рила становился крепче. — Оно управляло мной, я ничего не мог поделать, я не мог пошевелиться...

— Ц'рил! — Доктор встряхнул мальчика. — Хранитель общался с этим крайаланином, он знает, что что-то случилось. У нас мало времени. Ты знаешь, как незаметно пробраться в трюм?

Ц'рил поднялся, в его голосе чувствовалась гордость:

— Я всю жизнь живу на этом корабле.

— Тогда води нас туда. К-9, идём.

Помимо ментальных криков раздались и физические — физиологическая реакция тел носителей на страдания своих хозяев. По той же причине по щекам Хранителя потекли слёзы.

— *Тише, дети. Тише,* — он облокотился на переборку, а вокруг него бродила бывшая команда отсека управления «Сопутствующей Безопасности».

— *Мы не понимаем что произошло,* — говорил один из детей, носителем которого был капитан корабля. — *Был свет, а затем свет погас, и мы почувствовали такую боль...*

— *Этот ребёнок погиб,* — пульсировал Хранитель. — *Он мученик. А теперь тише, дети мои, мне нужно посоветоваться. Наставник? Мыслитель?*

— *Мы тоже это почувствовали,* — пульсировал Наставник. — *Как повелитель времени это сделал?*

— *Он что-то вколол ребёнку, после чего контакт был утерян,* — Хранитель скривился, переживая этот момент снова. — *Консультация детей должна уступить свой приоритет поиску Доктора. Прошу разрешения сконцентрироваться на решении этой проблемы.*

— *Разрешаю,* — сказал Наставник.

— *Хранитель!* — пульсировал Мыслитель. — *Есть большие шансы, что на борту корабля у повелителя времени есть ТАРДИС, и он пойдёт туда. Во время войны*

галлифрейяне экспериментировали с технологией изменения внешнего вида, поэтому ТАРДИС может иметь любой вид и форму.

Хранитель искал в памяти Ксо'рила сведения о Докторе.

— У него есть что-то в трюме. Возможно, это ТАРДИС.

— Есть большая вероятность того, что ТАРДИС окажется непроницаемой для любых средств, имеющихся на борту корабля, — добавил Мыслитель.

— В таком случае возникает вопрос, — размышлял Хранитель, — куда он на ней направится?

Ц'рил остановился как вкопанный на пороге ТАРДИС и глубоко вдохнул, оглядываясь по сторонам.

— Да, впечатляет, я знаю, — Доктор подтолкнул мальчика, чтобы они с К-9 тоже смогли зайти, подошёл к консоли и запер дверь. — Ну вот, наконец-то мы в безопасности.

— Доктор?

— Да? — Доктор нагнулся над приборами консоли.

— Спасибо.

— Не за что.

— Что вы сделали?

— Моя раса имеет естественный иммунитет к крайаланским бактериям, поэтому я синтезировал сыворотку из своей крови, которая дала иммунитет и тебе тоже.

— Вы были очень добры.

Доктор скривился:

— Разве?

— Ну да... — сказал Ц'рил. — А разве нет?

— Одно моральное очко в пользу крайалан, — сказал Доктор. — Они пощадили жизнь ребёнка-лорка, то есть тебя. А я убил их ребёнка, чтобы вернуть тебя.

Ц'рил раскрыл рот, затем опять закрыл. Прошло целых полминуты, пока он задал следующий вопрос:

— Доктор!

— Что?

— А кто они, крайалане? Почему ваш народ боролся с ними? Кто...

— А ты любопытный, — сказал Доктор. — Крайалане были композитными телепатическими разумными сущностями. Бактерии размножались, и формировали внутри носителя кристаллическую сеть, которая действовала как параллельная нервная система, и спонтанно возникал крайаланский разум, который, как ты знаешь, мог что угодно делать со своим носителем.

— Но он не причинял носителю вред?

— Это не от милости, поверь мне. Просто это было в их собственных интересах.

— Доктор, раз ваш народ имел иммунитет...

— Мы всё равно боялись их, — глаза Доктора были направлены на стену, но он словно смотрел сквозь неё. — Вселенная была молода, крайалане были молоды, повелители времени были молоды. Это было задолго до меня, разумеется. Ирония в том, что, будучи бестелесными созданиями, крайалане имели склонность к абстрактному мышлению. Между ними и нами была гонка по освоению перемещений во времени, и мы переняли кое-что у них.

— И кто был первый? — восхищённо спросил Ц'рил.

— Была ничья. Проблема, впрочем, была не в этом. Да, привычка крайалан заражать каждого встречного нам не нравилась, но мы могли с этим смириться. Но некоторые группировки крайалан хотели отправиться в прошлое на

машинах, подобных этой, и заразить собой Вселенную с самого начала. Мы не могли этого позволить.

— И вы с ними воевали?

— Хуже. Мы сами отредактировали время, и сделали так, что крайалан вообще никогда не было, они были только в наших учебниках истории.

— Но эти по-прежнему здесь, — сказал Ц'рил.

— Они погрузились в хранилище с замедленным временем до того, как мы взялись за дело. Только так они могли сбежать, покинув поток времени.

— Что вы будете делать дальше?

— Вот об этом я и думаю. Я не могу сделать укол каждому. Какое-то время они молчали.

— Придумал, — через минуту сказал Ц'рил. — Это же машина времени?

— Да.

— Значит, нужно вернуться во вчера и не дать этому случиться!

Доктор улыбнулся и покачал головой.

— Блинович, — сказал он.

— Кто?

— Милый человек, но немного ограниченный. Не получится.

Они молчали. Доктор начал ходить вокруг консоли.

— Придумал, — сказал Ц'рил.

Доктор закатил глаза:

— Что?

— А есть ещё люди вашего народа?

— Некоторые считают, что их на целую планету больше, чем нужно.

— Так попросите их помочь вам.

— Никогда больше! — отрезал Доктор. — После того, что они в последний раз сделали... — он перестал ходить. — Кроме того, — сказал он более задумчиво, — они бы решили просто довести дело до конца и стереть их с лица вселенной. Я хочу остановить их, но из своего печального опыта я знаю, что геноцид — это не моё. К-9!

— Хозяин?

— Попробуй связаться с главным компьютером «Сопутствующей Безопасности». Мне нужны планы корабля.

— Устанавливаю связь.

— Доктор, а мы не можем... — начал было Ц'рил.

— Нет! — сказал Доктор.

Ц'рил обиделся.

— Преодоление системы безопасности корабля займёт примерно 12 часов 19 минут, хозяин, — сказал К-9.

Доктор побарабанил пальцами по консоли и посмотрел на Ц'рила:

— Ладно, выкладывай.

— Хранилища с замедлением времени — это обычные хранилища, вокруг которых создано замедляющее поле. Мы можем пойти в генераторную, и распространить поле так, чтобы оно захватило весь корабль. А потом пошлём сигнал СОС медицинским властям, и они разберутся с этим.

— Хорошая идея, — Доктор поднял указательный палец. — Но она не годится, хотя и хорошая.

— Почему не годится?

— Слишком опасно. Всё, что подразумевает контакт других людей с крайаланскими бактериями, слишком опасно.

— Но если они предпримут предосторожности...

— Что-нибудь пойдёт не по плану. Представителям власти придётся захватывать корабль, крайалане будут

сопротивляться, люди пострадают... но... если... — Доктор снова уставился куда-то вдаль с блаженным лицом. — Генераторы замедляющего поля, — сказал он. — Ц'рил, ты гений. Где они?

— Вы воспользуетесь моей идеей? — радостно спросил Ц'рил.

— Да. Где они?

— Вот здорово! А я думал, мои идеи никуда не годятся.

— Ц'рил...

— Надо об этом папе рассказать! Когда он вылечится, конечно...

— Где они?!

— Ой. Хм... Между трюмом и двигателями, вторая палуба.

Доктор начал быстро что-то настраивать на консоли:

— Это отсюда примерно полмили к корме?

— Хм... Да, наверно...

Консоль ожила, и ротор времени начал двигаться. Ц'рил широко раскрытыми глазами смотрел по сторонам, и когда помещение наполнилось звуками дематериализации, Доктор захихикал. Скоро всё закончилось. Ротор остановился.

Ц'рил нахмурился:

— Он остановился.

— Мы прибыли, — сказал Доктор и включил монитор. — Это они?

Ц'рил посмотрел.

— Да, это они. Генераторы замедляющего поля. Мы что, сместились?

— Да, сместились.

Доктор раскрыл встроенный в стену шкаф и начал рыться в нём. Он всегда гордился собой, когда ТАРДИС прибывала туда, куда он хотел. Поначалу он был новичком в деле

управления ТАРДИС, никогда не был уверен в том, куда она прибудет; с практикой пришло некоторое умение, но всё равно...

Он повесил себе на плечо моток кабеля, подошёл к консоли и что-то на ней настроил.

— Я сейчас выйду. А ты оставайся тут...

— У-у!

— И что бы ты ни делал, — Доктор ткнул пальцем в самый большой рычаг, который словно просил, чтобы его потянули, — вот это не трогай! — он открыл двери и вышел.

Генераторная была похожа на котельные на старых земных пароходах: тусклое освещение, шесть массивных генераторов стояли двумя рядами по три. ТАРДИС приземлилась между двумя из них. Они гудели, было жарко, а в воздухе был запах электричества. Генераторы создавали поле, которое сейчас было сконцентрировано на хранилищах, где было замедлено течение самого Времени. Идеальная система длительного хранения.

Доктор осмотрел ближайший генератор.

— Примитивный, но сойдёт.

Осмотревшись, он увидел вход в генераторную, и направился туда. Закрыв герметичный люк, он снова огляделся.

— Итак... Где есть генераторы, должны быть и панели управления.

Панель была в конце зала, между двумя рядами генераторов. Доктор подошёл к ней, и из-за ближайшего к нему генератора вышла маленькая фигурка:

— Доктор!

Доктор усмехнулся:

— Мой дорогой друг Хранитель. Какой приятный сюрприз!

Хранитель вышел на свет и поднял пистолет.

— Ой. А может, и неприятный.

— Руки вверх, — сказал Хранитель.

Доктор поднял руки.

— Я надеялся на ваши знания, Доктор. Мы бы отблагодарили вас. Мы могли бы работать вместе. Глупо было с моей стороны думать, что возможен союз с повелителем времени.

— Глупо было думать, — сказал Доктор, — что я позволю вам навязывать свою волю другим разумным организмам. Неразумным — может быть. Вообще-то, почему бы и нет? Насколько я знаю, бóльшая часть вашей жизни проходит на ментальном уровне. Разумность вашего носителя для вас не важна. Хранитель, я могу отправить вас куда угодно. Отвезу вас на пустую планету, где нет разумной жизни, но полно животных. Вы сможете построить там собственную процветающую цивилизацию, и повелители времени не будут об этом знать.

— Заткнитесь, — сказал Хранитель.

— Но вам больше нравится такой путь, да? — сказал Доктор. — Завладеть разумными существами, воспользоваться их памятью и навыками, чтобы самим это не разрабатывать. Простой путь.

— У нас есть право на это! Мы были самой первой формой жизни в этом Космосе, Доктор, и...

— Ни единой мысли без вашего соизволения. Никакой свободы без вашего соизволения. Ничего без вашего соизволения, — сказал Доктор.

— Вы опять зря тратите время, Доктор. Вы убили одного из наших детей, и на это может быть только один ответ, — Хранитель снова поднял пистолет, и посмотрел вдоль ствола.

Раздался громкий звук дематериализации ТАРДИС. Хранитель дёрнулся и оглянулся на звук, и Доктор тут же выбил ногой пистолет из его руки и ударил его кулаком в челюсть.

Доктор забыл, что под крайаланским влиянием тело Ксо'рила выдерживало даже выстрелы К-9. Хранитель лишь слегка пошатнулся, а затем бросился на Доктора. Доктор увернулся, одновременно снимая с себя шарф и делая из него петлю. Пока крайаланин разворачивался, Доктор набросил на него шарф и обмотал вокруг него несколько витков. Наконец он поднял крепко связанного извивающегося лорка и подвесил его на выступающей балке одного из генераторов. Любуясь результатом своей работы, Доктор широко улыбнулся.

Звук ТАРДИС достиг мучительного крещендо, но сама ТАРДИС упорно оставалась на месте.

— Почти вовремя, — пробормотал Доктор и открыл дверь.

Ц'рил сидел, прижавшись спиной к стене. Огромными, как блюдца, глазами он смотрел на содрогающуюся консоль, засунув в рот все четыре руки. За грохотом ничего нельзя было услышать. Доктор щёлкнул тремя выключателями на панели, и шумная агония прекратилась.

Доктор сердито посмотрел на мальчика:

— Что я тебе говорил?

— Вы... вы сказали не трогать вон то...

— А ты его трогал?

— Нет! — обиженно сказал Ц'рил. — Я трогал вон то, — он указал на более безобидный орган управления, расположенный на противоположной стороне консоли относительно того, который Доктор запретил трогать.

— А я трогал вот это, — сказал Доктор, махнув рукой в сторону ввода координат. — Я заблокировал координаты в

пространстве и времени, чтобы ТАРДИС при попытке старта всё равно оставалась на месте.

— А что я трогал?

— Запуск двигателей, как я и рассчитывал. Но ты не торопился, должен я тебе сказать.

Ц'рил понял не сразу.

— Вы хотели, чтобы я это сделал?

— Ну, я же не мог быть уверен, что меня там уже не ждут, верно? Мне нужно было иметь какое-то преимущество, — Доктор улыбнулся и взъерошил мальчику волосы. — Любопытство — чудесная штука, Ц'рил. Так, а теперь пойдём, поможешь мне.

Это заняло десять минут. От контрольной панели были протянуты кабели внутрь ТАРДИС.

Хранитель по-прежнему беспомощно висел на генераторе.

— Давайте, Доктор. Щёлкните выключателем. Делайте, что вы там придумали, и завершите начатое вашим народом.

Рука Доктора зависла над выключателем.

— Обычно, — сказал он, — те, кто находится в вашем положении, пытаются в последний момент как-то договориться. Но, если вам так угодно, пытаться договориться буду я.

— Приступайте уже.

— А это не повредит моему папе? — прошептал Ц'рил.

Доктор, не глядя на Ц'рила, ответил:

— Нет, не повредит. Ксо'рил и другие зараженные вернутся к нормальному состоянию. Хранитель, моё предложение отвезти вас в безлюдное место остаётся в силе.

— Мне что, верить повелителю времени?

— Конкретно мне вы можете поверить.

— Не тяните уже, — сказал Хранитель.

— Нет. Вы можете связываться телепатически. Я хочу поговорить с главным крайаланином.

Лицо Хранителя размякло, и когда рот его носителя снова раскрылся, он сказал:

— Я Наставник.

— Здравствуйте, Наставник. А вас не интересует моё предложение?

— Вы про планету, Доктор? Вы предлагаете нам планету, в то время как нам по праву должен принадлежать весь Космос?

Доктор вздохнул:

— Опять двадцать пять. А что, если устроить быстрый опрос населения? Ц'рил, тебе нравилось, когда внутри тебя был крайаланин?

— Нет!

— Ты хотел бы повторить это?

— Ни за что!

— А если пользоваться телом по очереди?

— Нет.

— Что же, — сказал Доктор, — сто процентов опрошенных телесных существ сказали, что не хотят быть под властью крайалан. Разумеется, мы можем расширить число опрашиваемых. Я уже бросал вызов Хранителю, предлагая дать возможность Ксо'рилу высказать своё мнение. Вы решитесь на такое? Или как на счёт всех остальных на этом корабле, кого вы заразили?

— Доктор, — сказал Наставник, — ваш народ стёр наш народ с лица вселенной в намеренном геноциде. Более того, вы лишили нас нашего наследия, нашей истории, всего нашего существования. Нет, Доктор, мы не удовлетворимся какой-то планетой. Нам принадлежит Космос; План требует вернуть его в нашу власть. Мы не остановимся.

Лицо Доктора было несчастным.

— Что же, я сожалею, — сказал он, и его рука опустилась на выключатель.

Казалось, что ничего не происходит, но затем Ц'рил почувствовал в животе что-то вроде низкого грохота, который постепенно поднялся до пронзительного визга, охватившего всё его тело. Перед глазами у него всё поплыло, и возникло какое-то напряжение, что-то его сдавливало, ему казалось, что он сейчас лопнет, но он не мог открыть рот и закричать. У него перед глазами мелькали цветные пятна, и ему показалось, что на фоне звучащей у него в голове какофонии он снова слышит звук ТАРДИС, словно она испытывала такую же агонию, как и он.

Затем шум прекратился. Но давление на его тело не пропало. Давление было на левую сторону его тела: на левую ногу, на левую руку, на левые рёбра, на левую щёку. Его левый глаз ничего не видел; перед правым было что-то большое и серое.

Он лежал на левом боку. Он перевернулся, и его сознание пронзила боль. Он застонал.

Доктор помог ему встать:

— Без мучения нет лечения.

— Что произошло?

— Надеюсь, что я всех вылечил. Давай проверим.

Он пошёл к неподвижному телу отца Ц'рила. Связывавший его шарф, казалось, сгнил, и Ксо'рил лежал на полу. Доктор поднял его веки.

— Живой. Это хороший знак.

Ц'рила по-прежнему не покидало чувство, что его сжимают. Он потянулся рукой, чтобы почесать голову, и

почувствовал, что что-то давит на локоть. Нахмурившись, он посмотрел на локоть, затем на рукав, затем на свои ноги. Его брюкам не хватало пары сантиметров длины. Пояс был слишком тугим. Запястья были сдавлены манжетами рубахи.

— Доктор, у меня одежда сжалась!

Доктор быстро осмотрел его:

— Нет, это ты вырос. Примерно на год, — с унылым лицом он поднял и осмотрел один кусок, оставшихся от его шарфа.
— Что же, наверное, я ожидал от него слишком много, рассчитывая, что сможет держать взрослого лорка целый год.

— Вы что, поместили нас на год в замедляющее поле?

— Если бы я так сделал, как бы ты вырос? — с укором сказал Доктор.

На полу застонал Ксо'рил.

— Ага! К-9, выйди сюда, пожалуйста.

— Хозяин? — К-9 выкатился из ТАРДИС и остановился у ног Доктора.

— К-9, проверь Ксо'рила на наличие крайаланских бактерий.

Из единственного глаза К-9 вниз посмотрел зонд.

— Количество бактерий в теле пациента быстро снижается. Иммунная система пациента функционирует полноценно.

— Чего я и добивался. Казначей Ксо'рил, как вы себя чувствуете?

— Доктор? — спросил Ксо'рил сухим голосом. — Я ужасно себя чувствую.

— Папа, тебе лучше? — заботливо спросил Ц'рил.

— Я чудесно себя чувствую, — Ксо'рил оттолкнул руки Доктора и встал на ноги. — Не трать время на пустые вопросы.

Ц'рил улыбнулся.

— Казначей, — сказал Доктор, — все остальные на борту корабля дезориентированы так же, как и вы. Возможно, нужно, чтобы кто-то их успокоил.

— Великий Космос, вы правы! — сказал Ксо'рил и быстро ушёл.

— Доктор, что вы сделали? — спросил Ц'рил.

— Соединил ТАРДИС с генераторами замедляющего поля, — Доктор положил руку Ц'рилу на плечо, и они не спеша пошли к люку. — Обычно они замедляют время. А я их использовал для того, чтобы снова его ускорить. А потом замедлить. И снова ускорить. И...

— И чем же это помогло?

— Первое, что делают крайаланские бактерии в организме носителя — берут под контроль его иммунную систему, — сказал Доктор. — Затем они выращивают свою суррогатную нервную систему, которая заменяет нервную систему носителя. Когда носитель изменяется, система тоже изменяется, но если носитель изменяется быстро, скажем, растёт, или молодеет, или и то, и другое, бактерии не успевают. Им приходится концентрироваться. Они всё своё время тратят на то, чтобы поддерживать нервную сеть...

— И они отпускают иммунную систему!

Ц'рил был доволен собой, и Доктор улыбнулся:

— Они отпускают иммунную систему, — подтвердил он, — которая, после долгого подавления, пытается наверстать упущенное. Извини, что я сделал тебя на год старше, считай это побочным эффектом лечения. Если пациент в процессе лечения выжил — лечение было хорошим.

Какое-то мгновение они шли молча, всего мгновение.

— Доктор!

— Что? — вздохнул Доктор.

— А как же первые два крайаланина? Они же не были в телах.

Доктор заморгал.

Под руководством Доктора два лорка толкали по коридору серебристый цилиндр размером с половину Доктора. Услышав, что его зовёт Ц'рил, Доктор обернулся.

Мальчик спешил к нему. Он снова был одет в комбинезон.

— Ты что, до сих пор трюм драишь? — спросил Доктор.

— Хм? О, нет, — Ц'рил посмотрел на свой комбинезон. — Нет, я отмываю медотсек... А что это?

— Это, Ц'рил, контейнер с культурой бактерий, являющихся нашими друзьями Наставником и Мыслителем. Самые распоследние из крайалан.

Ц'рил посмотрел на цилиндр так, словно это был яд.

— Не бойся, он герметичный. Твой отец предложил мне пожизненный пассажирский билет, но я поменял его на это.

— На что?

— На вечное хранение этих двоих в замедляющем поле, и большой знак «не трогать». Ксо'рил хотел их вышвырнуть в космос за злостное нарушение условий контракта, но я решил иначе.

— Так вы, значит, не останетесь, — опустив глаза, пробормотал Ц'рил.

— Останусь? Ну, даже не знаю... У меня, правда, ещё есть почти недельный билет, который я отработал. Не обещаю, что останусь на весь этот срок, но...

— Я хочу о многом спросить, — торопливо сказал Ц'рил. — Вы столько всего знаете, чего я не знаю, но я хочу узнать...

Любой благодарности есть пределы, и Доктор подумал, что он наткнётся на эти пределы, если Ксо'рил узнает, что Доктор бесплатно учит его сына.

— Знаешь, ничто в этом мире не бывает бесплатным, — сказал он. — Ты, лорк, должен понимать это как никто другой.

— Да, но...

— Ты видел, какого размера у меня отсек управления? Насколько я знаю, в нём никогда не убирались, а ты одет подходящим образом... И, разумеется, как только я прослежу за тем, чтобы эту штуку спрятали подальше, я приду лично проследить за твоей работой и за тем, чтобы ты не нажимал кнопки, и... кто знает, какие мысли я нечаянно произнесу при этом вслух?

Ц'рил засиял от счастья.

— Уже бегу! — сказал он и умчался.

Доктор снова повернулся к двум лоркам, как раз в тот момент, когда они задели цилиндром стену.

— Эй, осторожнее с этим! Это очень, очень большая редкость...

ДУХ ВРЕМЕНИ

Крэг Хинтон

— Узрите наши дары, — распевал Верховный Жрец, широко раскрыв руки, внимая молитвам своих последователей.

На несколько мгновений их Господь и Бог распространит свою щедрость на всех них, как он это делал с незапамятных времён. Но это были новообращённые; им нужно было продемонстрировать щедрость Сплайна. Главное, чтобы они при этом не забывали кланяться.

В надлежащий момент широкий белый алтарь позади него вспыхнул ослепительно-белым огнём, сопровождающимся залиvistым визгом и ритмичным рёвом. Жрецу не нужно было оборачиваться, он знал, что происходит; более того, обернувшись, он бы совершил ужасное богохульство. Был строжайший запрет смотреть на то, как Сплайн готовит манну.

А затем всё прекратилось; и звук, и свет остались только в воспоминаниях. Он повернулся к алтарю и осмотрел сегодняшние дары, с удовольствием отметив, что среди них было много пищи; в предыдущих трёх божественных проявлениях появлялись в основном странные металлические предметы и прочая ерунда — ничего полезного для жречества. Но десять прозрачных ящиков, занявших бóльшую часть алтаря, явно содержали какую-то еду, и это очень обрадовало Верховного Жреца; банкет, как ничто другое, делал его слуг довольными. А значит, и покорными.

По мнению Верховного Жреца Гераклита, Сплайн проявил бóльшую щедрость. Чего и ждали от бога.

Энрик Уллий посмотрел на часы — всего лишь половина девятого. Он вздохнул; было такое чувство, что половина девятого длится уже четыре часа. Вот в чём проблема со временем, — грустно подумал он. Непредсказуемое.

Ещё раз тяжело вздохнув, он встал из-за своего заставленного стола и заказал в реплимате чашку пряного чая. Ожидая, пока антикварная машина соорудит что-нибудь съедобное, он думал о своей текущей задаче: уже три часа он пытался понять хоть что-нибудь в уравнениях на мониторе, но был так же далёк от ответа, как и неделю назад, когда их ему только-только прислали. И это было плохо, потому что Посол считал, что Уллий — единственный человек на всей планете, способный их понять.

Взяв из автомата чашку, он пошёл обратно за стол. Посол должен явиться в десять часов, и профессиональная гордость Уллия была смертельно ранена тем, что он не видел в этих уравнениях никакого смысла.

Как такое могло быть? Две недели назад он был младшим научным сотрудником в университете Хотампы и пытался найти какое-нибудь применение для предмета своей докторской диссертации — сетей уравнений. И вот теперь он работает непосредственно на Посла, на пределе своих знаний. Если честно, то даже *за* их пределами.

Пытаясь отвлечься от монитора, он откинулся на спинку кресла и уставился в потолок. Когда он был студентом, жизнь была намного проще. Единственной проблемой было найти между бесконечными вечеринками и попойками время на написание диплома... И тут он понял.

Он пытался интерпретировать уравнения Посла по отдельности, но что если все они были аспектами одного большого уравнения, если каждое было лишь срезом

многомерной сети уравнений — предмета его диссертации? Не удивительно, что Посол выбрал его — за всю историю науки было лишь три человека, которые что-то понимали в этой теме, и двое из них были уже мертвы. С новыми силами он принялся за работу.

Полчаса спустя он пожимал одну из четырёх крохотных ручек Посла, приветствуя его. Теперь он понимал, что именно было ему предложено. И какое значение оно имело для Гераклита.

Зайдя в отсек с консолью, Тёрлоу удивился — там никого не было. Почему-то ему казалось, что Доктор будет стоять у консоли и хмуро смотреть на переключатели и экраны, также хмуро, как он смотрел на всё и на всех с тех пор, как их оставила Тиган. Это случилось ещё несколько дней назад, но ничего из того, что с тех пор произошло — ни сонтаране с рутанами, ни так называемый отпуск на Матасианских Развлекательных Кольцах, ни их поход на гору Гайзис — ничто не улучшало настроение Доктора. Даже будучи втянутым в махинации Чёрного Стража, Доктор всегда сохранял приветливую улыбку и оптимизм. Но сейчас жизнь в ТАРДИС больше напоминала уроки в Брендоне, у особенно унылого учителя типа Питерсона или Дрибба.

Больше не было весело.

Его размышления были прерваны писком со стороны консоли. Тёрлоу шагнул туда, чтобы узнать, в чём дело, но между ближайшей панелью и полом перед ним возникла голубая электрическая дуга, и он замер на месте.

— Доктор! — закричал он, осторожно отходя от консоли.
— Доктор, быстрее сюда!

— В чём дело?

Тёрлоу снова дёрнулся — Доктор стоял прямо у него за спиной.

— Что за срочность?

— Что-то с консолью... Она... Она пищит.

Да, это звучало неубедительно. Но что ещё он мог сказать? Ах, да!

— А ещё я не могу к ней подойти.

— Что?

Доктор подошёл к шестиугольной консоли, но его она встретила тем же, что и Тёрлоу. Растерянно потирая подбородок, Доктор смотрел по сторонам, на белые стены, словно в поиске ответа. А затем склонил голову набок.

— Я узнаю этот звук. Ну конечно! Ох уж эти двуличные, лживые... — он замолчал, кипя от злости.

Его прищуренные глаза просто струились гневом.

— Что это?

— Галлифрейский машинный код, Тёрлоу. Мы слышим неповторимый звук кибер-псионного спора. Пси-бит против пси-бита.

— Повелители времени?

— А кто же ещё? Во Вселенной есть только две вещи, способные повлиять на ТАРДИС: другая ТАРДИС и Матрица. И в этом корабле встроено достаточно предохранителей, чтобы воспрепятствовать чрезмерному воздействию другой ТАРДИС, — он закрыл глаза. — Только Матрица могла «убедить» ТАРДИС сменить курс.

— Мы сменили курс?

— Конечно, мы изменили курс! — рявкнул он. — Мы же никуда не направлялись. Я остановил ТАРДИС в вихре, чтобы настроить динаморфические реле. Но, судя по тому, что я вижу, мы вот-вот должны материализоваться. Похоже, это один-ноль

в пользу повелителей времени, деспотичных, лицемерных, двуликих... — он зарычал хором с ТАРДИС: — Рассилона ради, я же Президент! Что они себе думают, гоняя меня, как посыльного?

Тёрлоу попытался успокоить его:

— Ты же сбежал от них, разве нет? Что это было? «В конце концов, так всё и началось»? Ты что, правда думал, что после того, как ты снова улетел от них, всё изменится?

— Я улетел от них потому, что мне не по вкусу их стерильный образ жизни, — отрезал он. — Такое могущество, столько знаний, и они ни разу не замарали руки, чтобы кому-нибудь помочь. Мне страшно подумать, в кого бы я мог превратиться, если бы остался на Галлифрее. Наверняка сухим академиком без сострадания, таким же, как они.

ТАРДИС начала материализацию.

Он покачал головой:

— Почему ты считаешь, что я боюсь снова стать лордом Президентом?

Тёрлоу внезапно посетила идея:

— А ты не упускаешь главное? Раз повелители времени перехватили контроль над ТАРДИС, значит, они хотят, чтобы ты что-то для них сделал. Выходит, они всё-таки марают руки.

Доктор удивлённо посмотрел на него. А затем нахмурился:

— В каком-то смысле ты прав. После всех моих жалоб на их бездействие, не мне возражать, если есть работа.

Но Тёрлоу всё равно слышал в его тоне едва сдерживаемую злость.

— И всё равно, когда я встречу с Исполняющей Обязанности Президента Флавией, мне будет что ей высказать. Как минимум, она могла вежливо попросить меня.

Пока он это говорил, звуки консоли возвестили о том, что они приземлились. Непонятно где. Тёрлоу открыл сканер.

— Очень живописно, — сказал он, когда раскрылись заслонки.

Вид на сканере нельзя было назвать манящим: бесконечная равнина тёмно-зелёного песка и неприятное, жгучее оранжевое солнце, сияющее на сиреновом небе.

Он нахмурился:

— И мы должны туда выйти?

Доктор вынул из кармана своего бежевого сюртука панаму и надел её.

— Чувствую, пора идти на рекогносцировку.

Тёрлоу улыбнулся: большая часть злости Доктора уже улетучилась. Снаружи ТАРДИС была загадка, и научное любопытство Доктора было сильнее обиды на то, что им манипулировали. Наверное, это был тот самый импульс, который был нужен ему для того, чтобы отпустить прошлое и жить дальше.

— Это безопасно?

Доктор заглянул в другой монитор.

— Ни существенной радиации, ни загрязнения атмосферы, — его брови изогнулись от удивления. — Тут вообще ничего существенного; приборы показывают, что эта планета безжизненна, нет даже ни единой бактерии. Так зачем же нас сюда повелители времени послали? — затем он потянулся к ручке двери: — Есть только один способ узнать об этом...

Огромные двери с кругами раскрылись в лежащую за ними тайну.

— Готов?

Тёрлоу пожал плечами:

— А что, у меня есть выбор?

Впервые за долгое время Доктор улыбнулся. Это было похоже на блаженство некоторых древних человеческих святых.

— Это правильный настрой, Тёрлоу, — подмигнул Доктор.

Вместо пустыни он оказался в толчее и суматохе шумного города. Он обернулся на свою верную ТАРДИС, но её не было. Тёрлоу тоже не было.

Он недоумевающе осмотрелся. Он стоял на чёрном тротуаре, идущем вдоль широкой дороги, по которой с огромной скоростью проносилось множество автомобилей. Вдали виднелись тёмно-серые многоэтажки, перемежающиеся небольшими магазинами и унылыми конторами. А примерно в миле от них, на фоне сиреневого неба возвышалось серое кубическое здание больше километра высотой; по четырём углам оно было украшено шпилями. Над его крышей зависло зелёное свечение, словно там что-то разлагалось. Одним словом, ничего приятного.

Чем-то это напоминало Доктору земные города в социалистических странах в середине двадцатого века. Даже проходившие мимо него пешеходы были неотличимы от людей, если не считать преимущественно рыжий цвет их волос.

Но оранжевое солнце на лиловом небе говорило, что это однозначно не Земля: ни в какой эпохе Земля такой не была. Да и причём тут Земля: хотя Доктор и не узнал координаты планеты, на которой материализовалась ТАРДИС, он знал, что он настолько далеко от любимой планеты, насколько это вообще возможно, если не выйти за пределы галактики.

Так где же Тёрлоу и ТАРДИС? Пытаясь рассуждать логически, он попытался найти свой корабль посредством существовавшей между ними психической связи. Медленно,

размеренными движениями разума он потянулся... и его сознание пронзила острая боль, словно в самый его центр загнали кол.

Он свалился на тротуар, как обрезанная марионетка, и его последней чёткой мыслью было беспокойство о ТАРДИС, которой не было нигде видно. Потому что, если верить чувствам повелителя времени, корабль стоял буквально в двух шагах от него.

И в то же время где-то бесконечно далеко.

— Это не то... — он замолк, заметив, что Доктора рядом уже нет.

ТАРДИС позади него тоже пропала.

Более того, его окружало не совсем то, что было на изображении сканера в ТАРДИС. Да, под ногами у него был зелёный песок, но он не был выжженным и безжизненным, как на сканере: примерно в километре от него была большая лагуна, окружённая экзотическими пальмами, а рядом с ней был посёлок. Крытые гофрированным металлом крыши, ярко окрашенные одеяла — он казался дерзким, но довольно жалким вызовом этому суровому пейзажу.

Но самым большим отличием было квадратное серое здание, стоявшее примерно в двух километрах за посёлком — километровый куб с острыми шпилями на каждом из его углов. Тёрлоу не понимал это: чтобы построить нечто в таком духе, были необходимы технологии, которые сильно превосходили те, которые он заметил в посёлке... А затем он подумал о городках из лачуг, возникших на Трионе вокруг Дворцов, и решил, что планета вполне могла тоже прийти к такому.

Но где Доктор? И где ТАРДИС? Из-за этой двойной пропажи приходилось выбирать из того, что было, и посёлок

показался подходящим местом для начала писков: он выглядел гораздо приветливее и доступнее, чем большой куб. Смирившись, он пошёл по мокрому песку, надеясь, что в этом хаосе из ветхого металла и цветастых материй найдутся ответы на его вопросы.

Доктор понял, что он очнулся. Последнее, что он помнил — свою довольно неприятную встречу с тротуаром; но сейчас он лежал на удобной кушетке, накрытый одеялом. И он был в чьём-то доме.

Хозяин зашёл в комнату и улыбнулся.

— Ну что, очнулись?

Это был рыжеволосый, похожий на бочку мужчина с дружелюбным лицом и короткой рыжей бородкой. На нём была такая же невзрачная одежда, как и на других местных жителях.

— Я переживал о вас, — сказал он.

Доктор сел на диване, выпутавшись из одеяла. К счастью, никаких осложнений после его психической травмы он не замечал; все нейроны, похоже, остались на своих местах, и делали то, что им было положено делать. Но, не смотря на смягчение симптомов, вызвавшая их причина была ему ясна: ТАРДИС была на этой планете, но каким-то образом смещена; и ему нужно её найти. А ещё нужно найти Тёрлоу.

— Мне уже намного лучше, спасибо. Кстати, меня зовут Доктор.

Мужчина протянул руку:

— А меня — Фэсл Калун. Это моя квартира.

— Что случилось?

— Я шёл с работы домой, и увидел, как вы упали. Все проходили мимо, сейчас все так поступают; никому нет дела ни до кого, кроме самих себя, — внезапно он стал немного

робким. — Хотя мне хотелось бы быть немного другим. Я позвонил в скорую помощь, но денег у меня на счету мало, поэтому я привёз вас сюда. Надеюсь, что вы не против.

Какое замечательно заботливое общество, — подумал Доктор.

— Спасибо, мистер Калун. Но — простите, если вопрос вам покажется странным — где именно мы находимся?

Он подумал, что такой вопрос легко можно списать на частичную амнезию.

Калун засмеялся:

— Сильно вы, наверное, головой ударились. Вы в Хотампе, разумеется.

Это мало о чём говорило.

— А на какой это планете? — осторожно спросил Доктор.

Такой вопрос вряд ли спишешь на амнезию, если эта планета не имела контактов с другими формами жизни.

Калун улыбнулся:

— На какой планете? Значит, вы ещё один инопланетянин. Здорово! Вы на планете Гераклит, Доктор.

Интересная реакция.

— Так значит, у вас уже были... посетители?

Калун кивнул:

— У нас раньше был инопланетный Посол, но он умер.

Внезапно Калун посмотрел на часы.

— Простите меня, пожалуйста; по телевидению должны показать моего начальника, мне нельзя это пропустить. Сами понимаете — начальство. Он взял в руки маленький серый куб и направил его на стену. Загорелся плоский экран, и на нём возникло изображение. Телевидение.

— Ваш начальник?

Калун кивнул:

— Я работаю на профессора Уллия.

Он сказал это таким тоном, словно Доктору должно было быть ясно о ком речь.

— Его в новостях показывают, — Калун указал на экран; там за столом сидел невзрачный мужчина.

— А сейчас мы представляем живую передачу из нашей студии в Хотампе с эксклюзивным интервью с профессором Энриком Уллием. Это создатель Сплайна, если вы были на другой планете, и не знаете этого, — добавил диктор с самодовольной ухмылкой. — Вам слово, Йаг.

На экране появилось изображение интервьюера и интервьюируемого, сидящих по сторонам от небольшого столика.

— Профессор Уллий — тот, что справа, — заметил Калун.

Уллий выглядел чуть старше тридцати лет, худой мужчина с редющими рыжими волосами, в толстых очках. Создатель Сплайна? Почему это звучало так зловеще? Озадаченный Доктор устроился поудобнее на диване, чтобы смотреть.

— А вот это он сам, — сказал Уллий. — Сплайн, — он кивнул на большой экран, висевший на стене за его спиной. На экране было бирюзовое помещение, пробитое в центре, от пола до потолка, сверкающей колонной изумрудного света. — Наше спасение.

Больше миллиарда людей смотрели сейчас эту передачу, и Уллий чувствовал, как его слова достигают каждого из них. А почему бы и нет? В его руках было их будущее и их прошлое. Им следует прислушаться.

Тубос подался вперёд и улыбнулся своей знаменитой елейной улыбкой:

— Но, профессор, этот ваш «Сплайн» дорого обошёлся налогоплательщикам. Какая нам от него будет польза? Почему он — наше спасение?

Уллий немного отодвинулся от назойливого корреспондента и сложил пальцы домиком.

— Сплайн — это поток когерентной темпоральной энергии, который течёт от начала до конца времён — мнимые хрононы с обратным спином, если среди вас есть люди с техническим образованием — от Большого Взрыва до Большого Сжатия. С помощью Сплайна мы сможем получить доступ к любой эре и взять там любые ресурсы, необходимые нам в настоящем.

— Но разве это не опасно? — со свойственной ему елейной манерой спросил Тубос. — Если вы измените прошлое, разве это не изменит настоящее?

Ты, ты, ты — все обвинения сыпались на Уллия, а ведь эта чёртова хрень ещё даже не включили; в данный момент работала только тау-мезонная несущая волна. Но у него был ответ на Атаку Тубоса.

— Сплайн будет взаимодействовать только с будущим, Йаг. Программное обеспечение не позволит ему вмешиваться в прошлое. Вот так вот просто. И я собственноручно написал это программное обеспечение.

— А что скажете о покойном После, Энрик?

Упс. Это был удар ниже пояса — типичный для агрессивной манеры Тубоса вести интервью. Уллий перешёл в оборону, его контратака была приготовлена заранее. К этому нельзя было не готовиться. Смерть Ц'рила не была темой, которую ему хотелось обсуждать.

— Посол погиб в результате несчастного случая, но его знания дали нам доступ к будущему. Сплайн был его мечтой, и

он станет свидетельством нашего первого контакта с инопланетной жизнью.

Вообще-то, их единственного контакта; поскольку Уллий и Посол работали вместе и подружились, учёный Гераклита узнал печальную правду, секрет, который инопланетянин скрывал от планеты, ставшей ему новым домом, боясь, что он станет причиной лишь горя и страданий. Что же касается Уллия, то этот секрет лишь подстегнул его амбиции.

Оказывается, Гераклит был так далёк от других населённых планет, что вряд ли их когда-нибудь посетит ещё кто-нибудь. А при отсутствии близких планет невозможны были первые шаги к межзвёздным путешествиям. Они были абсолютно изолированы, без единого шанса сбежать, и смерть Посла лишь усилила их оторванность от других миров.

Запертые на собственной планете, гераклитяне были обречены утонуть в потоке собственной неумеренности. Если только не будет открыт способ обновить их умирающий мир.

Что-то вроде Сплайна.

Большинство жителей Гераклита не были готовы к правде. Только тайная группа членов Президиума знала, что либо Сплайн... либо смерть для всех в ближайшие пятьдесят лет. А когда Сплайн заработает, населению уже не нужно будет знать об ужасной реальности их положения. Их будущее будет обеспечено. Во всех смыслах этого слова.

Уллий повернулся к камере, обращаясь не к Тубосу, а к телезрителям:

— Судьба нашей расы теперь в наших руках, у нас появился неисчерпаемый рог изобилия, который даст каждому гераклитянину лучшее из всех возможных будущих. И этим мы обязаны Послу, — его голос становился громче. Наш первый

контакт с инопланетной жизнью гарантировал будущее всего Гераклита!

Тёрлоу бродил по рынку, расположенному в центре посёлка. Прохаживаясь мимо ларьков с сувенирами, едой, и одеждой, он пытался прочувствовать культуру, в которую его занесло. Что это было, разваливающиеся остатки цивилизации, построившей это огромное сооружение, или же молодая цивилизация, развивающаяся среди остатков прошлых?

А затем он увидел его. Он был на дальнем краю рынка, рассматривал со свойственным ему любопытством какие-то безделушки в одном из ларьков.

Доктор.

Позвав его, Тёрлоу начал проталкиваться сквозь толпы покупателей, пытаясь не потерять светловолосую голову среди волнующегося моря рыжих волос. Но Доктор не обращал на него внимание, его, похоже, товар интересовал больше, чем спутник.

— Доктор! — крикнул он, когда был уже совсем рядом.

Повелитель времени обернулся и посмотрел на него взглядом, полным презрения.

— Откуда вы знаете это имя? — прошипел он.

— Что?

— Я отрёкся от него давным-давно, — продолжал Доктор. — После того, как понял, в чём состоят мои интересы. Кто вы такой?

Тёрлоу не мог поверить своим ушам. Было такое впечатление, что перед ним стоит кто-то абсолютно незнакомый. А затем он обратил внимание на одежду Доктора: бежевый фрак и джемпер для крикета пропали, вместо них было разноцветное пончо. Это Доктор, или какой-то местный,

чья внешность случайно была похожей? Но нет, он же узнал своё имя. Может быть, у Доктора амнезия?

— Я Тёрлоу, — ответил он. — Ваш спутник.

— Спутник? — высокомерно повторил человек. — Спутник? Мальчик мой, у Мудреца нет спутников.

— У Мудреца?

Вот так имечко. Оно просто не шло ему.

— Вот именно. А теперь уходите. Моя миссия тут исключительно деликатного характера, мне только дилетантов рядом не хватало. Кто вы такой? Ассистент на полевой работе? Если так, сообщите, кто ваш наставник. По возвращении домой, мне будет, что ему сказать.

Тёрлоу понял, что даже голос не был похож на голос Доктора. Интонация была надменная, самодовольная, без единого следа дружелюбия и сострадания, свойственных Доктору.

— Пожалуйста, — умолял он, — что происходит? И где ТАРДИС?

— Всё! — последовал ответ. — Хватит с меня уже этого. Дайте мне своё кольцо времени и назовите своего наставника. Я позабочусь о том, чтобы его вышвырнули из Академии за несоответствие занимаемой должности.

— Моё что? — Тёрлоу попятился назад.

Их спор уже начал привлекать внимание других людей.

— Ваше кольцо времени. И имя вашего наставника, — ответил тот холодно и резко. — Немедленно.

— Доктор, что с тобой случилось?

И тут в нескольких метрах от них послышалось какое-то движение. Тёрлоу обернулся, и увидел пробирающуюся сквозь толпу группу мужчин в белых куртках. В его сторону. На любой планете, в любую эпоху, такого рода люди — что-то

вроде охраны. Не те люди, которым хотел бы попасться Тёрлоу.

Он снова повернулся к Доктору, но тому было всё равно.

— Это ваши проблемы, мальчик. Ваш наставник должен был рассказать вам об этикете поведения на задании. При мне такого бы не случилось.

Он вынул маленький золотой диск и сжал его. И исчез.

Неожиданно кто-то схватил Тёрлоу за руку и утащил его в сторону от приближающейся охраны. Несколько секунд спустя он уже был за одним из прилавков, скрытый за занавесом. Сквозь щель в тяжёлой ткани он увидел, что охранники прошли мимо. Вздохнув, он повернулся к своему спасителю.

Худой мужчина, с рыжей козлиной бородкой и в оранжевом пончо, широко улыбался:

— Так же и попасться можно. Если бы вас схватила милиция, вам был бы конец. Верховный Жрец любит допрашивать незнакомцев.

— Спасибо. Я Тёрлоу.

Мужчина тепло пожал протянутую руку Тёрлоу.

— А я — Фэсл Калун. Добро пожаловать в Хотампу, Тёрлоу.

Калун выключил телевизор, а мысли Доктора продолжали переваривать услышанное. *Поток когерентной темпоральной энергии, который течёт от начала до конца времени.* Хотя это было и довольно примитивно по меркам временных технологий, этого было бы достаточно для того, чтобы привлечь внимание повелителей времени. Раса, разработавшая что-то в таком роде для того, чтобы грабить собственное

будущее. Вмешаться было бы делом чести для повелителей времени.

Не потому ли он очутился на Гераклите? Чтобы предотвратить активацию Сплайна, предотвратить загрязнение линий времени изобретением Уллия? Чтобы быть хорошим повелителем времени и исполнить свой долг?

— Расскажите мне о профессоре Уллие, — попросил он Калуна.

Прежде, чем вмешиваться в какую-то гадость, он хотел узнать, с чем именно он столкнулся.

Сидевший на другом краю дивана Калун пожал плечами:

— А что вы хотите узнать? Он изобрёл Сплайн; они с Послом начали его проектировать около десяти лет назад. Два года назад он представил эту идею Президиуму, и они выделили деньги. И с тех пор мы все работали не покладая рук над постройкой.

— И Сплайн делает именно то, что утверждает профессор? Он может достать до будущего?

Когда речь заходила о путешествиях во времени, шарлатанов всегда хватало.

— Да, однозначно, — с энтузиазмом ответил Калун. — Мы его уже шесть месяцев тестируем. Это действительно, как говорит профессор, наше спасение.

Расы, которые предпочитали присваивать плоды чужого труда, пускай даже и своих потомков, вместо того, чтобы решать свои проблемы более обычными методами, были обычным делом во Вселенной. Земная Империя была превосходным примером этого, такие планеты, как Солос были ограблены во имя блага человеческой аристократии. У Гераклита, надо признать, могли быть серьёзные проблемы, но это не давало им права брать кредит из собственного будущего.

— Как вы думаете, могу ли я посмотреть на Сплайн, мистер Калун? Мне очень интересны технологии времени.

Раз уж на Гераклите был один инопланетный посол, почему бы не быть ещё одному?

Калун нахмурился:

— Нужно будет попросить разрешение у профессора, Доктор. Завтра — день Включения, поэтому обстановка в Храме в последнее время напряжённая.

— В Храме?

— Так мы называем Центр Управления Сплайном. В шутку, разумеется.

Он грустно улыбнулся. Не такая уж это и шутка.

— Мне бы очень хотелось посмотреть.

— Вот что я вам скажу. Давайте прогуляемся к Храму; мне нужно через полчаса быть на работе. Если вы в состоянии идти, разумеется.

— Готов, мистер Калун, я уже готов, — он вскочил на ноги. — Ну что, идём?

В одном из домиков под гофрированной кровлей, Тёрлоу сидел на мягком диване и пил травяной напиток. Напротив него, улыбаясь, сидел Калун.

— Так откуда вы? — спросил он. Мистили? Понтахун? Вы ведь явно не местный.

Вы даже не представляете, насколько, — подумал Тёрлоу.

— Нет, я прибыл издалека.

— И как вам Хотампа?

— Недружелюбная, — рискнул Тёрлоу.

Он не хотел обижать своего спасителя, но арест за то, что ты не отсюда — не самая тёплая встреча.

— Верховный Жрец видит в Хотампе свой удел для вербовки служителей, и чаще всего эта роль выпадает чужакам. Так что же вас сюда привело? Явно ведь не репутация города?

Вариант «я прилетел на машине времени, которая тут же исчезла» рассматривать не стоило.

— Я пристал к каравану, — Тёрлоу видел пару похожих на быков животных, которые тащили из поселения повозку, и надеялся, что его ответ правдоподобен. — А какая у города репутация?

Калун надпил немного из стакана и вздохнул:

— Вымирающее сообщество, пытающееся перебиться тем, что вырастает на безжизненной почве, в то время как Верховный Жрец и его служители в Храме отъедают морды. Такое вот, вкратце, мнение в этих краях.

— В Храме? Это то большое здание? Оно не производило впечатление религиозного.

— Именно оно. Уже пять сотен лет, как мы умираем в его тени; кто-то покидает Хотампу в поисках лучшей жизни, кто-то умирает от голода или болезни, а кого-то «вербует» Верховный Жрец. Я думаю, что не пройдет и двух лет, как Хотампа превратится в брошенную кучу ржавеющего железа.

— А что находится в Храме?

— Сплайн, — сказал Калун. — Всемогуший, капризный, опасный... Из тех, кто его видел, никто не остался в живых, так что рассказывать некому. Но Уллий, Верховный Жрец, держит его в своей хватке. Сплайн слушается его: люди исчезают, посевы сохнут и умирают, и всё это из-за Верховного Жреца и его Сплайна.

— И поэтому вы боитесь против него восстать? Потому что боитесь какого-то загадочного бабая?

У Тёрлоу появилась идея; правда, его осторожность напоминала ему, что именно за такое бунтарство его в своё время сослали с Триона на Землю.

— Что? — спросил Калун.

— У общества в такой ситуации есть только два выхода: умереть или восстать. В Хотампе же явно нет никого, достаточно храброго, чтобы встать против этого Верховного Жреца.

Калун вскочил на ноги:

— Вы на что намекаете, Тёрлоу? Что мы все трусы?

— Ну, я тут, конечно же, недавно, но всё выглядит именно так.

Вот, это должно вызвать реакцию. Впрочем, Тёрлоу не подумал, что за такие слова его могут схватить за горло.

— Среди нас есть группа людей, которые не согласны сидеть и смотреть, как гибнет наше общество, — прорычал Калун. — Мы регулярно ходим на разведку в Храм, высматриваем слабые места, проходы. Мы можем потягаться с Верховным Жрецом.

Он отпустил Тёрлоу.

— И когда ближайшая разведка? — хрипя, спросил Тёрлоу. Калун улыбнулся:

— Сегодня ночью. Хотите присоединиться?

В сумерках Хотампа стала ещё более мрачной, если это было возможно. Мрачная, холодная, и пустая, словно скелет; освещённая слабым светом двух маленьких лун, который лишь изредка пробивался сквозь затянутое дымкой ночное небо.

— А откуда берётся энергия для Сплайна? — спросил Доктор у Калуна, когда они шли к Храму.

Он хотел воспользоваться природной открытостью Калуна, чтобы лучше войти в курс дела перед встречей с Уллием. «Предупреждён — значит вооружён» — разумный принцип, в чём Доктор убеждался много раз.

— От устройства под названием тахионный замедлитель. Слышали о таком?

Доктор, разумеется, знал, что это такое, и знал, что наличие этого устройства на Гераклите было так же невозможно, как и создание сплайна. Впрочем, это объясняло зелёное свечение — черенковское излучение. Покойный посол явно чертовски повлиял на нормальное развитие этой цивилизации, предоставив им технологии и оборудование, опережавшие на несколько веков то, что они были способны открыть сами. Впрочем, возможно, он действовал по принуждению; Доктор вспомнил, как бедного Эрато использовали на Хлорисе.

— Доводилось слышать. Полезная штука.

Свернув за угол, они оказались у больших мрачных ворот, по верху которых шла колючая проволока. Коренастый мужчина в коричневой униформе вышел из тени навстречу с протянутой рукой.

Вручив охраннику пропуск, Калун указал на Доктора:

— Со мной посетитель, Крус.

Сказав «угу», охранник открыл ворота.

Даже это не понравилось Доктору; жители Гераклита просто не отдавали себе отчёта в том, насколько важен Сплайн, если позволяли заходить посетителям на основании слов рядовых сотрудников. Если бы сонтаране решили их атаковать — а они бы с радостью заменили свои неэффективные осмотические проекторы на Сплайн — они бы даже вспотели. Впрочем, сонтаране и не могли потеть.

После непродолжительного пути по невзрачной местности Доктор и Калун зашли в сам Храм. Монотонность серой каменной стены нарушал тоннель, освещённый изнутри редко расположенными лампами. Отсутствие там охраны уже не вызывало удивление.

— Моё рабочее место на четырнадцатом этаже, — сказал Калун, когда они зашли в тоннель. — Реле тахионно-хрононного потока, — добавил он.

Открытую натуру этого человека Доктор мог объяснить лишь восторгом от того, что Доктор прибыл с другой планеты; если близость Уллия к этому «Послу» сделала его спасителем Гераклита, то вдруг похожая судьба ждёт также и Фэсла Калуна?

— А у Уллия?

Они подошли к лифту, и Калун вставил в щель свою карточку.

— Профессор на самом верху; его кабинет возле самого помещения Сплайна.

Понятное дело, — подумал Доктор. Безумные учёные всегда обожали иметь возможность торжествовать по поводу своих предстоящих триумфов в окружении своих последних изобретений. А судя по тем фактам, которые ему пока что удалось узнать — загадочная гибель разбирающегося в технологиях пришельца, грубое пренебрежение законами причинно-следственных связей — Уллий, возможно, почувствовал бы себя своим человеком рядом с Давросом, Грилом и Уиттэкером.

Пока они ждали лифт, Доктор размышлял над тем, как ему поступить. Чем больше он узнавал о Сплайне, тем сильнее убеждался, что Уллия нужно остановить. Это было путешествие во времени, целью которого была нажива —

прямое нарушение кодекса повелителей времени. И хотя Уллий, возможно, никогда и не слышал о повелителях времени, такое нарушение не мог проигнорировать даже такой бывший галлифреец как Доктор.

Как сказала бы Тиган, пора надеть ежовые рукавицы.

С наступлением темноты Хотампа навевала ещё большую депрессию. К Тёрлоу и Калуну присоединились ещё восемь человек. Все они были одеты в чёрное, на лицах были намотаны чёрные шарфы, из-под которых выглядывали только глаза.

— Мы изучаем степень защиты свалки, — объяснил Калун. — Возможно, через неё мы попадём вовнутрь быстрее, чем нас заметит милиция.

— А что это за свалка? — спросил Тёрлоу, и все тут же посмотрели на него.

Ему не в первой было быть аутсайдером.

— Свалка, она и есть свалка, — сказал Крус, ещё один член отряда. — Когда являются дары Сплайна, они не всегда полезны. То, что жрецам не нужно, выбрасывают на свалку.

Калун объяснил про дары. Внутри храма, оказывается, материализовывались разные вещи: еда, одежда, и другие вещи, которые Верховный Жрец считал неважными. Еда и одежда использовались для того, чтобы содержать рядовых жрецов, а остальное выбрасывалось. Для Тёрлоу это звучало довольно обыденно — телепорты использовались на всех цивилизованных планетах. Но для примитивной расы на Гераклите это казалось чудом.

До свалки они шли около получаса. Они обошли Храм слева по большой дуге, зайдя за него метров на пятьсот, а затем развернулись и пошли обратно. В тусклом свете двух лун

блестел двадцатиметровый курган. А ещё через десять метров от кургана ясное небо было заслонено Храмом.

Увидев свалку, Тёрлоу был просто поражён. После описания Калуна он подумал, что это куча мусора. В реальности же всё было совсем не так. Там были книги, мебель, научные приборы, и другие предметы, которые могли бы оказаться гораздо полезнее. Плазменные ружья, лазерные пистолеты, стазеры — среди прочих вещей присутствовал целый арсенал высоко-технологического оружия. Тёрлоу аккуратно вынул из-под пластикового стула разрушитель вещества.

— Вы хоть представляете себе, что это такое? — спросил он тихо, помня, что где-то рядом бродит милиция.

— Фигня какая-то, — пробормотал Тубос. — Какая разница, от неё всё равно никакого толку. Иначе бы жрецы её не выбросили.

— Да ну? — Тёрлоу направил оружие на песок под ногами Тубоса и нажал на курок. Вырвавшийся луч пурпурного света ударил в землю и превратил её в гладкий обсидиан. — Не такая уж и фигня, а?

Калун подошёл ближе.

— Что это? Колдовство?

— Луч фотонов высокой энергии с добавкой анти-кварков. С таким оружием мы сможем пройти вовнутрь без проблем.

Затем, сообразив, как кровожадно это звучало, Тёрлоу взял из кучи другое оружие.

— Но вот этот нейронный станнер просто усыпит милицию.

Калун посмотрел на Тёрлоу:

— И сколько ещё таких станнеров ты можешь найти?

Тёрлоу обошёл всю свалку, но на поверхности смог найти всего лишь три станнера. Если не считать за оружие пластиковые стулья и ружья, имевшие только настройку на поражение, придётся довольствоваться этим. Но откуда Сплайн приносил эти вещи?

Раздав станнеры — Калун взял один сам и знаком показал дать по одному Эстрибусу и Крису — Тёрлоу посмотрел на то, что было за свалкой. Монотонность серой каменной стены Храма нарушал тоннель, освещённый внутри редко расположенными лампами.

— И это вход? Не слишком ли он приметный?

Калун ответил:

— Милиция уверена в своём превосходстве, Тёрлоу. Но с этим, — он поднял станнер, — у нас есть преимущество.

— Это просто... изумительно, — сказал Доктор.

И так оно и было.

Когда они пришли к рабочему месту Калуна — всего лишь стол и компьютер в неубранном кабинете — они обнаружили, что Уллий так занят, что никого не принимает. Калун не стал говорить своему начальнику о том, что Доктор — пришелец. Это потому, что Калун хотел оставить всю славу для себя, или же он боялся, что Доктора постигнет та же судьба, что и посла?

Калун повёл его прямо в помещение Сплайна. Помещение было квадратным, шириной около двадцати метров; стены, пол, и потолок были из бирюзового металла. Вдоль стен стояли стеллажи со сложными приборами, а также металлические пульта управления. В точности, как показывали в телепередаче. Однако телевидение не полностью отобразило центр помещения, который был наиболее впечатляющим: отверстие в полу диаметром около трёх метров, окружённое

металлическими перилами на уровне груди. Сквозь отверстие струился луч сверкающего зелёного света, отбрасывая своим мерцанием блики по всему помещению, а затем он уходил в такое же отверстие в потолке. Предположительно, это была тау-мезонная несущая волна; при активации Сплайна мнимые хрононы с обратным спином наполнят этот луч, и усилившееся черенковское излучение сделает зелёный цвет более ярким. Безвредное излучение от того, что само безвредным не было.

Доктор вздохнул: это не было ни неловкой попыткой путешествия во времени, ни наспех слепленным нагромождением едва придуманных теорий и приборов. Сплайн был продуманной моделью эффективной машины времени, впечатлившей даже Доктора. Кем бы ни был Посол, он должен был очень хорошо разбираться в темпоральной механике; Сплайн сильно превосходил временные черпаки, создаваемые ранними повелителями времени. Да уж... Но что-то привлекло внимание Доктора, и он подошёл поближе.

И замер.

Высокий тонкий блок, стоявший в одном из углов, был ничем иным, как хельмическим регулятором, стабилизирующим устройством, необходимым для работы всех ТАРДИС, идеальным средством стабилизации луча хрононов, проникающего в вихрь времени. Такие познания Посол мог получить только во время детального осмотра ТАРДИС, а очень мало кто из повелителей времени стал показывать свой корабль. Мастер и Рани не были известны гостеприимством, а что касается ТАРДИС Дракса, то Доктор сомневался, что в ней вообще были хельмические регуляторы. Оставалась всего одна возможность, и она Доктору не нравилась. Но внезапный крик сзади отвлёк его от размышлений и заставил обернуться.

— Кто вы такой и как вы сюда попали?

В дверях стоял профессор Уллий. И его вид нельзя было назвать радостным.

До конца тоннеля они дошли без происшествий, но это Калуна не удивило; он всегда подозревал, что слухи о неприступности Храма были именно слухами, которые милиция распространяла, чтобы отпугнуть людей.

— Куда теперь? — спросил Тёрлоу.

Калун уже понял, что этот парень обладал странной смесью трусости и храбрости. Он надеялся, что сегодня второе пересилит первое.

— Вон там, похоже, дверь есть. Тёрлоу посмотрел вдоль коридора и увидел прямоугольную впадину.

— Божественная воля Сплайна отправляет тех, кто находится внутри, отсюда в святая святых.

— Божественная воля? — цинично переспросил Тёрлоу. Он подошёл к прямоугольнику и прикоснулся к стене; двери тут же разъехались в стороны. — Это лифт.

— Лифт?

— Механическое устройство, Калун. Будка, которую поднимают лебёдкой по шахте. Боюсь, без божественных сил.

Ответ Калуна заглушил крик Тубоса, упавшего на пол с торчащим из груди арбалетным болтом. Арбалеты — штатное оружие милиции.

— Ни с места! — рявкнул из темноты голос.

— Пускайте в ход станнеры! — крикнул Тёрлоу.

Он направил свой станнер на атакующих, но Крус выбил его у него из руки. А затем вынул нож.

— Ты что творишь? — крикнул Калун.

— Всё кончено. Мы ждали, когда вы что-нибудь сделаете, чтобы выявить всех еретиков. И вот мы дождались, — когда из

темноты вышла милиция и повязала остальных, Крус улыбался. — Вы станете уроком для тех жителей Хотампы, кто порочит славу Сплайна и его Верховного Жреца.

А затем Калуна увели, заведя руки за спину. Он успел лишь сказать Крусу:

— Сгори в аду, ублюдок!

— Вы, должно быть, профессор Уллий, — заявил незнакомец, протягивая руку. — Я Доктор.

Уллий не подал руки.

— Доктор чего?

За несколько часов до включения Сплайна ему не хватало только незнакомцев, околачивающихся возле самого Сплайна. Он бросил взгляд на Калуна; как только Сплайн заработает, и у Уллия появится свободное время, нужно будет сделать выговор этому младшему технику по поводу посторонних на объекте.

— Учитывая текущие обстоятельства, начнём с темпоральной физики, — Доктор раскрыл руки, указывая на помещение. — Это всё очень впечатляет, профессор. Не расскажите мне, откуда у вас взялась эта идея?

До включения считанные часы, а его всё ещё осаждают журналисты.

— Техник Калун проводит вас обратно до приёмной и вручит вам распечатку заявления для прессы, Доктор. В данный момент я очень занят; до запуска Сплайна осталось меньше шести часов.

— Думаю, не стоит это делать, профессор. Это устройство, если его включить, может привести к печальным последствиям; даже к катастрофическим. Время — это не славный океан, в котором можно плыть куда пожелаешь; есть определённые...

соображения, — Доктор явно начинал злиться. — Вы прислушаетесь к моим доводам, или нет?!

Уллий засмеялся.

— Доводам? Наспех выдуманный бред, а не доводы. Я знаю каждый контур Сплайна, Доктор; он абсолютно безвреден.

— В том, что касается времени, вы не тот, кто может что-либо гарантировать, Уллий. Вы играете с...

— Силами за пределами моего понимания?

Сколько раз ему уже это говорили?

— Да по какому праву вы мне лекции читаете?

Доктор шагнул вперёд.

— По праву лорда Президента повелителей времени. Мы не можем допустить это кустарничество.

— Повелители времени? — Уллий нахмурился, вспоминая.

Посол Ц'рил часто говорил о них: почти всемогущие существа, следящие за потоком времени, путешествующие на судах, называемыми...

— Докажите это, Доктор. Покажите мне вашу ТАРДИС.

Покачав головой, Доктор ударил кулаком по металлическим перилам, окружавшим Сплайн.

— Моя ТАРДИС смещена во времени, и я не могу избавиться от мысли, что это произошло из-за вашего драгоценного Сплайна.

— Но Сплайн ещё даже не включен! — возразил Уллий.

— Там, где имеет место перемещение во времени, причинно-следственные связи могут вести себя необычно.

Это постоянное нытьё Доктора начало уже надоедать. Это было всё то же лицемерное отношение, которое довело Посла до несчастного случая; как жаль, что главную плату смещения хельмического регулятора закоротило как раз тогда, когда с ней

работал Ц'рил. Уллий не позволит никому стоять на пути будущего его народа.

— Идите сюда, — велел он Доктору. — Если уж это вам не докажет безопасность Сплайна, то остальное и подавно бесполезно!

Статусная панель показывала каждый нюанс работы Сплайна, начиная от подачи питания и заканчивая тоннелем через сам Временной Вихрь. Уллий коснулся пальцами сенсорных органов управления, и показал изображение несущей волны тау-мезонов.

— Вот, пожалуйста. Абсолютно безопасный, абсолютно безвредный способ путешествия во времени. Луч когерентного времени, протянувшийся, как говорится в пресс-релизе, от самого начала времён, до самого конца.

— Да что вы говорите? — сказал Доктор и оттолкнул Уллия от пульта управления.

Несколько секунд он нажимал на органы управления, а затем отошёл.

— Тогда как вы объясните это? — он ткнул пальцем в экран.

Доктор увеличил угол обзора, отобразив гораздо бóльшую часть Временного Вихря.

Тонкая белая линия несущей волны простиралась вперёд и назад от текущего времени Гераклита... но только на два года в обе стороны. Гераклит был окружён сферой... чего-то... чего-то, урезавшего Сплайн от вечности до четырёх лет. Откуда оно, чёрт возьми, взялось? А затем Уллий сообразил, что он не проводил проверку уже несколько недель, этого было более чем достаточно для того, чтобы эти высокомерные повелители времени могли кастрировать его изобретение.

— Что это? — спросил он у Доктора хриплым голосом.

Так называемый Доктор снова набрал что-то на клавиатуре, показав немного другое изображение. Он застонал:

— Это временная петля. Причём, сделанная повелителями времени. Тогда зачем тут я? — он схватился пальцами за переносицу. — Что-то здесь не так. Что-то совсем не так.

— Это вы *мне* говорите?! — прорычал Уллий. — Вы приходите сюда, распространяетесь о вмешательство во время и о том, как опасен Сплайн для Вселенной, а тем временем ваши подданные повелители времени уже позаботились о том, что Сплайн в любом случае не заработает.

Доктор попытался успокоить его:

— Заверяю вас, профессор, меня эта временная петля беспокоит так же, как и вас. Может быть, вы мне поможете?

Это всё. Это была последняя капля. Оттолкнув Доктора в сторону, Уллий подошёл к главному пульту управления, плоской поверхности с единственной кнопкой — ярко-красной кнопкой включения. — Возможно, ваши повелители времени не так всемогущи, как вам бы того хотелось, Доктор. Посмотрим, хватит ли у вашей петли силы удержать Сплайн на полной мощности.

Он ударил по кнопке.

В тот же миг колонна света изменила цвет — из генератора в подвале вверх устремились мнимые хрононы с обращённым спином, готовые проникнуть в Вихрь Времени, и испытать повелителей времени и их чёртову петлю.

Но начальное значение потока хрононов было лишь в четверть максимального значения; потянувшись к другой панели, Уллий резко повернул ручку регулировки.

В считанные секунды колонна стала почти чёрной от темпоральной энергии.

— Уллий! — закричал Доктор, пытаясь перекрыть наполнивший помещение оглушительный гул. — Вы понятия не имеете, к чему это может привести. Обратная связь может оказаться катастрофической!

Уллий покачал головой:

— Я построил Сплайн для того, чтобы спасти эту планету, Доктор. Если Гераклиту суждено умереть, пускай он лучше умрёт от моей руки, чем иссохнет в мучениях из-за вас.

— Так этот Калун и есть тот бунтовщик? — тихо сказал Верховный Жрец.

Он сидел на высоком троне перед колонной искрящегося зелёного света, пускающего зайчики по бирюзовым стенам.

— Зачем ты спрашиваешь об этом, Уллий? — дерзко ответил тот. — Да и вообще, зачем тратишь время на допрос? Я уверен, что твой прихвостень Крус всё тебе уже рассказал.

— Да, рассказал, — Уллий посмотрел на Тёрлоу, и взял в руки один из станнеров. — Покажи мне, как это работает, или я велю убить Калуна. И поверь мне, Сплайн может высасывать из человека жизнь гораздо дольше, чем ты думаешь.

Тёрлоу презрительно усмехнулся:

— Да, могу себе представить. Судя по тому, что я тут вижу, Сплайн это довольно продвинутое устройство транспортировки во времени. В этом источник твоей власти, Уллий? Воруюшь в других эпохах пищу? С помощью этого устройства ты мог бы перестроить всю планету, сделать Гераклит снова плодородным. Но вместо этого ты тратишь его на то, чтобы удовлетворять своих жрецов и держать под контролем местных жителей. Вокруг вас такие технологии, а вас только станнер интересует?

Верховный Жрец нахмурился. Калун не сомневался, что Уллий не понял ни единого слова из того, что сказал Тёрлоу. А будучи узколобым предводителем узколобой религии, он прореагировал предсказуемо. Пропустил всё это мимо ушей.

— Повторяю вопрос: как это работает?

Презрительная ухмылка Тёрлоу превратилась в улыбку, и Калун захотел узнать, что он задумал. На его взгляд выбор был не очень богатый, учитывая окруживших их шестерых охранников.

— Три раза нажмите на первую кнопку; так он заряжается. Уллий так и сделал, и радостно улыбнулся, как ребёнок, когда оружие загудело.

— Когда наведёте, нажмите на вторую кнопку, чтобы выстрелить.

Уллий встал с трона и повернулся. Он поднял станнер, навёл его на стену, где был лишь бирюзовый металл. Его палец потянулся к кнопке... Охранники засмотрелись; воспользовавшись этим, Тёрлоу толкнул руку Уллия. Луч испепеляющего белого огня попал не туда, куда его направлял Жрец... Он прожёл насквозь светящуюся колонну и ударил по аппаратуре у дальней стены. Корпуса взорвались, разлетевшись во все стороны горящими кусками. Но это было только начало. Колонна начала мерцать и в то же время свет в помещении начал угасать.

— Что ты наделал?! — закричал Уллий. — Охрана! Убить их обоих!

Но у охранников не было времени на то, чтобы что-то сделать. Колонна превратилась в светящуюся башню холодного огня, выбелившего комнату, заставившего всех прикрыть глаза. В тот же миг раздался жуткий крик, вопль боли, который, казалось, исходил от самой колонны.

Калун сглотнул. Это что, и есть та самая божественная кара, которую так долго обещал Уллий? Это была последняя мысль Калуна — его тело растворилось в огне и льде.

— Идиот! — крикнул Доктор, лихорадочно нажимая кнопки и дёргая рычаги, бегая от пульта к пульту. — Если я не смогу его выключить, вы можете прорвать Вихрь Времени.

Но на Уллия просьбы Доктора не действовали. Он стоял спиной к хрононному лучу, со спокойным лицом сложив руки.

— Делайте, что хотите, Доктор. Я не буду пытаться остановить вас.

Калун отошёл от луча хрононов, который уже превратился в непостижимую чёрную колонну, которая словно засасывала души. Рёв стал таким сильным, что он ощущал его ногами сквозь подошвы.

— Плохо дело, — бормотал Доктор. — Начальная обратная связь временной петли закоротила контур управления. Единственный выход — отключить тахионные генераторы. Калун, вы сможете это сделать?

Услышав своё имя, Калун дёрнулся и на секунду замер. А затем кивнул:

— Сейчас займусь.

Но он не успел дойти до двери. Чернота луча внезапно расширилась, её тёмная субстанция начала расползаться чёрными щупальцами во все стороны, ощупывая стены, пол, потолок, словно была живая.

— Уходите отсюда! — заорал Доктор, уворачиваясь от щупальца темноты, поглотившего пульт, за которым он работал. — Быстро, оба уходите!

Калун попытался, но не смог. К его ужасу, он увидел, что обе его ступни припечатала к полу лужа жидкой черноты. На

его глазах она потекла вверх по его телу, парализуя его по мере своего продвижения. Он позвал на помощь, но скоро понял, что он в помещении один; Доктор и Уллий уже пропали во тьме.

Скоро пропал и он.

Тёрлоу осторожно приоткрыл глаза. Ослепительного света уже не было. Впрочем, не было и центра управления. Он находился в просторном научном комплексе, с такими продвинутыми технологиями, которые могли бы сравниться с самой ТАРДИС. В дальнем конце огромного помещения, внутри гранённого хрустального цилиндра была значительно бóльшая версия энергетической колонны.

И Тёрлоу был там не один. Там было больше ста человек, включая обнадёживающую фигуру Доктора. Тёрлоу подбежал к нему, но улыбка быстро сошла с его лица, когда он понял, что это не Доктор.

Это был Мудрец.

— Опять вы, — недовольно сказал повелитель времени. — И это всё, я так понимаю, из-за ваших некомпетентных действий? Когда я вернусь на Галлифрей, я организую полный пересмотр академических стандартов...

— Тёрлоу?

Обернувшись на знакомый голос, Тёрлоу оказался лицом к лицу с настоящим Доктором. Как он надеялся.

— Ты жив, — запыхавшись, сказал Доктор. Затем недовольно посмотрел на Мудреца. — Впрочем, твой выбор друзей меня не сильно радует.

— Ты не можешь объяснить мне, что происходит? Где мы?

— Мы всё ещё на Гераклите, — объяснил Доктор, уводя Тёрлоу от Мудреца. — Вернее, на одном из Гераклитов.

Похоже, их тут очень много, не находишь? — он обвёл руками комплекс.

Тёрлоу на секунду нахмурился, а затем понял, что все люди в комплексе были Калуны, Уллии, Доктора, и Тёрлоу. Одеты они были по-разному, но все были вариациями на четыре знакомые темы.

— Параллельные вселенные?

— Не совсем. Я уже начал строить гипотезу перед тем, как Сплайн был перегружен, но оборудование в той реальности было слабоватым. А вот это место кажется подходящим.

Сказав это, он пошёл к большому столу, бирюзовая поверхность которого была покрыта узором из тёмно-синих линий, похожих на печатную плату. Тёрлоу рассказал ему о своих похождениях в его версии Гераклита.

— А что вы тут делаете? — раздался знакомый голос.

Позади них стоял Уллий. Но этот Уллий очень отличался от Верховного Жреца. Вместо жестокости и чванства на его лице было научное любопытство.

— Полагаю, вы как-то связаны с этим? — он обвёл рукой собравшуюся толпу.

— Профессор Уллий, — сказал Доктор, пожимая ему руку. — Я Доктор, а это Тёрлоу. Остальные... думаю, вы сами их узнаете. Боюсь, что имела место неполадка Сплайна. Я повелитель времени и прибыл сюда, чтобы всё исправить.

— Повелители времени? — усмехнулся Уллий. — Посол говорил о них, — он грустно улыбнулся. — Как жаль, что он погиб до завершения Сплайна, он бы так им гордился. А впрочем, откуда лорку было знать, что загрязнение Гераклита вызовет у него рак?

— Лорк? — нахмурился Доктор. — Невысокий, похожий на плюшевого мишку с четырьмя руками?

Уллий кивнул.

— Не знал, что они разработали темпоральные технологии, — он потёр руки и улыбнулся: — Кто знает, может быть, кто-то оставил машину времени в одном из их кораблей-хранилищ. Как бы там ни было, очень приятно с вами познакомиться. Быть может, нам удастся всё исправить.

Пальцы Доктора бегали по поверхности стола, и в такт им раздавался писк. Спустя несколько минут сосредоточенной работы он поднял глаза.

— О боже. Это совсем не то, что я думал, — он сложил пальцы домиком. — Профессор, то, что я вам сейчас скажу, может оказаться весьма печальным; прошу простить за это. Понимаете, это всё связано с повелителями времени...

Когда Доктор начал свой рассказ, Тёрлоу увидел, что лицо Уллия бледнеет, искра надежды угасает. Что же, этот рассказ нельзя было назвать оптимистичным.

Целую минуту после того, как Доктор закончил, Уллий молчал, переваривая услышанное. А затем он заговорил, его голос был сухой и резкий.

— Четыре года? Мы обречены провести вечность переживая вновь и вновь четыре года? — Уллий, казалось, был готов расплакаться. — Вся моя работа, всё это было напрасно.

А затем он нахмурился:

— А как это объясняет всех этих людей?

Доктор развёл над столом руками:

— Как я уже сказал, повелители времени допустили ошибку. По-видимому, поверхность петли времени не гладкая; как зеркало с кривизной, она отражает с искажениями. За столетия, прошедшие со времени создания петли, ваша планета много раз достигала конца отведенных четырёх лет, а затем отскакивала обратно, так сказать, под небольшим углом. В

результате получалась ещё одна, параллельная версия Гераклита. И каждое отражение всё сильнее и сильнее отклонялось от оригинала.

Он обвёл руками весь комплекс.

— События в тех реальностях, в которые попали я и Тёрлоу (и, по-видимому, в реальностях этих остальных людей) должно быть, на мгновение сломали барьеры между вселенными и выбросили нас сюда. Вообще-то, на барьерах должно быть полно тонких мест; это сквозь них поступали твои подношения, Тёрлоу. Всякий хлам, пересекающий границы.

— Но если повелители времени приняли меры до того, как на Гераклите разработали путешествия во времени, то как вообще был построен Сплайн? — спросил Тёрлоу.

Доктор пожал плечами:

— Вот это вопрос, на который я бы хотел узнать ответ. Тут ещё происходит ещё что-то... Я чувствую это.

Их внимание привлёк шум в дальней стороне комплекса. «Мудрая» версия Доктора спорила с одним из Уллиев.

— Проблемы, — пробормотал Тёрлоу, спеша к ним.

А затем он понял ещё одну проблему. Откуда, чёрт возьми, взялся Мудрец? Если Гераклит был запечатан во временном пузыре, все его альтернативные версии, то как сюда попал Доктор из параллельного Галлифрея?

Мудрец пытался добраться до другого пульта, но один из Уллиев, одетый в серебристый костюм, пытался ему помешать.

— Посол-лорк утверждал, что такие настройки перегружат системы! — кричал он.

— Прочь с дороги, имбецил! Я легко могу всё исправить.

Оттолкнув этого Уллия, Мудрец начал работать с панелью управления. Тёрлоу помог встать упавшему Уллию.

— Спасибо. Но он не понимает, что делает; Посол совершил самоубийство, когда узнал о последствиях своего открытия. Этот человек сошёл с ума, если собирается это сделать!

— Нет! — возразил Мудрецу Доктор. — Вы не знаете всей картины. Тут есть стороннее вмешательство. Без учёта всех фактов вы своими действиями можете вызвать катастрофу.

— Ерунда, — ответил Мудрец. — Переподключив подсистемы, я могу сделать из Сплайна интерстициальный передатчик вещества.

— Ну конечно! Как я сразу не понял! — воскликнул Доктор, глядя на луч хрононов. — Сплайн не настоящий!

Даже Мудрец замер от такого откровения.

— Вся сложившаяся ситуация — нестабильная фантазия. Сплайн — это всего лишь отражение другой машины времени, запертой в петле и неспособной убежать.

— Другой машины времени? — прошептал Тёрлоу. — Хочешь сказать...

Доктор угрюмо кивнул:

— ТАРДИС. Вот почему технологии казались такими знакомыми. ТАРДИС попала в петлю, её отражало туда-сюда, поэтому её технологии появились в каждой последующей реальности. Он постучал пальцем по носу. — Мы, должно быть, несколько раз пересекли петлю времени, не замечая её! На Гераклите не разработали путешествия во времени — их дала им ТАРДИС. Их дал им я.

— Полная чушь! — Мудрец продолжил возиться за столом.

— Послушайте меня! — настаивал Доктор. — Единственный способ вырваться из этой петли — найти ТАРДИС; это самое первое, что нужно сделать.

Но было поздно. Мудрец выпрямился и указал на поток хрононов, пульсировавший с постоянным периодом.

— Вот видите? Я с чем угодно могу справиться.

Раздавшийся позади них взрыв был неожиданностью для всех. Когда Тёрлоу обернулся, он увидел, что загорелся пульт управления у дальней стены. Всё начало повторяться, — понял он, и честно признался (себе самому), что он ужасно испуган.

— Вы вывели петлю из равновесия! — воскликнул Доктор. — Реальности схлопываются одна в другую!

Он протолкнулся мимо Мудреца и начал лихорадочно работать с пультом.

— Несмотря на ваше несносное высокомерие, вы были на правильном пути. Если мне удастся найти временную сигнатуру ТАРДИС, я смогу перенести нас в ту реальность. ТАРДИС приземлится в изначальном Гераклите, и та реальность будет сохранена. Вообще-то, только она и останется, — он на секунду остановился, чтобы посмотреть на беспорядочное мерцание потока хрононов. — Если я успею.

— Давайте, я помогу, — виноватым голосом сказал Мудрец. — Вы позволите?

— Одна голова хорошо, а две — лучше, — пробормотал Доктор. — Попробуйте найти ТАРДИС, а я открою барьеры размерностей.

Тёрлоу посмотрел на колонну света у них за спиной. Казалось, что с каждым мерцанием она расширяется, грозя сломать свою хрустальную тюрьму.

— Нашёл! — крикнул Мудрец. — Открывайте барьер!

Доктор лихо нажал несколько кнопок:

— Вот так! — в большой кубической полости в одной из стен загорелся свет. — Все бегом в передатчик!

Толпа Калунов, Уллиев, Докторов, и Тёрлоу зашла в тесное пространство и исчезла, когда комплекс сотрясла серия взрывов. Когда Тёрлоу заходил в передатчик, он оглянулся на поток хрононов, но тот слепил глаза.

Чувствуя, как его тело теряет плотность, Тёрлоу надеялся на то, что их ждала ТАРДИС.

Свет оранжевого солнца был почти таким же ярким, как поток хрононов. Тёрлоу и Доктор стояли на зелёном песке посреди сухой пустыни, которую когда-то им показали сканеры ТАРДИС.

Увидев в ста метрах от них ТАРДИС, Тёрлоу широко улыбнулся, но его улыбка пропала, когда он сообразил, что кроме него и Доктора рядом никого не было. Не было даже и следа тех сотен людей, которые отправлялись вместе с ними.

— Доктор?

Но повелитель времени ничего не сказал. Он побрёл по песку к ТАРДИС, на ходу вынимая из кармана ключ от её дверей.

Когда ТАРДИС начала дематериализовываться, а временной ротор с хриплым рёвом поднимался и опускался, Доктор внимательно изучал один из мониторов на консоли. Он вздохнул.

— Как я и говорил, вмешательство Мудреца разрушило петлю. Всё, что от неё осталось, подаёт все признаки превращения во впечатляющий временной разлом. Достойный памятник жителям Гераклита, — с горечью добавил он. Дальше повелители времени пускай сами разбираются, — его лицо помрачнело от неожиданно появившейся мысли. — Если только они уже не разобрались, — пробормотал он. — Если я уже сам не разобрался. Кажется, я вспомнил...

— Что? — не терпелось Тёрлоу.

Доктор покачал головой:

— Ничего, — сказал он. — На мгновение у меня возникло странное ощущение дежа вю.

— Почему остальные не спаслись? — тихо спросил Тёрлоу.

Когда Доктор поднял глаза, в них была безнадёжная пустота.

— Они были не настоящие, Тёрлоу. Они все были трёхмерными иллюзиями, созданными комбинацией петли и ТАРДИС. Пустыня, из которой мы только что улетели, это и есть Гераклит в том виде, каким он был бы без петли... Время исправило само себя, и в базе данных ТАРДИС появились сведения об этом. Вот что произошло на самом деле, — он ткнул пальцем в кнопку и отошёл. — Я только что их посмотрел. Кем бы ни был этот Посол, его попытка дать Гераклиту возможность путешествовать во времени обернулась катастрофой. Последний из Уллиев, похоже, был ближе других к правде: Посол умер естественной смертью до того, как была установлена петля времени, именно поэтому его не было ни в одном из параллельных измерений. Но его работа ускорила развал их цивилизации, и эта пустыня — всё, что от них осталось. Повелители времени могли и не вмешиваться, — грустно завершил он.

Тёрлоу вздохнул. Хотя Посла и не было, он всё равно был значимой фигурой в истории всех реальностей, его смерть варьировалась: то убийство, то самоубийство, то в результате естественных причин. Вот так эпитафия.

— Но вот одно я не могу понять. Зачем повелители времени послали нас на Гераклит, если они уже приняли меры? Или они узнали, что петля с дефектом?

Доктор покачал головой:

— О нет, Тёрлоу, мы появились на Гераклите не из-за повелителей времени.

Тёрлоу не понял.

— А из-за кого?

Доктор опустил голову.

— Из-за нас, Тёрлоу. Петля нарушила законы причинности; мы были в петле ещё до того, как прибыли туда. То, что мы тогда слышали — это ТАРДИС умоляла саму себя о помощи, — он отошёл от консоли. — Но кое-что я извлёк из этого опыта. Покинуть Галлифрей было для меня правильным решением.

Доктор вышел из отсека управления, а Тёрлоу размышлял над его словами. Не сказал ли это Доктор из-за того, что сделали на Гераклите другие повелители времени? Или же дело было в Мудреце, личности, явно вынудой телепатическими контурами ТАРДИС из потаённых страхов Доктора?

Как бы там ни было, Тёрлоу не меньше Доктора был рад тому, что тот покинул Галлифрей. Даже несмотря на то, что Доктор бывал немного ворчлив.

Иногда.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Профессор Кэнди

(продиктовано Стивену Моффату)

Разумеется, Доктор знает, что мы начеку. И когда, как это много раз уже бывало, некая культура выявляет его существование, основываясь на его многочисленных вмешательствах в их историю, Доктор задействует свой любимый «план эвакуации». Он просто переносится в прошлое и вводит себя в качестве вымышленного персонажа в популярные мифы этой планеты. В результате этого теперь миллионы рас по всей вселенной следят за его приключениями в той или иной форме, даже не подозревая об их критической важности. Естественно, становится практически невозможно объяснить разумным спорам деревьев Ксандара-6, что герой их популярных еженедельных нацарапанных на коре надписей является реальным и опасным явлением — они слишком заняты высмеиванием космических кораблей и жалобами на примитивность иллюстраций.

Но зачем я вам об этом рассказываю? Купив эту книгу, вы уже приняли участие в аккуратном стирании Доктором себя из истории. По правде говоря, я вовсе не к вам обращаюсь.

Доктор, я знаю, что вы это читаете. Это уже не смешно, верните меня домой!

Профессор Артур Кэнди

Бирмингем,

1996 г.

ОБ АВТОРАХ

ПИТЕР ЭДЖИЛИДИС является автором большого числа публикаций, включая «Starburst», «QuarterBack», и «The Listener». Его предыдущие сочинения, связанные с «Доктор Кто», включают статьи в журнале «Doctor Who Magazine», непричёсанное появление на телепередаче Би-Би-Си «Did You See...?», и участие в редактировании справочника «IN*VISION». Он работает в отделе документации и локализации большой компьютерной компании в Хэмпшире, где он и проживает с маленьким сыном и женой Энн Саммерфилд (красавица старшая сестра Бенни). Он обожает писать о себе от третьего лица и потратил на написание этой самодовольной автобиографии больше времени, чем на сам рассказ.

СТИВЕН БАУКЕТТ родился и вырос в Южном Уэльсе. Он начал писать когда ему было тринадцать лет, вскоре после первого выхода «Доктор Кто» на телеэкраны. Большая часть его ранних сочинений публиковалась в таких журналах как «Capitol», «Arc of Infinity», «Axos», «Gallifrey», «Frontier Worlds», «Moonbase» and «Spearhead From Space». Его последние опубликованные работы включают в себя поэзию, научную фантастику, фэнтези, и «ужастики» для детей и подростков, а также, под псевдонимом Бен Лич, «ужастиков» для взрослых. Сейчас, после двадцати лет преподавания английского языка, Стив работает писателем и гипнотерапевтом. Он живёт возле Лестера.

КОЛИНУ БРЭЙКУ 34 года и он не очень высок. Колин несколько лет работал редактором сценариев в драматическом отделении Би-Би-Си, и очень надеялся стать наследником Эндрю Картмела в «Доктор Кто». В 1989 году Би-Би-Си положило конец его амбициям, закрыв телесериал.

В качестве писателя-фрилансера Колин писал сценарии для «EastEnders» и «BUGS» («Электронные жучки»), и книгу «EastEnders — Первые 10 лет». Он живёт с женой Керри, которая понемногу учится любить «Доктор Кто».

ГАЙ КЛЭППЕРТОН писал для нескольких лёгких развлекательных программ на радио и телевидении. Он давний поклонник «Доктор Кто» и был рад подключиться и написать что-нибудь, особенно после того, как остальные пятнадцать его предложений были отвергнуты редакторами. Он женат на двух кошках.

КИТ ДеКАНДИДО впервые увидел «Доктор Кто» в очень юном возрасте, когда, смотря у себя в комнате маленький чёрно-белый телевизор, наткнулся на вторую часть «Ужаса Фэнг Рок». С тех пор он большой фанат. Его мечтой было увидеть историю, в которой Доктор разгуливает по его родному городу — Нью-Йорку. Представьте себе его удивление, когда он узнал, что ему нужно будет её написать самому. Его другие рассказы появлялись в «The Ultimate Spiderman», «The Ultimate Silver Surfer», и в «Magic: The Gathering anthology Distant Planes»; также он был одним из редакторов антологий «OtherWere», «The Ultimate Alien» и «The Ultimate Dragon», а также публикуемой в ближайшем будущем «Alligators in the Sewers: Tales of Urban Legends». Он по-прежнему живёт в Нью-Йорке, с женой и со всё большей

коллекцией книг, компакт-дисков, видеолент, чучел животных, и ударных инструментов.

КРЭГ ХИНТОН живёт в Лондоне и регулярно пишет для журналов «TV Zone» и «Cult Times». Когда он ничего не пишет, он оттягивает казнь мух, отрывая им крылышки. К его стыду, хотя он и учился в Уорвикском университете с обоими редакторами, ему всё равно пришлось дать им взятку, чтобы получить заказ на этот рассказ.

БЕН ДЖИПС в детстве мечтал вырасти и сыграть в «Доктор Кто» главную роль. Потом он отказался от этой идеи, потому что криноиды выглядели страшно даже на экране, а на съёмочной площадке они должны были быть в десять раз страшнее. Днём он работает в Оксфорде редактором разных научных журналов; ночью он становится писателем в жанре научной фантастики, некоторые его творения догнали популярности «Interzone». После продажи «Временехранилища» его взгляды на совместное написание об одном мире изменились.

ЭНДИ ЛЭЙН живёт тремя разными жизнями. С одной стороны, у него учёная степень по физике, и он работает в государственном учреждении. С другой стороны, он пишет материалы, связанные с телевидением: четыре повести «Доктор Кто», книга для Virgin по мотивам «BUGS» («Электронные жучки»), и множество статей для журналов «Star Trek Monthly» и «Star Wars Magazine». С третьей (венерианской) стороны, он является автором рассказов в жанрах научной фантастики и фэнтези в таких антологиях как «The Ultimate Witch», «The Ultimate Dragon», «Full Spectrum 5» и «The Ultimate X-Men», а

так же в британском журнале «Interzone». Он всё ещё ждёт обещанную взятку Крэга Хинтона.

ДЖЕКИ МАРШАЛЛ живёт в Норфолке и преподаёт в начальной школе. Она известна тем, что совместно с Вэл Даглас была продюсером фан-журналов «Космическая Крыса», «Королева Летучая Мышь», и «Крысиные истории». Этот рассказ был начат на обратной стороне больничного предписания для пациентов, которым удалили аппендикс, в то время как автор поправлялась на морском побережье. Она очень благодарна за деньги, полученные за написание этой истории: на них она смогла стерилизовать своих двух кошек.

СТИВЕН МОФФАТ написал сценарии популярного подросткового сериала «Press Gang» (за который он получил награды BAFTA и Royal Television Society Award) и сериала «Joking Apart» (который получил Бронзовую Розу Монтрё). Ещё он регулярно пишет для телепередачи Дон Френч «Murder Most Horrid», также получавшей награды. Одним из его хобби является упоминание своих наград несколько чаще, чем это считается приличным.

ДЖАСТИН РИЧАРДС начал публиковаться в журналах поклонников «Доктор Кто» в 1980-х годах. Он был одним из редакторов первого «альтернативного» журнала фанатов «Доктор Кто», «Чёрный и Белый Стражи», а чуть позже вместе с Питером Энджилидисом редактировал все выпуски Тома Бэйкера справочника «Doctor Who IN*VISION».

Джастин написал, отредактировал или руководил написанием десятков руководств по использованию программного обеспечения, когда на протяжении нескольких

лет работал автором технической литературы. Заинтересовавшись написанием художественной литературы, он взялся писать повести, и стал автором трёх изданных Virgin повестей «Доктор Кто», включая недавно изданную «Песок времени» из серии «Недостающие приключения». В данный момент Джастин занимается (в порядке роста приоритета): писательством, работой в международной компьютерной компании над определением того, как люди будут работать с компьютерами и программным обеспечением в следующем тысячелетии, и своей семьёй. Он живёт в Уорвикшире, и ему это нравится.

ГАРЕТ РОБЕРТС родился в 1968 г. и вырос в Чешаме, Букингемпшир. Он был упаковщиком парфюмерии, помощником налогового инспектора, запаковывал конверты, присматривал за детской площадкой, работал клерком в апелляционном суде, ходил на актёрские курсы, был кинокритиком, помощником редактора, актёром и писателем. Он написал шесть книг «Доктор Кто» и издал два рассказа по телевизионному сериалу «Cracker». Он любит популярную музыку, никогда не был женат, живёт в Криклвуде.